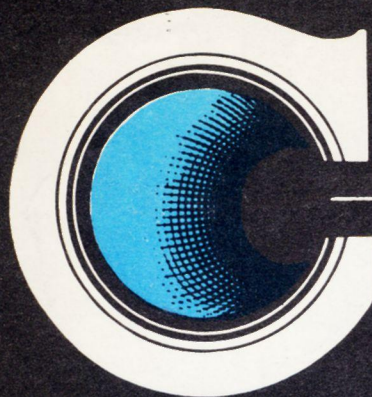

ISSN 0321-3803

12'82

СТУДЕНЧЕСКИЙ МЕРИДИАН

60 ЛЕТ СССР
Славному юбилею —
ударный труд студентов

**Леонид Ильич
БРЕЖНЕВ**

1906—1982

ОБРАЩЕНИЕ

Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР к Коммунистической партии, к советскому народу

Дорогие товарищи!

Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Из жизни ушел верный продолжатель великого дела Ленина, пламенный патриот, выдающийся революционер и борец за мир, за коммунизм, крупнейший политический и государственный деятель современности Леонид Ильич Брежнев.

Вся многогранная деятельность, личная судьба Л. И. Брежнева неотделимы от важнейших этапов в истории Страны Советов. Коллективизация и индустриализация, Великая Отечественная война и послевоенное возрождение, освоение целины и организация исследований космоса — это и вехи биографии славного сына рабочего класса Леонида Ильича Брежнева. Всюду, куда бы ни направляла его партия, Леонид Ильич беззаветно, с присутствием ему энергией и настойчивостью, смелостью и принципиальностью боролся за ее великие идеалы.

С именем товарища Брежнева, с его неутомимой работой на постах Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР советские люди, наши друзья во всем мире справедливо связывают последовательное утверждение ленинских норм партийной и государственной жизни, совершенствование социалистической демократии. Он мудро направлял деятельность ленинского штаба партии — ее Центрального Комитета, Политбюро ЦК, показывая образец умелой организации дружной коллективной работы. Ему принадлежит выдающаяся роль в выработке и осуществлении экономической и социально-политической стратегии партии на этапе развитого социализма, в определении и реализации курса на подъем народного благосостояния, в дальнейшем укреплении экономического и оборонного могущества нашей страны.

Непреодолимы заслуги Леонида Ильича Брежнева в формировании и проведении политики нашей партии на международной арене — политики мира и мирного сотрудничества, разрядки и разоружения, решительного отпора агрессивным проискам империализма, предотвращения ядерной катастрофы. Велик его вклад в сплочение мирового социалистического содружества, в развитие международного коммунистического движения.

Пока билось сердце Леонида Ильича, его помыслы и дела были всецело подчинены интересам людей труда. С массами трудящихся его всегда связывали кровные, неразрывные узы. В сознании коммунистов, сотен миллионов людей на всех континентах он был и останется воплощением ленинских идейности, последовательного интернационализма, революционного оптимизма и гуманизма.

Тяжела понесенная нами утрата, глубока наша скорбь. В этот горестный час коммунисты, все трудящиеся Советского Союза еще теснее сплачиваются вокруг ленинского Центрального Комитета КПСС, его руководящего ядра, сложившегося под благотворным влиянием Леонида Ильича Брежнева. Народ верит в партию, ее могучий коллективный разум и волю, всем сердцем поддерживает ее внутреннюю и внешнюю политику. Советские люди хорошо знают: знамя Ленина, знамя Октября, под которым одержаны всемирно-исторические победы, — в надежных руках.

Партия и народ вооружены величественной программой коммунистического созидания, разработанной XXIII—XXVI съездами КПСС. Эта программа неуклонно претво-

ряется в жизнь. Партия будет и впредь делать все для подъема народного благосостояния на основе интенсификации производства, повышения его эффективности и качества работы, выполнения Продовольственной программы СССР. Партия и впредь будет проявлять всемерную заботу об упрочении союза рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции, об укреплении социально-политического и идейного единства советского общества, братской дружбы народов СССР, об идеологической закалке трудящихся в духе марксизма-ленинизма и пролетарского, социалистического интернационализма.

Неизменна воля советского народа к миру. Не подготовка к войне, обрекающая народы на бессмысленную растрату своих материальных и духовных богатств, а упрочение мира — вот путеводная нить в завтрашний день. Эта благородная идея пронизывает Программу мира на 80-е годы, всю внешнеполитическую деятельность партии и Советского государства.

Мы видим всю сложность международной обстановки, попытки агрессивных кругов империализма подорвать мирное сосуществование, столкнуть народы на путь вражды и военной конфронтации. Но это не может поколебать нашу решимость отстоять мир. Мы будем делать все необходимое, чтобы любители военных авантур не застали Советскую страну врасплох, чтобы потенциальный агрессор знал: его неминуемо ждет сокрушительный ответный удар.

Опираясь на свою мощь, проявляя величайшую бдительность и выдержку, сохраняя неизменную верность миролюбивым принципам и целям своей внешней политики, Советский Союз будет упорно бороться за то, чтобы отворотить от человечества угрозу ядерной войны, за разрядку, за разоружение.

В этой борьбе с нами братские страны социализма, борцы за национальное и социальное освобождение, миролюбивые страны всех континентов, все честные люди земли. Политика мира выражает коренные жизненные интересы человечества, и поэтому за такой политикой — будущее.

Советский народ видит в партии своего испытанного коллективного вождя, мудрого руководителя и организатора. В служении рабочему классу, трудовому народу — высшая цель и смысл всей деятельности партии. Непокколебимое единство партии и народа было и остается источником несокрушимой силы советского общества. КПСС свято дорожит доверием трудящихся, постоянно укрепляет свои связи с массами. Народ на практике убедился, что наша партия при любом повороте событий, при любых испытаниях остается на высоте своей исторической миссии. Внутренняя и внешняя политика КПСС, разработанная под руководством Леонида Ильича Брежнева, будет и далее проводиться последовательно и целеустремленно.

Жизнь и деятельность Л. И. Брежнева будет всегда вдохновляющим примером верного служения Коммунистической партии и советскому народу.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР выражают уверенность в том, что коммунисты, все советские люди проявят высокую сознательность и организованность, своим самоотверженным творческим трудом под руководством ленинской партии обеспечат выполнение планов коммунистического строительства, дальнейший расцвет нашей социалистической Родины.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

12 ноября 1982 года состоялся внеочередной Пленум Центрального Комитета КПСС.

По поручению Политбюро ЦК Пленум открыл и выступил с речью член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС тов. Андропов Ю. В.

В связи с кончиной Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева члены Пленума ЦК почтили память Леонида Ильича Брежнева минутой скорбного молчания.

Пленум ЦК отметил, что Коммунистическая партия, советский народ, все прогрессивное человечество понесли тяжелую утрату. Из жизни ушел выдающийся деятель Коммунистической партии, Советского государства, международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, пламенный борец за мир.

Леонид Ильич Брежнев, находясь в рядах ленинской Коммунистической партии более 50 лет, из них 18 лет на посту ее руководителя, внес огромный вклад в укрепление монолитности ее рядов, политического, социально-экономического и оборонного могущества Советского Союза. Исключительно велика его роль в укреплении мира и международной безопасности. Имя Леонида Ильича Брежнева, с которым непосредственно связаны великие свершения в жизни нашей страны — индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, историческая победа советского народа в Великой Отечественной войне, послевоенное восстановление народного хозяйства нашей Родины, исследование космоса, все успехи в развитии экономики, науки и культуры Советского государства, навсегда вошло в историю

Коммунистической партии Советского Союза, нашей великой Родины.

Участники Пленума ЦК выразили глубокое соболезнование родным и близким покойного.

Пленум ЦК рассмотрел вопрос об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС.

По поручению Политбюро ЦК выступил с речью член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС тов. Черненко К. У. Он внес предложение избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. Андропова Ю. В.

Генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС Пленум единогласно избрал тов. Андропова Юрия Владимировича.

Затем на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Андропов Ю. В. Он выразил сердечную благодарность Пленуму ЦК за оказанное высокое доверие — избрание его на пост Генерального секретаря ЦК КПСС.

Тов. Андропов Ю. В. заверил Центральный Комитет КПСС, Коммунистическую партию, что приложит все свои силы, знания и жизненный опыт для успешного выполнения начертанной в решениях XXVI съезда КПСС программы коммунистического строительства, обеспечения преемственности в решении задач дальнейшего укрепления экономического и оборонного могущества СССР, повышения благосостояния советского народа, упрочения мира, в осуществлении всей ленинской внутренней и внешней политики, проводившейся при Л. И. Брежневе.

На этом Пленум закончил свою работу.

Речь товарища Ю. В. АНДРОПОВА

Товарищи!

Наша партия и страна, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Перестало биться сердце руководителя Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства, выдающегося деятеля международного коммунистического и рабочего движения, пламенного коммуниста, верного сына советского народа — Леонида Ильича Брежнева.

Из жизни ушел крупнейший политический деятель современности. Ушел наш товарищ и друг, человек большой души и большого сердца, чуткий и доброжелательный, отзывчивый и глубоко гуманный. Беззаветная преданность делу, бескомпромиссная требовательность к себе и другим, мудрая осмотрительность в принятии ответственных решений, принципиальность и смелость на крутых поворотах истории, неизменные уважение, чуткость и внимание к людям — вот те замечательные качества, за которые ценили и любили Леонида Ильича в партии и в народе.

Прошу почтить светлую память Леонида Ильича Брежнева минутой молчания.

Леонид Ильич говорил, что каждый день его жизни неотделим от тех дел, которыми живут Коммунистическая партия Советского Союза, вся Советская страна. И это было действительно так.

Индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства, Вели-

кая Отечественная война и послевоенное восстановление, освоение целины и исследование космоса — все это великие вехи на пути труда и борьбы советского народа и в то же время — вехи биографии коммуниста Леонида Ильича Брежнева.

С именем и делами Леонида Ильича неразрывно связаны рост могущества и углубление всестороннего сотрудничества стран великого социалистического содружества, активное участие мирового коммунистического движения в решении исторических задач, стоящих перед человечеством в нашу эпоху, укрепление солидарности всех сил национального освобождения и социального прогресса на земле.

Леонид Ильич Брежнев навсегда останется в памяти благодарного человечества как последовательный, страстный и неутомимый борец за мир и безопасность народов, за устранение нависшей над человечеством угрозы мировой ядерной войны.

Мы хорошо знаем, что мир у империалистов не выпросишь. Его можно отстоять, только опираясь на несокрушимую мощь Советских Вооруженных Сил. Как руководитель партии и государства, как Председатель Совета Обороны СССР, Леонид Ильич постоянно уделял внимание тому, чтобы обороноспособность страны находилась на уровне современных требований.

Здесь, в этом зале, собрались те, кто входит в штаб нашей партии, который восемнадцать лет бесценно возглав-

лял Леонид Ильич. Каждый из нас знает, сколько сил и души вложил он в организацию дружной, коллективной работы, в то, чтобы этот штаб прокладывал верный ленинский курс. Каждый из нас знает, какой неоценимый вклад внес Леонид Ильич в создание той здоровой морально-политической атмосферы, которая характеризует сегодня жизнь и деятельность нашей партии.

С именем Леонида Ильича связаны принципиальная борьба нашей партии в защиту марксизма-ленинизма, разработка теории развитого социализма, путей решения самых актуальных задач коммунистического строительства. Его деятельность в мировом коммунистическом движении по праву получила высочайшую оценку братских партий, наших зарубежных братьев по классу, товарищей по борьбе за социализм, против гнета капитала, за торжество великих коммунистических идеалов.

Жизнь Леонида Ильича Брежнева оборвалась, когда его мысли, усилия обращены были на решение крупнейших задач экономического, социального и культурного развития, определенных XXVI съездом КПСС, последующими Пленумами ЦК. Осуществление этих задач, последовательное проведение в жизнь внутреннего и внешнеполитического курса нашей партии и Советского государства, который был выработан под руководством Леонида Ильича Брежнева, — наш первостепен-

ный долг. И это будет наша лучшая дань светлой памяти ушедшего от нас руководителя.

Велика наша скорбь. Тяжела утрата, которую мы понесли.

В этой обстановке долг каждого из нас, долг каждого коммуниста еще теснее сомкнуть наши ряды, еще крепче сплотиться вокруг Центрального Комитета партии, сделать на своем посту, в своей жизни как можно больше для блага советского народа, для укрепления мира, для торжества коммунизма.

Советский народ безгранично доверяет своей Коммунистической партии. Доверяет потому, что для нее не было и нет иных интересов, чем кровные интересы советских людей. Оправдать это доверие — значит идти вперед по пути коммунистического строительства, добиваться дальнейшего расцвета нашей социалистической Родины.

У нас, товарищи, есть такая сила, которая помогала и помогает нам в самые тяжелые моменты, которая позволяет нам решать самые сложные задачи. Эта сила — единство наших партийных рядов, эта сила —

коллективная мудрость партии, ее коллективное руководство, эта сила — единство партии и народа.

Наш Пленум собрался сегодня для того, чтобы почтить память Леонида Ильича Брежнева и обеспечить продолжение дела, которому он отдал свою жизнь.

Пленуму предстоит решить вопрос об избрании Генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Прошу товарищей высказаться по этому вопросу.

Речь товарища К. У. ЧЕРНЕНКО

Дорогие товарищи!

Политбюро поручило мне выступить перед участниками настоящего внеочередного Пленума ЦК.

Наш внеочередной Пленум ЦК носит действительно чрезвычайный характер. Страна и партия в глубоком трауре. Ушел из жизни Леонид Ильич Брежнев.

Советский народ потерял выдающегося руководителя, который почти два десятилетия стоял во главе партии и государства, отдавая все свои силы и огромные способности во имя счастья советских людей, во имя дела коммунистического строительства в нашей стране. Мы можем сказать, что человечество потеряло великого, поистине неутомимого борца за идеалы мира, свободы и социального прогресса. Мы, советские коммунисты, наши братья в социалистических странах, наши соратники в мировом коммунистическом движении потеряли талантливого продолжателя ленинского дела, человека, у которого учились беззаветной верности интересам трудящихся.

Слова бессильны выразить всю горечь нашей утраты, но в эти скорбные дни великой помощью всем нам служат уроки жизни дорогого всем нам Леонида Ильича.

Леонид Ильич в полной мере обладал даром целиком жить интересами общества, интересами народа. Так было всегда, начиная с юношеских лет и до последнего дня жизни.

Леонид Ильич хорошо знал, что одни благие пожелания — это пустой звук. Мало высказать правильные мысли, нужно подкрепить их четкой организаторской работой, сделать понятными и доступными широким массам трудящихся. Он любил людей. Он умел доверять людям.

Леонид Ильич был человеком исключительного мужества. Он доказал это не только в Великую Отечественную, которую прошел от первого до последнего дня. Мужество не изменяло ему на всем жизненном пути. И он высоко, очень высоко ценил в каждом товарище смелость, принципиальность, стойкость при любых испытаниях.

Быть рядом с Леонидом Ильичом, слушать его, воочию ощущать остроту ума, находчивость, жизнелюбие — это была школа для всех нас, кому выпало счастье работать с ним рука об руку.

Леонид Ильич Брежнев оставляет

нам драгоценное наследство. Наша 18-миллионная партия едина и сплочена. Советский народ беззаветно верит в мудрость партии. Нормами нашей жизни стали требовательность и уважение к кадрам, нерушимая дисциплина и поддержка смелых полезных инициатив, нетерпимость к любым проявлениям бюрократизма и постоянная забота о развитии связей с массами, о подлинном демократизме советского общества.

Бережь и развивай этот стиль руководства, дорожижь всем, что завещал нам своим словом и делом Леонид Ильич, — наш долг перед его памятью, наш долг перед партией и страной. Прочным залогом того, что так будет, служит руководящее ядро партии, ее Центральный Комитет, Политбюро, сформировавшееся при решающем участии Леонида Ильича.

От имени Политбюро я хочу выразить глубочайшую убежденность, что наш Пленум продемонстрирует перед всей страной, перед всем миром, что партия твердо пойдет дальше ленинским курсом, который на современном этапе четко и полно выражен в решениях XXIII—XXVI съездов КПСС. Внутренняя и внешняя политика нашей партии, в разработку и осуществление которой громадный вклад внес Леонид Ильич Брежнев, будет проводиться уверенно, последовательно и целеустремленно.

Нашими ориентирами были, есть и будут благо народа и сохранение мира на земле.

У нас есть развернутая, хорошо взвешенная социально-экономическая программа. Экономика должна быть экономной. Такова установка партии. А это означает техническое перевооружение индустриального и аграрного секторов, совершенствование управления и, конечно, улучшение организации труда, рост его производительности. На этой базе будет неуклонно развиваться экономика нашего государства, повышаться благосостояние народа. На этой же базе будет крепнуть обороноспособность страны.

У нас есть широкая, конкретная Программа мира для восьмидесятих годов. Она отвечает чаяниям народа. Разрядка, разоружение, преодоление конфликтных ситуаций, устранение угрозы ядерной войны — вот задачи, которые мы ставим перед собой. Мы хотим надежной безопасности для се-

бя, для своих друзей, для всех народов мира.

Дорогие товарищи!

Все мы, очевидно, сознаем, что крайне трудно восполнить урон, который причинила нам кончина Леонида Ильича. Сейчас вдвойне, втройне важно вести дела в партии коллективно. Дружная, совместная работа во всех партийных органах обеспечит дальнейшие успехи как в коммунистическом строительстве, так и в нашей деятельности на международной арене.

Политбюро ЦК КПСС, обсудив сложившееся положение, поручило мне предложить Пленуму избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС товарища Андропова Юрия Владимировича. Думаю, нет нужды рассказывать его биографию. Юрий Владимирович хорошо известен в партии и стране как самоотверженный, преданный делу ленинской партии коммунист, как ближайший соратник Леонида Ильича.

За плечами у Юрия Владимировича разносторонняя деятельность в области внутренней и внешней политики, идеологии. Был он и комсомольским вожаком, и крупным партийным работником, и дипломатом. Немало труда им вложено в укрепление социалистического содружества, в обеспечение безопасности нашего государства.

Леонид Ильич высоко ценил марксистско-ленинскую убежденность, партийность, широкий кругозор, его выдающиеся деловые и человеческие качества. Все члены Политбюро считают, что Юрий Владимирович хорошо воспринял брежневский стиль руководства, брежневскую заботу об интересах народа, брежневское отношение к кадрам, решимость всеми силами противостоять проискам агрессоров, беречь и укреплять мир.

Юрию Владимировичу присущи партийная скромность, уважение к мнению других товарищей и, можно сказать, пристрастие к коллективной работе. Политбюро единодушно считает: товарищ Андропов достоин доверия Центрального Комитета, доверия партии.

Дорогие товарищи! Склоняя свои головы перед светлой памятью Леонида Ильича, мы торжественно обещаем, что будем неустанно продолжать нашу созидательную работу. Все, что не успел совершить Леонид Ильич, что наметила под его руководством партия, будет сделано.

Юрий Владимирович АНДРОПОВ

Юрий Владимирович Андропов родился 15 июня 1914 года в семье железнодорожника на станции Нагутская Ставропольского края. Образование высшее. Член КПСС с 1939 года.

Шестнадцатилетним комсомольцем Ю. В. Андропов был рабочим в г. Моздок Северо-Осетинской АССР. Затем его трудовая био-

графия продолжилась на судах Волжского пароходства, где он работал матросом.

С 1936 года Ю. В. Андропов — на комсомольской работе.

Он был избран освобожденным секретарем комсомольской организации техникума водного транспорта в г. Рыбинске Ярославской области. Вскоре его

выдвинули на должность комсорга ЦК ВЛКСМ судовой верфи им. Володарского в г. Рыбинске. В 1938 году комсомольцы Ярославской области избирают Ю. В. Андропова первым секретарем Ярославского обкома ВЛКСМ. В 1940 году Ю. В. Андропов избирается первым секретарем ЦК ЛКСМ Карелии.

С первых дней Великой

Отечественной войны Ю. В. Андропов — активный участник партизанского движения в Карелии. После освобождения в 1944 году города Петрозаводска от фашистских захватчиков Ю. В. Андропов — на партийной работе. Он избирается вторым секретарем Петрозаводского горкома партии, а в 1947 году — вторым секретарем ЦК Компартии Карелии.

В 1951 году Ю. В. Андропов по решению ЦК КПСС переводится в аппарат ЦК КПСС и назначается инспектором, а затем заведующим подотделом ЦК КПСС.

В 1953 году партия направляет Ю. В. Андропова на дипломатическую работу. Несколько лет он являлся Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Венгерской Народной Республике.

В 1957 году Ю. В. Андропов был выдвинут заведующим отделом ЦК КПСС.

На XXII и последующих съездах партии Ю. В. Андропов избирается членом Центрального Комитета КПСС.

В 1962 году Ю. В. Андропов избирается секретарем ЦК КПСС.

В мае 1967 года Ю. В. Андропов назначается председателем Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР. В июне того же года он избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

В мае 1982 года Ю. В. Андропов был избран секретарем ЦК КПСС.

С апреля 1973 года Ю. В. Андропов — член Политбюро ЦК КПСС.

Юрий Владимирович Андропов — депутат Верховного Совета СССР ряда созывов.

На всех постах, где по воле партии трудился Ю. В. Андропов, проявлялась его преданность великому делу Ленина, партии. Он отдает все свои силы, знания и опыт превращению в жизнь решительной партии, борьбе за торжество коммунистических идей.

За большие заслуги перед Родиной Ю. В. Андропову — видному деятелю Коммунистической партии и Советского государства — в 1974 году присвоено звание Героя Социалистического Труда. Он награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени, тремя орденами Трудового Красного Знамени и медалями.

Светлана Садыкова, студентка

Мы — советские люди

«Каждый любит свою родину. Карта — лучший способ познать страну», — начертано на первом советском чертеже государства в кремлевском кабинете В. И. Ленина. Посмотрите на карту СССР сегодня. Велика и необъятна наша страна, протянувшаяся на тысячи километров от зеленых лесов Карпат до скалистых берегов Камчатки, от бескрайних северных морей до заоблачных высот Памира. И все это — наша Родина, принадлежностью к которой, гражданством которой по праву гордится каждый из 270 миллионов ее сыновей и дочерей.

«Мы — советские люди», — с радостью произносят граждане нашей страны, к какой бы нации и народности они ни принадлежали и в какой бы республике они ни жили. Союз нерушимый республик свободных — славное детище Великого Октября.

Величие социалистических свершений особенно наглядно прослеживается на примере бывших национальных окраин. «Возьмите, например, Казахстан, — говорил на XXVI съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев. — Он переживает период настоящего расцвета экономики и культуры...» Когда-то о Казахстане говорили лишь как о крае кочевий, а ныне это процветающая социалистическая республика, располагающая современной промышленностью, развитым механизированным земледелием, передовой наукой и культурой.

В контрасте этих свершений Казахская ССР, как и многие другие советские республики, — пример гениального воплощения идей В. И. Ленина о переходе ранее отсталых народов к социализму, минуя капиталистическую стадию.

«Сила птиц — в крыльях, сила человека — в дружбе», — говорит казахская пословица. И жизнь наглядно подтверждает ее правоту.

Я часто вспоминаю мое детство, которое прошло в небольшом казахском селе, где, как и повсюду в нашей стране, дружно живут и работают люди разных национальностей: казахи, русские, украинцы, уйгуры, дунгане. Многоязычно наше село, но один из языков — русский — родной для каждого.

После окончания школы по комсомольской путевке поехала я на всеозонную стройку под Алма-Атой, затем семь лет работала в комплексной бригаде на строительстве столицы Казахстана. В 1979 году вместе с посланцами молодежи всей страны возводила в Москве этажи олимпийской деревни. Тогда даже не могла предполагать, что вскоре вновь приеду в столицу на учебу в Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, на семи факультетах которого обучаются юноши и девушки из 107 освободившихся стран мира и десятки представителей наций и народностей нашей страны.

Я безмерно счастлива, что учусь в Москве — столице СССР, этом огромном, многонациональном городе, где живут миллионы трудолюбивых и радужных людей. Вначале мне казался непривычным стремительный поток столицы, но постепенно я «вписалась» в ритм повседневной московской жизни. Этим летом в составе интернационального студенческого строительного отряда «Надежда» работала на сооружении объектов повышенной трудности в Москве.

Меня спрашивают иногда: «Трудна ли работа строителя?» Трудна, конечно, но как здорово сознавать, что вместе со своими ровесниками из союзных республик и многих стран планеты строишь наш прекрасный город, ставший символом дружбы народов.

Мне всегда вспоминаются мои друзья по строительной бригаде в Алма-Ате, когда я смотрю на врученный мне недавно орден Дружбы народов. После окончания УДН я вновь надеюсь встретиться с ними на одной из новостроек Казахстана.

«Пусть Россия будет Союзом свободных республик», — писал Владимир Ильич Ленин еще накануне Великого Октября. Эти пророческие слова вождя были обращены в будущее. Сегодня они стали нашим настоящим. В истории человечества есть немало славных дат, которые оставляют глубокие следы. Но есть даты, значение которых выходит за пределы одной страны. К ним с полным основанием относится радостный праздник советского народа — 60-летняя годовщина образования СССР.

Высшая школа — 60-летию СССР

Цифры и факты

● Коренным образом изменились масштабы и облик советской системы высшего образования за 60 лет. Если в 1922/23 году в 248 вузах обучалось 217 тысяч студентов, то в 1981/82 году в 891 вузе овладевают знаниями уже 5 миллионов 235 тысяч юношей и девушек.

● Более 2 тысяч студентов в нашей стране являются депутатами Верховных Советов и местных Советов народных депутатов.

● В СССР создана подлинно демократическая система образования. Студенты входят в состав советов ректоров, действующих в вузовских центрах страны, являются членами совета по высшей школе при Минвузе СССР.

● Сегодня в вузах и техникумах около 500 тысяч отличников учебы, более 5 тысяч из них — ленинские и именные стипендиаты. Свыше 2,6 миллиона студентов активно занимаются научно-исследовательской работой.

● По итогам десятой пятилетки 1700 студентов, преподавателей и сотрудников вузов — участники и организаторы студенческих отрядов за ударный труд и отличную учебу награждены орденами и медалями СССР.

● Гордостью Всесоюзного студенческого отряда стал труд в городе Гагарине. За годы шефства в составе интернациональных студенческих отрядов на стройплощадках города работали 11 тысяч юношей и девушек — посланцев вузов столиц союзных республик и городов-героев страны.

● Летом 1982 года более 175 тысяч студентов работали за пределами своих республик, краев и областей. Студенчество Украины, Белоруссии, республик Закавказья и Средней Азии трудилось на объектах Нечерноземья, Западной Сибири; посланцы областей РСФСР помогали южным территориям страны в уборке овощей и фруктов, ликвидации последствий землетрясения в районах Узбекистана и Киргизии.

Письма заинтересованных людей

Достоинно отмечают славный юбилей нашего государства — 60-летие образования СССР — работники

народного просвещения и культуры, педагоги высших и средних специальных учебных заведений, студенты, учащиеся, школьники. Они с гордостью говорят о достижениях ранее отсталых и лишенных грамоты народов, о их пути

ко всеобщему среднему образованию, к высотам знаний, к расцвету культуры. «Студенческий меридиан» получает письма из различных краев нашей страны, в которых их корреспонденты (в основном комсомольцы, студенты) рассказывают о пути, пройденном их вузом за эти годы, напоминают его историю. Вот некоторые из них.

Наш вуз — ровесник СССР

Для всех нас этот год необычный, насыщенный важными событиями: XIX съезд ВЛКСМ, славный юбилей нашей Родины — 60-летие образования СССР. А для нас, студентов Армянского пединститута имени Х. Абовяна, этот год памятен еще и другим: институту — 60 лет, он ровесник СССР.

Сотни теплых писем, благодарностей, поздравлений приходят сюда от тех, кто покинул аудиторию вуза много лет назад. И, читая поздравления, невольно прослеживаешь весь славный путь института от первого звонка в его аудиториях до дня нынешнего, когда институт стал крупнейшим педагогическим вузом республики.

В дни юбилея понятен интерес к прошлому. И сегодня с особой отчетливостью осознаешь, какой гигантский шаг совершила

за эти годы наша республика в братской семье народов СССР. Навероятно, но факт: на земле древней культуры до победы Великого Октября не было ни одного университета. Потерявший государственность в годы османского владычества армянский народ не смог сохранить свои университеты, достигшие высокого уровня развития еще в средние века, и в течение многих столетий вынужден был обучать своих сыновей в университетах других стран. Впервые после большого исторического перерыва, буквально через несколько месяцев после установления Советской власти, был открыт в Ереване государственный университет.

А вскоре после этого появился и наш институт.

Биография вуза — это во многом биография его студентов. И она неотделима от широкой географии нашей многонациональной страны, от чувства семьи единой, которое объединяет студентов в дружный интернациональный коллектив.

В институте учатся юноши и девушки разных национальностей нашей Родины: армяне и русские, азербайджанцы и курды... Мы горды тем, что сегодня Армянская ССР — крупный центр высшего образования. И осознаем, что тем большим должен быть наш вклад в развитие экономики и культуры великой Советской Родины — СССР.

Мы стремимся вносить его уже сегодня. Высоко ценят помощь наших комсомольцев — бойцов ВСО в Краснодарском крае, Тюменской области, Марийской АССР, Якутии, где рядом с армянином трудятся русский, белорус, казах. Здесь представители разных народов учатся не только работать, но и дружить, лучше понимать друг друга.

Н. Габриелян, студентка педагогического института имени Х. Абовяна, г. Ереван

Язык дружбы и братства

Хочется оглянуться в прошлое, вспомнить с благодарностью о людях родного института, который в этом году отмечает свое 50-летие со дня основания.

И еще нелишне вспомнить грустную дореволю-

ционную статистику: по переписи 1897 года, грамотность населения на территории современного Таджикистана составляла всего лишь 2,3 процента. Здесь не было ни одного среднего специального и высшего учебного заведения (для сравнения: сегодня их в республике около пятидесяти!).

Конечно же, развитие народного образования потребовало массовой подготовки национальных педагогических кадров. Огромную помощь в этом оказали братские народы — русский, узбекский и др. С именами таких ученых, как Пирева, Баклушина, Проценко, Землякова, связаны те успехи, которых добился институт в довоенные годы в подготовке первых высококвалифицированных учителей математики для школ нашей республики и области. Первые учителя факультет выпустил в 1936 году. Их тогда было 12. С отличием в тот год окончил факультет Садылло Абдулло Саидович, ныне заслуженный учитель Таджикской ССР, отличник народного образования. Он и по сей день продолжает успешно работать в институте, отдавая все свои знания и богатый жизненный и педагогический опыт молодому поколению.

Подготовка учителей русского языка и литературы в институте началась с 1937/38 учебного года. В республике тогда остро ощущалась нехватка преподавателей этого важнейшего предмета в национальных школах. Необходимо было повысить пропаганду среди школьников, особенно нерусских классов, роли русского языка, который стал средством межнационального общения всех народов СССР.

На факультете хорошо помнят недели русского языка, проходившие под девизами: «Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин», «Зовет на подвиги советские народы Коммунистическая партия страны». В нынешнем, юбилейном, году проводится семнадцатая неделя русского языка и литературы.

Факультет вырос. Если в первый год существования на нем обучалось 240 студентов, то в настоящее время 1100 человек. В институте учатся юноши и девушки различных национальностей, но больше всего девушек.

Это, конечно, хорошо... Но сегодня школе так нужны преподаватели-мужчины! Их отсутствие или, в лучшем случае, малое количество отрицательно сказывается прежде всего в деле воспитания нашего подрастающего поколения. Нередко случается, что окончившие вуз после обязательной отработки в школе минимального срока уходят из нее. А что такое три года в школе? Молодой учитель только-только освоит азы профессии, установит контакт с коллективом педагогов и наконец войдет в доверие к своим подопечным, и все это безжалостно рвется. Так было десять лет назад. Такая картина, к сожалению, наблюдается и сегодня.

Чем привлечь молодых мужчин-педагогов в школу? Одними призывами с трибуны здесь, очевидно, не обойтись. Хотелось бы, чтобы «Студенческий меридиан» предоставил возможность высказать свое мнение всем заинтересованным людям по этому вопросу.

Г. Сошев, выпускник математического факультета Ленинградского педагогического института

Мне хочется стать личностью

Меня давно занимает вопрос о рождении личности. И вот, открывая восьмой номер вашего журнала, вижу, что я тут не одинок. В разговоре о формировании личности принимают участие и ученые, и писатели, и деятели культуры. А между тем единого мнения о том, что входит в понятие «личность», нет. Меняется ли это понятие во времени?

Мне думается, что чем больше читателей «Студенческого меридиана» примет участие в обсуждении этой проблемы, тем лучше. Хорошо бы потом суммировать мнения многих людей по этому вопросу.

Представьте себе, что вы однажды проходите мимо книжного киоска и видите на прилавке книгу или хотя бы брошюру под названием «Как стать личностью?». Могли бы вы пройти мимо нее? Вряд ли. Ведь мы все мечтаем стать личностью. Когда я однажды во время экзаменационной сессии услышал, как преподаватели говорили о моем друге-студенте,

что это уже личность, я чуть с ума от зависти не сошел. Это, конечно, преувеличение, но все-таки мне и в самом деле было завидно. Так хотелось, чтобы и обо мне так же кто-то сказал или хотя бы подумал. А между тем я даже не имел четкого представления о том, кого можно считать личностью, а кого нет. Да и теперь, честно говоря, не могу найти ответа.

И все-таки... Мне хочется стать личностью. А как? Все приглядываюсь к своему приятелю, которого назвали личностью, и вижу, что ничего особенного в нем нет: такой, как многие. Но все же чем-то отличается. Чем же? Может, самостоятельностью? Он рано начал трудовую жизнь: еще в школе в каникулы работал на почте, потом, уже будучи студентом, подрабатывал сторожем на стройке. Деньги дали ему возможность покупать книги. Не тряпки вроде джинсов, а необходимые ему литературу. Книжки сделали его содержательным, интересным человеком. Он много знает, но не кичится своими знаниями, даже скорее наоборот: не показывает их без нужды. Самостоятельность и содержательность дали ему возможность иметь на все свою точку зрения. Она далеко не всегда такая, как у всех, но всегда содержит в себе желание нести добро людям, что включает в себя и справедливость и честность.

Что еще я могу сказать о своем друге?.. Он решителен в своих действиях, в основе чего также лежит самостоятельность... Чего ему порой не хватает, так это общительности. Он замкнут в себе, и его не назовешь душой коллектива...

То же ли самое имели в виду преподаватели нашего института, я не знаю, но хотелось бы знать мнение других читателей о том, кого можно и кого нельзя назвать личностью...

Г. Соколов, г. Владивосток

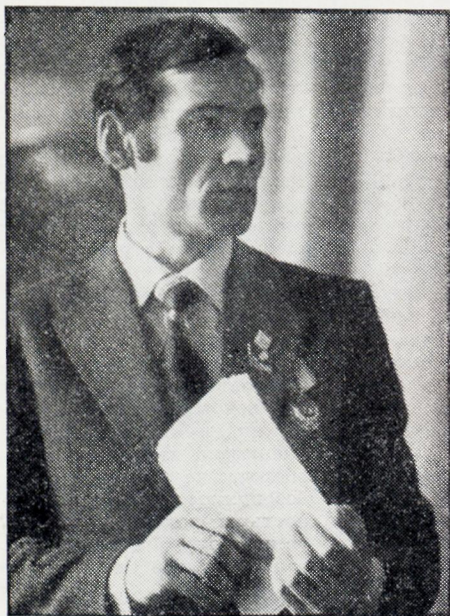
Интернационализм сегодня — это прежде всего честный, добросовестный труд на общее благо.

Из отчетного доклада ЦК ВЛКСМ XIX съезду комсомола

Труд на благо Родины

Честный труд, труд на общее благо! Для студенчества это прежде всего отличная учеба, научный поиск, участие в третьем трудовом семестре.

О студенческих инициативах рассказывают делегаты XIX съезда ВЛКСМ, представители вузов России, Украины, Узбекистана, Эстонии.

Валерий Мотков, студент Новосибирского электротехнического института

Пройдет совсем немного времени, и мы станем инженерами. От нас будут ждать грамотных производственных решений, серьезных научно-технических разработок. И к этому нужно основательно готовиться в студенческие годы. Конечно, мы понимаем, что прежде всего успешный путь к диплому зависит от самого студента, его отношения к учебе, будущей профессии. К сожалению, в нашей студенческой среде еще встречаются молодые люди, которые ориентируются не на собственное трудолюбие, прилежание, а лишь на помощь родителей и государства. На одном из комсомольских собраний нашего факультета зашел разговор о том, как изжить подобного рода иждивенчество и создать в каждой группе атмосферу увлеченности знаниями, проблемами будущей профессии. Мнение комсомольцев было единодушным: это возможно лишь при условии, когда жизнь каждого студенческого коллектива пронизана самостоятельностью, а товарищеские отношения сцементированы общим интересным делом. И обязательно это дело искать за тысячами километров — оно может быть рядом. Неподалеку от нашего вуза строится станция метро «Студенче-

ская». Узнав, что там остро не хватает рабочих рук, ребята из группы МП-71 решили каждую неделю одну смену трудиться на сооружении метро, которого так ждут новосибирцы.

Практика подтверждает: настоящий инженер-новатор, организатор, творец воспитывается не в академической тиши, а на стремнине жизни. Прошлым летом мы строили ЛЭП в Горном Алтае. В проекте оказались грубые технические ошибки. Досадно было за будущих коллег-инженеров. Но это был и предметный урок, как не надо работать, урок, заставлявший задуматься о высочайшей ответственности инженера. Бойцы отряда самостоятельно откорректировали проект и сдали линию в срок с оценкой «отлично».

Не парадокс ли: летом в стройотряде студенту доверяют не только гвозди забивать, но и самостоятельно решать сложные технические задачи, а два других, учебных, семестра зачастую приходится решать задачи только из учебника. Стоит ли после этого удивляться, что не перевелись еще бескрылые, безынициативные специалисты? Я думаю, их станет значительно меньше, если комсомольские организации будут активнее привлекать студентов к решению актуальных народнохозяйственных проблем.

Для нас, сибиряков, кровным делом стало участие в осуществлении гигантской по своим масштабам научно-технической программы «Сибирь», в которой намечены перспективы развития края до 2000 года. Комсомольская организация института определила свое место в строю преобразователей Сибири. Нашими отрядами «Энергия» уже построены линии электропередачи протяженностью, равной расстоянию от Москвы до Владивостока. По просьбе нефтяников и геологоразведчиков нами сконструирован вездеход-амфибия. Но много еще и предстоит сделать в освоении Сибири нам и нашим коллегам-студентам из Казахстана, Грузии, Армении и других республик, которые ежегодно трудятся в составе строительных отрядов на сибирских стройках.

В эти юбилейные дни, говоря с гордостью о наших достижениях, с особой ясностью осознаешь: любое дело, поступок необходимо поверять одной мерой — мерой полезности народу нашей великой Родины.

Дилар Бегибаева, студентка Андижанского института хлопководства

Иногда говорят: закончите институт, получите диплом и вступите в самостоятельную жизнь. Получается, в школе, институте мы люди несамостоятельные? С теми, кто это утверждает, я всегда спорила.

Каждый из нас по-разному приходит к осознанию своего места в жизни. У меня не было проблемы «кем быть?». Конечно, гидромелиоратором. За школу получила золотую медаль, были заманчивые перспективы. Но осталась в Андижане. С детства привыкла к мысли, что вести воду в пустыню — это мое дело.

Институт наш молод. И проблемы, конечно, есть. Много забот с первокурсниками. Приезжают ребята из дальних сел — узбеки, каракалпаки, азербайджанцы, башкиры, — помогаем им лучше изучить русский язык, приобрести навыки самостоятельной работы. И усилия эти дают положительный результат.

...С первого курса я выезжала с друзьями на уборку хлопка. Сорту нам доверяли ценные, семенные. Идешь по полю — белое море перед тобой. Человеку, не знающему пустыни, возможно, трудно будет меня понять, но берешь пушистую коробочку и чувствуешь в руке пульс жизни.

Этой жизни нужна вода. И я рада, что моя будущая работа поможет ее дать.

Александр Мороз, секретарь комитета комсомола Львовского политехнического института

Реальное курсовое и дипломное проектирование, работа студенческих конструкторских и технологических бюро, участие в выполнении хоздоговорной и госбюджетной тематики кафедр, третий трудовой семестр на стройках Украины и Тюмени — вот наш вклад в пятилетку.

У нас в институте развивается новая форма НИРС — работа в составе межведомственных комплексных науч-

Среди студентов нашего университета представители 31 национальности. Факт, на мой взгляд, значительный. Западные «доброжелатели» твердят о некой мифической «национальной замкнутости» прибалтийских народов. Какая же тут «замкнутость»?!

Интерклуб университета поддерживает тесные контакты с более чем 50 вузами страны, научные интересы связывают нас со студенчеством Ленинграда и Риги, Москвы и Вильнюса. Ребята из Новосибирского университета трудились на реставрации зданий нашего вуза. С февраля нынешнего года в вузе проходят дни союзных республик, немало гостей собрали студенческие дни. И в каждодневной работе вновь и вновь убеждаешься, насколько крепки узы братства, связывающие народы нашей великой страны.

Виктор Рыжков, студент Приморского сельскохозяйственного института

Приморье — край богатый, и мы должны еще на студенческой скамье учиться наши богатства использовать с толком, рачительно.

Есть у нас в институте отряд «Искатель». Создавался он так. Несколько лет назад пятнадцати студентам факультета механизации сельского хозяйства и трем преподавателям было поручено решить несколько научно-производственных задач по разработке прогрессивной технологии возделывания сои в Приморском крае. Задачу ребята выполнили. Однако на этом не остановились. Под руководством ученых они сконструировали и изготовили опытные образцы агрегатов, применение которых позволило в кратчайшие сроки провести сев. Кем только не были студенты: конструкторами, чертежниками, слесарями, технологами!

Сейчас уже треть полей в крае возделывается по технологии, разработанной отрядом. Экономический эффект от ее применения превышает ежегодно миллион рублей.

Сейчас в институте по опыту «Искателя» действуют уже двенадцать отрядов. И мы горды тем, что в реализации всенародного дела — Продовольственной программы — есть частичка и нашего труда.

Надежда Танакова, студентка Марийского политехнического института

Чувство локтя, сознание того, что рядом настоящие друзья, готовые в любой момент прийти на помощь... Еще и еще раз убеждаюсь в том, насколько все это важно для создания хорошего, крепкого коллектива. На съезде мне довелось познакомиться с тем, как живет и учится одна из групп Воронежского университета — об этом рассказывала делегат И. Котова. Очень интересно! Ребята выполняют коллективное комсомольское поручение — шефствуют над воспитанниками университета, которые в годы войны защищали Воронеж. И может быть, именно с этого общего дела родился в группе принцип «участвуют все» — идет ли речь о трудовом семестре или олимпиаде «Студент и научно-технический прогресс», конкурсе работ по общественным наукам или шефской помощи детдому.

Есть у высшего комсомольского форума такая особенность: все, что довелось услышать, увидеть, впечатления от встреч, разговоров, дискуссий невольно пропущаешь через свой собственный жизненный опыт, стараешься взглянуть на свой коллектив как бы со стороны. Долго думала об этом, и на память пришла одна давняя обида...

Сдавали мы зачет по эстетике. Все прошло хорошо, да только «ложку дегтя» преподнесли после зачета ребята из пединститута. «Вы, — говорят, — технари, народ серый и неинтересный». А между прочим, только на одном нашем факультете два самодеятельных театра. Действует дискуссионный клуб «Зеркало». Наши фестивали «Студенческая весна» собирают массу зрителей. Вот вам и технари...

И когда зашел на съезде разговор о творческой атмосфере в комсомольском коллективе, сразу подумала: залог успеха вот в чем — интересно жить, интересно работать, интересно учиться. И здесь — в заинтересованности всех и каждого в результате общего дела — начало всего: и комсомольской принципиальности, и деловитости, и ответственности.

Нам в группе интересно, быть может, еще и потому, что мы очень разные. У каждого свой жизненный опыт, свой темперамент. Группа у нас многонациональная. Комсорг Оля Мельник — украинка, Самвел Казарян — из Армении, остальные — русские и мари. Мы очень удачно дополняем друг друга, каждый привносит в работу свое, оригинальное. Чем бы ни занимались: будь то рейд по экономии электроэнергии (мне это особенно близко, ведь я в «Комсомольском проекте») или конкурс художественной самодеятельности — во всем у нас взаимопонимание. В общем-то обычная группа, ничем не выдающаяся. Но думаю, та живая, творческая атмосфера, о которой говорилось на съезде, у нас уже сложилась.

но-производственных комсомольско-молодежных коллективов. Первый такой коллектив «Экран» объединил усилия студентов и инженерной молодежи НИИ, промышленных предприятий в разработке целевой научно-технической программы «Качество электронно-лучевых приборов».

Сегодня уже все курсовое проектирование, производственная практика нацелены на решение конкретных научно-технических задач. Группа АТ-42 в ходе производственной практики на автобусном заводе внесла семь рационализаторских предложений. Благодаря им были высвобождены от тяжелого физического труда несколько десятков рабочих.

Подобная организация НИРС, мне кажется, один из путей решения проблемы создания поистине массового научно-технического движения молодежи.

Андрей Лаурен, секретарь комитета комсомола Тартуского университета

Язык нашего единства

*Александр Гринкевич,
первый секретарь Гагаринского горкома ВЛКСМ*

День интернациональной стройки

Подметил я такую особенность: в этот день буквально с самого утра на улицах непривычно много людей, идут семьями — со стариками, малыми ребятами.

А дело происходит в один из первых июльских дней, который не обозначен ни в одном официальном календаре, разве что в нашем горкомовском дневнике обведено это число красным карандашом: день открытия лагеря интернационального студенческого отряда в городе Гагарине.

Думаю, всякий, кто впервые попадает сюда, испытывает хотя бы на мгновение чувство внезапного, неожиданного удивления: не потому, что увидит нечто необычное или выдающееся, а просто почувствует особую атмосферу, которой наполнен каждый день студенческой стройки.

Знаю наверняка (все-таки три года был командиром интернационального отряда), ветераны студенческой стройки в Гагарине не любят красивых слов, недосуг их произносить, когда завертятся маховик трудового семестра: работать здесь трудно, условия не совсем обычные, и все-таки ощущение приподнятости живет в душе каждого, кто хоть однажды надевал штормовку с голубой треугольной эмблемой нашего отряда.

В чем тут дело?

Наверное, в уникальности города и отряда.

Вспомним. И посмотрим на город глазами старожила.

Небольшой тихий городок, утопающий в зелени садов, живущий своей неторопливой, размеренной жизнью, домишки все больше одноэтажные,

сколоченные плотниками, которыми славились эти места, уже после того, как по смоленской земле огненным смерчем прокатилась война, а по улице Гагарина гуляет пыль, эта главная улица еще не одета в асфальт. И не было в городе химчистки, бани, стадиона, районная больница и та всего на сто коек...

В год десятилетия первого полета в космос здесь появились студенты из Харьковского института общественного питания, Ереванского университета и Тбилисского политехнического института, и с этого момента город зажил новой жизнью. Сейчас, спустя одиннадцать лет, нам, новому поколению бойцов интернационального отряда, их дела и заботы могут показаться мелкими и незначительными, студенческих объектов, по нынешним меркам, раз, два и обчелся: поликлиника, типография и жилой дом, ремонт школы, в которой учился Юрий Алексеевич... Но объемы освоенных капиталовложений, справки о проделанной работе в то лето семидесят первого года все-таки не могут дать представления о том, что было сделано этим небольшим отрядом численностью в 104 человека.

Они были первыми, начали дело, которому суждена была долгая жизнь.

В то лето был заложен в центре города фундамент памятника первому космонавту планеты.

И вряд ли предполагали ребята из Харькова, Еревана и Тбилиси, что своим трудом заложили они еще один фундамент — уникального памятника, которому нет равных в истории студенческих строительных отрядов страны: города-памятника.

Сейчас нельзя назвать человека, которому первому пришла в голову мысль создать такой памятник. Идея студенческого шефства над родными местами Гагарина родилась одновременно в Москве и Тарту, Ереване и Алма-Ате... Точнее было бы сказать: в этом смелом замысле воплотились чувства всего многонационального советского студенчества. Когда на следующий год Секретариат ЦК ВЛКСМ принял постановление о шефстве Всесоюзного студенческого отряда над строительством и благоустройством города, масса писем хлынула в Центральный Комитет комсомола, и в каждом были строки «хочу работать в Гагарине».

...У въезда в город надпись: «Над строительством города шефствует Ленинский комсомол» — ее заметит каждый, кто направляется от железнодорожного переезда к центру Гагарина. Плоды шефства видны сейчас повсюду в городе. Просторная центральная площадь, памятник первооткрывателю космоса, гостиница «Восток», хозяйственные постройки, жилые дома, похорошевшие, аккуратные улицы, парк культуры и отдыха, комплекс общежитий отряда, детские сказочные городки, построенные горьковскими студентами, — и не перечислить всех объектов, в сооружении которых участвовали студенты, приехавшие сюда из всех республик страны. Свыше одиннадцати тысяч человек, лучшие представители вузовской молодежи, прошли школу трудового семестра в Гагарине и оставили добрую память. Эта память не только в поднявшихся на месте старых, ветхих строений прежнего Гжатска новых современных зданиях. Она в самой атмосфере города. Студенты принесли сюда дух молодости, энтузиазма, творческого поиска, живой фантазии, они как бы задали тот стремительный ритм, в котором живет сейчас город, и ритм этот вполне ощутим сейчас хотя бы в масштабах строительства — десять лет назад здесь строилось в десять раз меньше.

Человек строит город, и город строит человека — эта истина особенно полно и ярко проявляется здесь, в Гагарине, потому что в интернациональном отряде за годы его существования сложились хорошие, крепкие традиции. Вдумайтесь: представители всех союзных республик и городов-героев собираются здесь в жаркие летние месяцы. Мне часто приходилось бывать на торжественных построениях, посвященных началу трудового семестра. Стоишь, смотришь, как идут по площади мимо памятника Гагарину отряды — Москва, Ленинград, Украина, Грузия, Молдавия, Брест, Волгоград, Эстония... И вдруг ловишь себя на мысли: а ведь тут, на центральной площади некогда тихого, сонного городка, сейчас вся наша страна!

Всегда поражаюсь такой особенностью. Всего пару дней, как прибыли отряды к месту дислокации, еще и не обустроились толком, не огляделись как следует, а уже успели все переизучить, познакомиться, подружиться.

Объединяет их не только принадлежность к студенческому племени, но нечто большее, то, что сплачивало строителей Днепрогэса и Турксиба, Магнитки и Братска, БАМа и «Атомма-

ша» — объединяет их ИДЕЯ: «Лишь вместе, в одном строю мы придем к успеху».

Наверное, именно поэтому в бытность командиром интернационального отряда как-то никогда не делил объекты на республиканские, областные. Были, конечно, и есть сейчас графики, планы закрепления отрядов за тем или иным участком: Брест — жилые дома, фундаменты клуба и столовой, Эстония — водозаборные сооружения, Харьков и Узбекистан — кирпичный завод, Севастополь — завод трубных заготовок, Киргизия — автовокзал, сооружающийся по проекту бывшего бойца, командира ССО Киргизии, а сейчас главного архитектора города Толобая Кенешева... Есть студенческие «автографы» на домах: «Баку-75» и другие, есть сквер, разбитый белорус-

скими студентами, фонтан — дипломный проект украинского парня, да что там говорить, каждая республика оставила в городе свой след. И все это сегодняшний Гагарин, в облике которого воплотился совместный труд посланцев из всех уголков нашей страны. Должно быть, поэтому ни разу не слышал от коренных гагаринцев: «Там работают литовцы, а здесь — грузины...» Всегда говорили так: «Работают студенты».

Порой с грустью вспоминаю нашу вечную летнюю штабную лихорадку. 23.30 — отбой, 6.20 — линейка, но этих семнадцати рабочих часов не хватало, жизнь в штабе кипела иной раз до глубокой ночи — пришлось поставить в штабе кровать на всякий случай. А потом и вовсе перебрался сюда жить. Вспоминаю ребят — ко-

миссара Виталса Леиньша, командира «Минска» Святослава Зизюльчика, Валеру Сапрыкина из «Керчи», командира «Украины» Володю Ильина, Шухрада Карабаева из отряда «Узбекистан», Гену Серякова из Новополюцка, — мы спорили и трепали друг друга нервы, ругались и мирились, радовались и грустили вместе. Что ж, стройка есть стройка со всеми ее проблемами, сложностями — то нет материалов, то отряд стоит, а план есть план, мы за него отвечаем, и бывали моменты, не кривя душой, у каждого из нас бывали, когда хотелось из-за этой вечной запарки бросить все...

Но почему пронзила тебя вдруг острая грусть, когда поезд увозил из города последний отряд? Почему в такие минуты думал: «Скорей бы все началось опять»? Почему ветераны отряда, оказавшись хоть на пару дней в Москве, хоть проездом, обязательно выкроют время, чтобы завернуть в Гагарин, а то вдруг многие из тех, кто теперь далеко от этого города, получают телеграмму от Валеры Сапрыкина: «Женюсь. Жду всех на свадьбу»?

Город строит человека... Город дал нам, таким разным, непохожим, русским, узбекам, украинцам, армянам — всем — главное: настоящую дружбу.

И ничего нет удивительного в том, что в один из первых июльских дней, не отмеченных в календаре красным цветом, гагаринцы говорят друг другу: «С днем студенческой стройки!»

На стройке, в поле, на шефском концерте в селе — везде и всегда с радостью встречают посланцев Гагаринского интернационального студенческого отряда. Фото В. Лупандина.

Оформление К. Кухтина.

даря его самоотверженным действиям был спасен хлеб на десятках гектаров. Бюро областного комитета комсомола выражает сердечную благодарность преподавателям, партийной, комсомольской организациям института, воспитавшим Гумера Асадуллина настоящим советским человеком... Олег Насонов, первый секретарь Тургайского обкома ЛКСМ Казахстана».

Такая же телеграмма тревожно-радостно постучалась и в окошко родительского дома, и здесь облегченно вздохнули, прочитав строки: «Гумер жив, ожогов не получил, продолжает самоотверженно трудиться...» И позже, когда он наведается в родное село Кашетканлы, отец, Габбас Нотфуллоевич, сам бывалый хлебороб, кавалер ордена Славы, задумавшись и как бы о многом догадываясь, не будет долго расспрашивать о том, что произошло тогда в Казахстане, ибо знает: сын хвалиться не любит. И медаль «За трудовую доблесть» увидят на груди Гумера не сразу: он надевает ее лишь в самые торжественные дни.

Юркий поезд поторапливался на юг, а за окном выгибалась по окоему теплая, пахнущая пшеницей степь, необозримая вселенная хлеба — поднятая целина.

Она встретила ребят жарким дыханием страды. Но не привыкать бойцам из «Татарстана» ни к знойному суховею, что не дает нарождаться утренней росе, ни к ночным комбайнерским вахтам в загонке, когда от усталости звезды подчас кажутся ядреными зернами на черной пашне... Уже четвертое лето казанские студенты помогают убирать хлеб в совхозе «Ростовский». У Гумера же за плечами с детства жатв. Начиная хлеборобствовать еще школьником на отцовском комбайне. За это время четыре поколения машин опробовал: от рыженького медлительного СК-За до как бы бегущей по волнам хлебного моря «Нивы». И все же трудно было свыкнуться с масштабами здешними. От горизонта за горизонт, шесть тысяч гектаров взялись убирать бойцы студенческого механизированного комплекса. Да это же, прикинул Гумер, три пахотных поля моего родного колхоза «Татарстан». «Есть где развернуться», — пошутил агроном местной бригады, приветливый казах Кинжебек Ташетов. Впрочем, без его помощи развернуться отряду было бы непросто. Казалось, каждый квадратный метр этих, как потом оказалось, не совсем гладких полей изучил, проверил Кинжебек. И как умелый лоцман, надежно выводил ребят из любой передраги. Были поначалу проблемы и с готовностью техники, и с запчастями, решали их сообща с местными земледельцами — русскими, казахами, украинцами, немцами. Язык был, как говорится, общий, и главное слово в нем — «хлеб».

— Заметьте, когда люди произносят это слово, губы как бы непроизвольно улыбаются и лица становятся добрее...

Говоря об этом, Гумер вспомнил строки татарского поэта Шамиля Анака:

Для всех на земле, для всех
работа есть, и хлеб,
и на дорогах солнце...

Язык нашего единства

Лик зерна

В Казанском сельхозинституте по случаю его 60-летия открылся музей. Вот потускневший от времени серп, которым убирали первый артельный урожай... Вот поражающее оптимизмом сообщение из огненных сороковых о том, что в разгар страшной войны здесь, в Татарии, изобретен плуг для глубокой вспашки... Вот вылинявшая, грубого полотна солдатская гимнастерка ушедшего на фронт преподавателя, и здесь же будто снятая с разгоряченных работой плеч целинка бойца ВСО...

Глядя на эти в общем-то очень простые, будничные по своему назначению вещи, проникаешься мыслью: у каждого есть свое, пусть и скромное, но всегда ответственное и незаменимое место в жизни, а значит, и в истории.

История КСХИ — вуза, созданного в молодой автономной республике одновременно с образованием СССР, яркие биографии его выпускников — это и частичка биографии нашего многонационального государства. Многие из них прошли трудовое крещение на полях Казахстана, связали свои судьбы с братскими автономными рес-

публиками Поволжья, активно участвуют в подвеме российского Нечерноземья. Экспонаты могли бы немало рассказать о том, как в сердцах студентов и выпускников института крепло священное чувство семьи и земли единой, как прочно входит оно в образ жизни нынешних его воспитанников.

Так вышло, что именно отсюда, с музея, и началось мое знакомство с одним из них — Гумером Асадуллиным. Это его целинка на музейном стенде.

Впрочем, приобрести ее стоило основателям музея большого труда. «В музей? — удивлялся Гумер. — Реликвия?» Чудно было ему, двадцатилетнему, связывать свою сегодняшнюю — вот она вся вокруг! — жизнь с музеем. И не от гордости это, как объяснит мне потом лучший его друг, однокурсник Коля Краснов, от тишайшей скромности Гумера.

«Казань, сельхозинститут, ректору. Сообщаем, что студент вашего института, боец студенческого механизированного комплекса «Татарстан» Гумер Асадуллин проявил мужество и героизм при тушении пожара на полях совхоза имени Гагарина. Благо-

Позже я узнал, что есть у этого стихотворения продолжение: Но жизнь у каждого лишь одна, тем полнее должна быть она и тем ценнее.

Ничто в тот день не предвещало бы бед. Проработав смену на культивации паров, Гумер прикатил на разгоряченном К-700 в бригаду. Сменщик, Раис Фахрутдинов, уже нетерпеливо поглядывал на часы. Да, время поторапливало: скорее бы закончить культивацию — и на комбайн. Колосья уже позванивают: спелость отменная... Гумер хотел было заглушить мотор, как вдруг заметил взволнованного чем-то бригадира Александра Константиновича Брикуна. Взглянул в ту сторону, куда напряженно всматривался Брикун, и сразу понял: не к добру эта дымка, быстро на глазах затмевающая небосклон.

— Хлеб горит! — скорее увидел, чем услышал, Гумер крик бригадира.

— Наши поля или не наши? — допытывался кто-то.

— Какая разница?! Хлеб...

На мгновение воцарилось безмолвие, и даже мотор, казалось, отключился... Можно ли было не услышать гогот далекого желтого огня, пожирающего колосья?!

Гумер быстро подкатил «Кировца» к стоящему неподалеку плугу, слышно было, как лязгнуло железо: это отцепили культиваторы и подцепили плуг для глубокой вспашки.

— Пошел! — до боли резко взмахнул рукой Брикун, и «Кировец», не успев остыть от полуденной работы, рванулся на полной скорости в степь, увлекая за собой тревожно погромыхающийся плуг...

О чем думалось тогда Гумеру, спешащему на скорости 40 километров в час к огненному фронту, яростно наступающему на хлебные поля?

— Я не знал достоверно, что горит. Хлеб? А может, дома? Или элеватор? Главное: успеть бы. Но степь скрадывает расстояния... И то, что поначалу казалось рядом, вдруг снова отбрасывается до горизонта. Выжимал из «Кировца» все, что можно, теперь даже не верится, что с громоздким прицепом мог так быстро пилить по плохонькой дороге... О чем, спрашиваешь, тогда думал? Да об этом же: как бы не опоздать. О скорости думал, о времени...

Он думал о времени в привычном, житейском смысле слова, а оно уплотнилось и воплотилось в звездный час его стремительного поступка. Он думал о том, «как бы успеть», а в эти минуты страна продолжала жатву, добывала уголь, варила сталь, сравнительно неподалеку, в степных глубинах Байконура, отсчитывались секунды нового звездного старта...

Что связывает поступок Гумера Асадуллина с делами всей страны? Что связывает его, уроженца татарского села Кашетканлы, поля которого с трех сторон зажаты дремучим лесом, с этой необозримой, под стать космическим стартам, казахстанской степью, с незнакомыми доселе людьми, которые живут здесь?

Думается, что связь эта коренится в том, что мы называем общностью цели, общностью дела, в глубинном чувстве Родины. Для Гумера это еще и чувство земли. Чувство это от первого

касания босых ребячьих ног к горячей проселочной пыли, от шемящей заусеницы, возникшей в жаркие школьные каникулы на прорывке свеклы, от робкого и бесконечно счастливого прикосновения к прохладному пластику земли в первой своей борозде... Земля — она всегда под ногами, но для хлебопашца она высока и возвышенна как само небо. И чувство земли на поверку — самое высокое чувство. Любой летчик и даже космонавт скажет вам, что взлет без него невозможен.

— Знаешь, после школы у меня не было проблемы выбора: институт или колхоз... Не это было главным. Главное — остаться на земле. А чтоб работало на ней с большим толком, колхоз направил меня учиться в сельскохозяйственный институт. А в общем-то я люблю технику. Поэтому учусь на факультете механизации.

— Но ведь техники в городе больше...

— Да, но мне интереснее техника, что с хлебом связана. Техника возле земли — она живая, понимаешь?!

Он чувствовал свою машину как самого себя и был уверен в ней как в себе. Главное — успеть! И вот уже в вечернем сумраке видно, что горит степь. Слово рыжие лисы, хищные всплески огня молниеносными прыжками приближались к хлебному полю. Скорее! Скорей!

Запахло дымом. На всякий случай поднял стекла на дверцах. Увидел, как впереди наперерез огню промчались еще два трактора с плугами. «Видать, местные», — подумал. На подходе к полю, которое местами уже полыхало огнем, встретил мятущегося человека.

— Давай, дружок... Опахивай! Смелее... — то ли умолял, то ли приказывал человек, даже не спросив Гумера, кто он и откуда.

Гумер круто завернул машину к линии огня. Прикинул на глаз: она, пожалуй, растянулась километров на десять, не меньше.

Чем ближе подъезжал к пылающему участку, тем явственней становилась опасность огненного шквала. «Зрелище было страшное, — вспоминает Гумер. — Но это я осознал полностью, видимо, только потом».

Огненные языки неожиданно вскидывались то здесь, то там, незаметно подползали под трактор, угрожая перебраться на аппетитно пахнущую соляркой машину. Зато там, где землю уже перевернул плуг, пламя, лизнув раздвоенной свежую борозду, быстро угасало.

К счастью, не было ветра, но пожар разбушевался, и горячий воздух, выталкиваемый из его огненной пасти, все же создавал особое жаркое поветрие, подгонявшее пламя все дальше и дальше в поле. Трудно было ориентироваться в ночи посреди незнакомого поля в этих напористых хаотических перебежках и переползаниях наступающего огня, и Гумер доверился впереди идущим здешним трактористам. Втроем они медленно, но уверенно затягивали черную петлю пахоты вокруг сатанеющего в хлебах огня. И вдруг — Гумер не поверил глазам своим — он увидел, как огненная лавина стреми-

тельно подкатилась к трактору, что шел впереди. К счастью, тракторист успел выпрыгнуть из пылающего К-701, а через считанные секунды раздался оглушительный взрыв... «Сердце мое вздрогнуло», — признается потом Гумер.

Коварен пожар на хлебном поле. Трудно угадать его маневр. Гумер продолжал вспашку, а когда захотелось увидеть ставший вдруг родным и домашним в море дикого неукротенного огня свет фар другого трактора, то встревожился: впереди его не оказалось.

— Я вернулся. Выяснилось, что у него заклинило двигатель — не выдержал жары, вода закипела... Огонь приближался быстро. Подъехав, я выпрыгнул, подал трос. Тракторист (так и не познакомился — не до того было!), видно, опытный, проворно поднял плуг, и я своим «Кировцем» спешно отбуксировал его на безопасную полянку... Это произошло, помнится, часа в три ночи.

Гумер спас машину, но, увы, она вышла из строя. Больше в поле тракторов с плугами не было. Пришлось пахать одному. С натужным ревом понесся по жаркому полю, по самой кромке огня его прокопченный надежный «Кировец», и там, где прошел он, огонь снижал, но дым долго еще стлался над степью, горький до слез, замешанный на живом хлебном духе.

— Там была еще башня в поле, недалеко склады с горючим — тоже опухивал. Тогда и топливо кончилось. Поехал на заправку в местный совхоз. Оказалось, это совхоз имени Гагарина. Человек, который меня встретил у горящего поля, был здешним агрономом. Спросил, откуда я приехал, а когда ответ услышал, сразу не поверил: выходило, что удалился я от своей бригады ни много ни мало на 60 километров... А потом вспомнил я, что меня там ребята ждут, а Раису трактор нужен на культивацию. У нас ведь как, не просто мехотряд — комплекс, и каждая машина в нем на счету... Так и было. Они все там изволновались. Кто мог подумать, что я так далеко заеду...

А через пару дней ребята из «Татарстана» вывели в поле комбайны. В первой загонке шел Гумер Асадуллин и с тихой, потаенной радостью любовался, как сыплется в кузов отборное зерно. Если взглянуть в зернышко, оно чем-то напоминает живой лик. Бывает лик этот морщинист, опечален засухой или жаром... Зерна нынешнего урожая были тяжеловесны, и лик их был счастлив. Казанские студенты убрали хлеба на 17 тысячах гектаров. Не только поля своей бригады, но и другим помогли.

— Но сказать «убрали» — это еще не все, — уточняет Гумер. — Ведь работали мы по-инатовски, а значит, ребята сами и убирали хлеб, и культивировали пары, и перевозили зерно, и сволакивали солому, и поднимали зябь. Хорошая школа передовой организации труда для завтрашних сельских инженеров. Вот и в своем колхозе непременно эту систему постарайся внедрить. А еще бойцы «Татарстана» научно разрабатывают для совхоза индустриальную технологию обмолота зерновых культур. Надеюсь и этот

опыт в своем хозяйстве применить. Там меня уже ждут, ведь я первый в истории нашего колхоза инженер по механизации...

Впрочем, ждут Гумера и в Казахстане. Как дорогого гостя, почитаемого хлебороба, мужественного человека, спасшего самое дорогое на этой земле — хлеб.

— Обязательно приеду, ведь сам Брикун приглашал... А то, что далеко, не беда. Ведь если сложить борозды, что провели наши в Казахстане, то запросто достанет от Казани до совхоза «Ростовский»...

И будут в этой трансконтинентальной борозде и его, Гумера Асадуллина, огненные километры, которые он отважно прошел по кромке лютующего пожара.

* * *

Вот мы и познакомились с человеком, чья целинка как реликвия хранится в музее Казанского сельхозинститута.

Что еще можно добавить к сказанному? Сам Гумер скромно молчит, ссылаясь на то, что ничего особенно не произошло...

Послушаем, что скажут другие...

Николай Краснов, колхозный студент:

— Гумер из тех, кто на работе горит, а в огне, как видите, нет... «Надо — значит надо» — его девиз. Но при этом он знает, чего хочет. Тогда, в Казахстане, Гумер все сделал как надо. Кому это было «надо»? Конечно же, не только ему. Но и ему тоже. Он делом доказал себе, что способен на многое...

Наиль Валиев, студент агрофака:

— Лично с Гумером я незнаком. Но, поверьте, знаю его хорошо. О его смелом поступке рассказывают молодым студентам. Представляю, что такое трактор К-700 на горящем поле. Ведь у него колеса резиновые, ими пламя не затопчешь. Рискованно действовал Гумер. Но, признаюсь, я ему завидую.

Хамит Харисович Исмагилов, проректор КСХИ по научной работе:

— Гумер, как и большинство наших студентов, из деревни, из простой крестьянской семьи. Думаю, что там, у земли, в хлеборобском труде, к которому приучен сызмальства, истоки его надежного характера, нравственного здоровья. Ведь любить землю — это не только умиляться ее красотой. Это значит, и быть способным ее защитить. От стихии, например, а если понадобится, и от врага.

Еще скажу о традициях, которые Гумер хорошо усвоил. Это, в частности, целинные традиции нашего вуза. Я сам работал на целине. Многие наши выпускники остались в Казахстане, и среди них Герой Социалистического Труда В. В. Сидорова... Мужественный поступок Гумера Асадуллина, ударная работа бойцов «Татарстана» на полях братской республики — все это воплощение лучших традиций, которые передаются от одного поколения комсомольцев к другому, свидетельство нерушимой дружбы советских народов. Дружбы, которая всегда в действии.

Виталий Крикуненко

Рис. Н. Белковой

Студенты 80-х. Штрихи к портрету

Мой друг Довлет

Четыре года назад с самого неудобного поезда, прибывавшего в Горький глубокой ночью, в последний день августа выгрузился смуглый парень. Горкой на перроне лежали его сумки и огромный мешок.

— Дыни у меня там. Друзьям вежу, — объяснял он попутчикам в поезде и тут же начинал угощать незнакомых людей.

Друзей у Довлета Худайбердиева в Горьком не было, вообще про этот город он знал только то, что там родился Максим Горький и что там делают «Волги». И еще есть университет, куда ему удалось сдать экзамены в Чарджоу.

Обладателем одной из дынь через два дня стал я. Первого сентября мы познакомились с Довлетом у окна в коридоре. А после занятий — это получилось как-то само собой — пошли в кремль, на Откос, и Довлет всю дорогу рассказывал взахлеб про пески, про Амударью, про канал, вдоль которого весной пасет колхозных овец — как его называют по-русски? — по-туркменски он — чабан.

Так началась наша дружба. Мы быстро привязались друг к другу.

Главным событием будущего лета должна была стать фольклорная экспедиция. Дело это для первокурсников обязательное, но Довлета оно приводит в трепет.

— Я ведь в туркменской школе учился. Пишу по-русски медленно. Никакой пользы от меня не будет!

Однако когда мы узнали, что маршрут экспедиции по Татарии, Довлет повеселел. Это же близкий язык. Попробуем!

Мы забрались в заволжские степи и целых две недели кочевали в грузовиках по проселочным дорогам. Татарский язык Довлету пригодился: вместе с Алмагуль Реджеповой, тоже студенткой из Туркмении, они записали и перевели несколько татарских сказок.

Мы ходили по развалинам древней столицы волжских болгар, слушали легенды об этом народе. А в селе Бездна (сейчас оно называется Антоновка), где в 1861 году крестьяне во

главе с Антоном Петровым подняли восстание против царя, нам рассказали об этих драматических событиях правнуки и праправнуки тех, кто той далекой весной наточил косу на помещика. Встречи были настолько интересными, работа настолько захватывала, что мы решили: на будущий год опять поедем в фольклорную.

И опять приходит лето, и «пазик» скачет по развеселой дороге в глубинке, и на чем-то рюкзаке расплывается чернильное пятно — пузырек раскочало! — а мы поем студенческие песни.

Мы делим с Довлетом пополам придорожное село Кеньшево, ему улицу и мне улицу, жмем друг другу руки на удачу, и никто еще не знает, что через двадцать минут Довлета ждет открытие. Екатерина Егоровна Князева — талантливая сказочница, знает десятки сюжетов!

Довлет еще не раз отправится в Кеньшево с магнитофоном, потом будет вечерами расшифровывать «Лисичку со скалочкой», «Волка и лису», «Петушка и жерновки». А переписывая сказку «Мужик, который принес кисель барину», Довлет прибежит ко мне:

— Вот смотри. Барин ему за кисель подарил лошадку, он ее смеял на барашка, потом на собачку, потом на петуха, потом на иголку, а иголку потерял. Ты не знаешь, что такое кисель?

Вопрос застаёт меня врасплох, я долго смеюсь, потом начинаю путано, размахивая руками, объяснять, пока улыбаться не начинает сам Довлет.

— Вах! Надо же! Каждый день в столовой видел и никак не спрошу, как это называется.

Осенью Довлет получит грамоту на научной конференции за доклад о русских сказках...

...А вечером он мне показывал тетрадь с новой записью.

— Хорошая сказка. А? И ведь такую же мне бабушка в детстве рассказывала. И тут ее знают. Ведь интересно, правда? Вот чем бы заняться!

И еще был у нас день фольклориста... Довлет недаром с утра грохотал на кухне котлами, никого туда не пускал и лишь изредка позволял кому-нибудь сделать что-то несложное: сходить купить чаю или моркови.

— Плов! — вдохновенно выдыхает Эргеш Бабаев, земляк Довлета.

Настоящий туркменский плов, по всем правилам.

— Главное, не подпускать к плову женщин, — подмигивает Довлет желяющим перенять опыт.

— Вот повезет будущей жене, — говорит руководитель группы Михаил Парфенович Шустов.

Женился Довлет через три месяца. Это была необычная свадьба. Участвовали в ней только четверо: Довлет, Сульгун и двое свидетелей приехали с цветами из загса на трамвае в общежитие. Свидетелями были я и подруга Сульгун.

И снова была работа.

Сказать по совести, продвижения наши в работе были еще невелики, зато многие сюжеты мы уже знали на память по номерам и однажды удиви-

лись, заметив, до чего порой схожи сказки разных народов.

Довлет засел за книги, он выписал из библиотеки все сборники восточных сказок, искал книги о русских путешественниках и туркменских посольствах в Москву.

И как радовался Довлет, когда именно фольклорная тема досталась ему по литературе на педпрактике в пятом классе!

В начале урока учительница литературы Людмила Николаевна объявила:

— Ребята, уроки русского языка и литературы с сегодняшнего дня у вас будет вести Довлет Худайбердиев. Он приехал в Горький из Туркмении, он работал раньше в колхозе, учится в университете, прекрасно говорит на двух языках и вернется домой учить русскому туркменских ребят.

В классе установилась внимательная тишина, ребята рассматривали Довлета с удивлением и уважением. Он заговорил, начал писать на доске, задавал вопросы, чтобы поразмышляли, поспорили.

И русский у него пошел с первого же урока. Уже два года прошло с тех пор, как он, по собственным словам, начал думать по-русски и неожиданно заговорил без малейшего акцента.

Уже год прошел, а нет-нет в троллейбусе подкатятся к нам уже теперь шестиклашки с портфелями — здороваться.

Впрочем, навыки педагога пригодились Довлету и дома. Прошлой весной он с восторгом кричал мне в телефонную трубку:

— Дочь родилась! Слышишь, дочь!

Дали девочке самое красивое имя, которое только смог придумать, — Мяхрыджамал, а в переводе «нежный взгляд».

Ребенок в общежитии — это прорва хлопот, но в самый напряженный момент, когда раскрыты учебники и тетради, на кухне убегают каша, а кто-то зовет Довлета к телефону, в комнате появляется веселая, с веснушками Галля Развозова с третьего курса, подруга Сульгун.

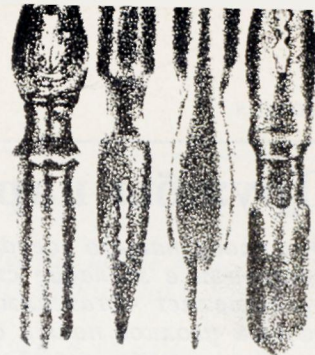
— Это кто это у нас тут по кровати ходит? Ну-ка иди сюда, иди...

Когда мы ездили с Довлетом в Москву, ходили по музеям и длинным набережным, он спросил меня:

— Рассказать, о чем я мечтал в детстве? Я мечтал, что приеду в Москву, что у меня будет русский друг и мы будем вместе ходить вдоль стен Кремля. Это очень давно было. Я даже не помню, в каком классе. И я тогда решил, что обязательно поеду в Россию учиться, что буду хорошо учить русский язык, без него у меня не было бы многих друзей. Я два года поступал в университет, и вышло. Со всем не все оказалось так, как я мечтал, но самое главное сбылось. Вот.

Искристый московский снежок скрипел у нас под ногами, мы шли по Москве, оба счастливые от сказанного. Наша дружба, спокойная, лишенная порой внешних проявлений, но внимательная и глубокая дружба людей, занятых одним делом и симпатичных друг другу, стала уже в нашей жизни необходимой...

Николай Морохин, студент

Резонанс

Сельский учитель

Журнал много пишет о профессии учителя, студентах педагогических институтов. Хочется мне рассказать об одном сельском учителе, человеке необычной судьбы.

Когда Орозмат Татиевич Татиев, закончив заочный институт, получил диплом, первой его поздравила дочка Тартинхан. И ничего удивительного в этом не было бы, если бы... Тартинхан сама не училась на третьем курсе, а Орозмату Татиевичу не исполнилось 60 лет. Трудно было учителю сельской школы пять лет назад решиться сесть за парту: работа, общественные дела, хозяйство; дети (а их у Татиева десять человек) сначала отговаривать пытались, но переубедить отца не удалось. И добился своего Орозмат Татиевич, получил высшее педагогическое образование!

Не так давно школьники подарили ему книгу «Гвардейский разговор». Знали ребята: учитель их воевал, был в Сталинграде, но о тех далеких годах рассказывал мало. Старики вспоминали, правда, что, когда Татиев после войны в кишлак пришел, все поразились: на него похоронка приходила.

В книжке, подаренной школьниками, прочел старый учитель историю одного солдата-связиста.

«...Подползли ближе. Глянули — мертв, неподвижен Татиев. Но, прощаясь с жизнью, теряя сознание, в последнюю эту секунду успел солдат поднести провода ко рту. Зажал, как в тиски, зубами».

А ведь точно, с ним все это происходило у Мамаева кургана. Только ошибка в книгу закралась. Подобрали его после боя. Выжил. И бил еще фашистов до самого конца, до Победы.

Н. Марадымов, доцент
Ошского пединститута

Дружбы народов надежный оплот

Эти слова нашего государственного гимна мы не случайно поставили в заглавие стихотворной подборки, которая представляет читателям творчество поэтов из самых разных уголков нашей страны. Все они на своих языках говорят в стихах о любви к Родине, о чувстве единства со своей землей.

Махмуд Юлдашев

Сыну

В твой первый день —
Твой день рожденья —
Цвела душа, как вешний сад.
И тем же полон я волненьем
Сейчас,
Как восемь лет назад.

Дитя бурятки и узбека,
Тайги и знойной синевы.
Но красота твоя — от века,
От Красной площади Москвы.

По всей стране — гигантской далью —
Среди песков, среди стволлов,
Твой крик летел до Забайкалья
От самаркандеких куполов.

В далекой древности опоры
Тебе оставил твой народ.
От зала первого «Авроры»
Твоя история идет!

Перевод с узбекского
Н. Карпова

Владимир Павлинов

Сирень

Сонный шепот сада,
тени у плетня...
Милая! Не надо,
не целуй меня.

Дремлет у дувала
март в сырой броне,
не клонись устало
на плечо ко мне.

Давит горло ворот,
всюду тишь и тень.
Затопила город
белая сирень.

Все запорошила.
Все в седом дыму.
Голову вскружила
городу всему.

Прямо под ногами
кружево лежит,
плавными кругами
все кружит, кружит...

Станислав Золотцев

Эту тяжесть вовеки не сброшу я с плеч:
крепко слиты в единой науке
сладкогласая пестрая древняя речь
и твои лебединные руки.
Эти звуки от сердца несутся к устам —
так поток прорывает запруды, —
я люблю тебя — мен сене бик йоратам! —
я тебя никогда не забуду.

В той Руси я родился, куда не дошли
твоих предков кудлатые кони.
Пред камчой и пайцзой люди нашей
никогда не дрожали в поклоне.
И не ведали пращуров, жившие там,
речь степного раскосого люда:
я люблю тебя — мен сене бик йоратам!
Я тебя никогда не забуду.

А сегодня, славянской кровинкой
проходя в твои жаркие вены,
перед речью твоей и самою тобою
навсегда преклоняю колени.
И потомкам в любовный словарь
двух народов единое чудо:
я люблю тебя — мен сене бик йоратам!
Я тебя никогда не забуду...

Галактион Табидзе

К душе твоей, как к пламени свечи,
Тянусь во тьме,
И сумрак с ней не страшен,
Когда бредет безрадостно в ночи
Озябший ветер меж старинных башен.

Смолой и тмином пахнет эта ночь,
И клен в тоске заламывает руки...
Тебя припоминаю —
И невмочь
Таить на сердце эту боль разлуки.

С рассветом повседневности прилив
Нахлынет вновь,
Так волны гложут сушу,
И я несусь, от ветра заслонив,
Твою свечу — твою живую душу.

Перевод с грузинского
Ильи Дадашидзе

Ахмед Джачаев

У той закрытой двери...

— Открой, — я прошептал из темноты
Холодной ночью, темной, как могила.
— Не время для гостей, — сказала ты
И в дом меня, конечно, непустила.

К другим дверям направился, скорбя.
Но не успел и постучать устало,
Как мне навстречу — «Я ждала
тебя!» —
Скрыльца под дождь та девушка
сбежала.

Ее глаза — две искры, два огня.
В ее любовь я безоглядно верю.
Но отчего, скажи, душа моя
Трепещет там, у той закрытой двери?..

Перевод с кумыкского
Ларисы Румарчук

Танзиля Юлдыбаева

Тулпар

Жжет руку грива как огонь,
Дымится шея под ладонью.
Лети, Тулпар, крылатый конь,
Вперед за юностью в погоню!
Не в масти — в беге твой престиж,
Ты самый добрый конь на свете,
Ты черной молнией летишь —
Дорогу уступает ветер.
Копыта белого удар —
Земля звенит,
И в небо эхо.
Лети, крылатый конь Тулпар.
И мне ты пожелай успеха.
С горы — в долину,
Вниз — и вверх,
Тропа тугою рысью свита,
И тьмы и света пересверк
На перламутровых копытах!
Галопом скалы с места тронь,
От зависти пусть ветер стонет —
Вперед, Тулпар, крылатый конь,
Вперед, за юностью в погоню!

Перевод с башкирского
А. Ливанова

Саният Шапиева

*
Вы знаете, благо какое,
Устав, с снокося идти,
Кувшин с ледяною водою
К горячим губам поднести!

Вы знаете, благо какое,
Закончив зерно молотить,
Печь хлеб в очаге и рукою,
Горячий, на всех разломить.

Перевод с даргинского
Галины Иконниковой

Пауль Хааваокс

*
От копоты дверь потемнела,
зияют дыры в плетне.
Поленица низко просела.
Застрял ветерок в простыне.
Но как на душе полегчало,
едва мы увидели дом;
уже от ворот, как бывало,
пахнуло сердечным теплом.

Мама, пришли твои дети,
«здравствуй» спешим услышать;
одна ты на целом свете
умеешь так «здравствуй» сказать.
Давно мы с тобой не видались,
вины не скрываем своей.
На стол собирать мы взялись —
и стал твой дом веселей.

Кого из нас ты когда-то
лентяем звала записным?
А нынче твои ребята
живут по законам твоим.
Мы — зерна твоей заботы,
что в дождь прорастали и в зной.
Мы — пряха твоей работы,
и вот мы все вместе, с тобой!

Перевод с эстонского
Э. Шустера

Чингиз Фарзалиев.

Наш вернисаж

Главная тема — Родина

Все чаще на различных выставках мы встречаемся с самобытным искусством молодых художников. Мастера из разных республик и городов нашей страны вникают в вопросы современности, вдохновенно поют славу Родине. Их творчество проникнуто интонациями национального искусства, ярко по форме.

Янис Анманис

«Он появился на свет в то время, когда гремела война и рождение ребенка можно было считать чудом. А может, доказательством веры в победу добра? Первые жизненные впечатления — разрушенные дома. И контрастом — праздник, который в темный осенний вечер расцвел яркими хризантемами ракет над Даугавой» — так писала

газета «Голос Риги» об истоках творчества лауреата премии Ленинского комсомола и премии ЦК ЛКСМ Латвии Яниса Анманиса.

Действительно, мир его образов богат естественным переплетением современных и исторических тем. Анманис стремится овладеть искусством филигранной миниатюры и монументальной композиции, книжной иллюстрации и живописной фантазии.

Среди учителей и близких ему по духу старших мастеров прежде всего Индулис Заринь, который начал свой творческий путь в конце 50-х годов, когда тематическая живопись Советской Латвии только зарождалась. Тогда пришло в искусство республики поколение художников, определивших ее современный характер: Э. Илтнер, Б. Берзинь, У. Земзарис, Р. Валнерс, Л. Мурниекас...

Все они были зрелыми мастерами, когда Янис Анманис заканчивал Академию художеств. Он учился на отделении дизайнеров, и памятью об этой поре стало явно автобиографическое полотно «Дизайнер», запечатлевшее молодого человека среди поющих птиц и цветущих лугов.

В одном из интервью Янис сказал: — *Жизнь тружени з Латвии мне близка и знакома со студенческих лет. Летние каникулы обычно проводил на стройках и в рыбацких поселках. При-*

Янис Анманис. «Осенний пейзаж».

ходило и самому засучивать рукава. Каждый художник по-своему изображает труженика. Меня в нем прежде всего привлекают интеллект, умение мечтать и чувствовать прекрасное...

Удачным было участие в международном конкурсе молодых живописцев в Софии. Его композиция «Кузнецы» отмечена премией. Автор с уважением и гордостью рассказал о своих молодых современниках, кующих счастье завтрашнего дня.

Премия Ленинского комсомола присуждена художнику за картины «Строители», «Песня на заре», «Люди Ингурской ГЭС».

К исторической теме Анманис при-

шел через ясное осознание судьбы своего народа. Цикл работ о красных латышских стрелках тесно переплетается с живописным эпосом художника, посвященным солдатам Великой Отечественной войны.

Организатор республиканской олимпиады школьников по изобразительному искусству, он делится опытом с юными художниками. Наверное, среди них есть будущие мастера, его преемники, как и сам он, надежные и вдохновенные продолжатели традиций национального искусства.

Никита Иванов

Чингиз Фарзалиев

В 1976 году в Софии на международном конкурсе молодых живописцев бакинский художник Чингиз Фарзалиев показал тематическую картину «Незабываемое». Изображенные на ней отец, мать, сын, невестка с грудным ребенком, маленькая девочка как бы представляют три поколения, три типа отношения к минувшей войне. Память отца и матери хранит неостывшую с годами скорбь. Сопереживание сына — образ определенно автобиографический. Разговор поколений — заветная тема художника.

Последние годы Чингиз Фарзалиев много ездит по республике. Любит бывать в живописных районах Шеки, вновь встречаться с вечной красотой древней архитектуры, со своеобразным горным ландшафтом.

— Здесь организуется картинная галерея, — говорит Чингиз, — под общим девизом «Шеки глазами художников». В этих местах проводятся международные пленэры живописцев. Существует хорошая традиция: каждый художник перед отъездом оставляет одну работу в фонд будущего музея.

Молодой мастер рассказывает мне о чудесах народного искусства, остро переживает коллизии новой книги Нодара Думбадзе, воодушевленно описывает московскому гостю мощь и своеобразие таланта азербайджанского ху-

Бая Ляксова. «Портрет мальчика».

дожника-классика Азима Азимзаде, населившего свои легкие виртуозные рисунки блестяще точными типами революционного Баку, говорит об архитектуре, градостроительстве, эстетическом воспитании юной смены...

Чингиз Фарзалиев мастерство и зрелость понимает как итог изучения классического наследия, итог солидной информированности обо всем, что отличает современную жизнь. Все это, по его мнению, одухотворяет связь с национальной традицией, живой контакт с созидательным культурным движением республики, всей страны.

— Советский художник, — размышляет Чингиз, — говорит с огромной аудиторией зрителей. Ответственный разговор должен быть искренним и взволнованным. Ведь сама по себе актуальная тема не заполнит пустоту содержания, лишённого душевного трепета, гражданского накала, поэтического дыхания...

Иван Никитин

Сейтулян Артыкмамедов. «Дударист».

Сейтгулы Артыкмамедов

Просторы Туркмении... В золотистом мареве песков ровная площадка. Вы подходите ближе, и вас окружают скульптуры. Сомкнутые руки или образ дутары. Мальчик, начинающий песни. Тот, кто был, и тот, кто продолжит мелодию. Холмы песков и образ певца. Окаменевшая музыка народных представлений о добре, нежности, счастье и мужестве. Преклонив колени, замер джигит в огромной меховой шапке. Застыла, опустив глаза, Мать-Родина. Обхватил себя руками старик из Хивы. Подняли взоры юноша и девушка, чтобы соединить звуки своей молодости с песней народного певца.

Пустыня пуста. Лишь на самой кромке песков живут в непрерывном труде люди. Народ поет извечную песню, а художник закрепляет ее в камне.

Сейтгулы Артыкмамедов идет по улице родного Ашхабада. Озабоченный взгляд. Бесперывны будни забот, и художник, поглощенный ими, неотделим от будней, как и каждый из нас.

Великий Октябрь принес национальное возрождение, и каждый народ почувствовал непреходящую ценность национального своеобразия своей культуры не как средства превосходства, а как красоту своей истории, как священное почитание своих предков, как осознание единства идеалов, поэзии и добра на планете. Чайная и надежды народа живут и в скромной мастерской, где Сейтгулы так же, как и его друзья, настойчиво делает дело, которому посвятил жизнь. Биография Артыкмамедова типична для многих его сверстников. За мастерством они приехали в Москву и, вернувшись домой, стали создавать новую страницу культуры Туркмении, открытую всему миру.

Сейтгулы учился в Московском высшем художественно-промышленном училище. Образование помогло осмыслить народные традиции.

Для Туркмении современное искусство скульптуры является новым видом художественной деятельности. До сих пор, когда говорят о ее искусстве, представляют бесчисленное многообразие серебряных ювелирных украшений и ковров. Молодые художники соединяют художественный опыт русского искусства с древними художественными традициями своего народа. Но искусство — это не натюрморт из национальных предметов и одежды, а прежде всего образный строй мышления.

Современность ставит новые задачи. Это создание монументального искусства городских ансамблей и памятников национальной истории и нашей советской действительности.

Сейчас он работает над большим монументальным комплексом в память о погибших в Великой Отечественной войне для города Ташауза. Бесчисленные сцены прощания и ожидания, боль народа за своих сыновей объединяются в окаменевших в своей надежде и вере фигурах женщин и детей. Их изображение ассоциируется со степенными камнями памяти.

А в песнях Каракумов застыли созданные им символы национальной ис-

тории, достоинства народа и его новой жизни, счастья, в которое мы все верим.

*Александр Бурганов,
народный художник Удмуртской АССР*

Баяз Лыксоков

Иногда забывается, что случай бывает лишь внешней оболочкой незаметной на первый взгляд закономерности. Случайно ли в руках отца двенадцатилетнего Баяза оказалась номер журнала «Семья и школа», в котором была помещена небольшая заметка о Центральной художественной школе при Московском государственном художественном институте имени В. И. Сурикова, трудно сказать, так же как и о том, случайным ли было его решение послать работы сына в Москву... Когда смотришь картины Баяза, слушаешь его рассказ об отце, сельском учителе русского языка и литературы, художнике-самоучке, преподававшем и рисование, когда узнаешь, что его дядя Дугар-доржи Тудупов сорок лет назад учился в «Суриковке» у профессора Иогансона и ушел с пятого курса прямо на фронт защищать Москву, то понимаешь, что в жизни этого застенчивого симпатичного парня случайностей в выборе своей дороги не было.

Родина Баяза Лыксокова — Бурятия. Любую местность, где бы она ни находилась, можно изображать поразному: либо внимательно и скрупулезно показывать природу, находя в ней то главное и уникальное, в чем выражается трудноуловимая, но безошибочно узнаваемая суть ее народа. Можно через портреты людей показать все, благодаря чему они стали именно такими, в том числе и природу их родины. Баяз выбрал этот путь.

Портреты молодого бурятского художника вполне традиционны по замыслу и просты по исполнению, но, несмотря на это, а может быть, благодаря этому постепенно и незаметно в вас начинает проникать тихое и уверенное ощущение того, что вы когда-то уже были на родине этих людей, встречались с ними и успели их полюбить. С портрета строго и пристально смотрит старик с изогнутой трубкой во рту, одетый в серый пиджак с грозно торчащими лацканами. Вместе с ним в мастерскую входит как воспоминание и неброская плавная природа Бурятии, неторопливый и спокойный уклад жизни, сохраняющий оригинальное лицо культуры 500-тысячного народа, живущего на необъятных и не очень ласковых сибирских землях.

Еще не готова дипломная работа, а мысли уже там, дома, и творческие планы уже непосредственно связаны с домом, и весь он там — с нетерпением ждет конца восьмилетней разлуки.

Андрей Лобашицкий

**Выставка якутского
художника
А. Герасимова
в городе Тенри**

Небольшой город Тенри, расположенный недалеко от города-гиганта Осака, известен в Японии как город студенческий. Только на факультете иностранных языков местного университета изучают восемь европейских и азиатских языков. 140 студентов обучаются на русском отделении. При вузе создано общество «Волга», объединяющее тех, кто хочет побольше узнать о жизни, истории, культуре народов СССР. В этом им помогают советские преподаватели. Когда студенты узнали, что дома у меня есть хорошая коллекция книжных знаков, то попросили устроить небольшую выставку эксилибрисов. В этом нам помог молодой художник из Мирного Алексей Герасимов, о творчестве которого студенты читали в газете «Книжное обозрение». Было решено провести его персональную выставку. У входа в демонстрационный зал студенты повесили карту СССР, где очертили красным кружком город Мирный, указав расстояние от Тенри. А рядом нарисовали термометр и яркими иероглифами написали, что в дни выставки в районе Мирного температура воздуха была ниже 30 градусов. В Тенри снег выпадает очень редко и лежит не более суток. Организаторы выставки на столах разложили фотографии и открытки с видами новостроек Якутии, великих разливов Лены, бескрайних просторов тундры и тайги. Даже те, кто побывал в СССР, удивлялись огромным переменам, происшедшим в Якутии за годы Советской власти.

*С. И. Зинин, доцент кафедры
русского языка Ташкентского
университета имени
В. И. Ленина*

Не так давно я случайно услышал разговор. Спорили молодые ребята, по виду десятиклассники. Один собрался поступать в технический вуз и убежденно доказывал, что человеческую цивилизацию двигают «технари». Другой, как я понял, собрался стать зоотехником и не менее горячо доказывал, что одомашнивание животных было не менее ярким открытием, чем изобретение колеса, — ведь именно с тех пор люди перестали зависеть от капризной охотничьей удачи. Одним словом, довольно характерный спор людей, делающих первый и очень серьезный жизненный шаг — выбор профессии.

Я же подумал тогда о том, что, выбирая профессию, мы порой мало знаем о ней.

Взять ту же специальность — зоотехник. Действительно, работа эта вряд ли может кому-то показаться малоисследованной, загадочной.

Все так, и тем не менее

и эта работа, профессия эта таит в себе много неожиданного, по-настоящему загадочна, а порой и... опасна.

Игорь Цыбульский

Вечер в Оленьей долине

В этой зеленой долине, расположенной рядом с большим кавказским городом Нальчиком, мир и спокойствие. Здесь можно поверить в легендарный «золотой век» земли, когда на лесные поляны, не боясь ни волка, ни человека, выходили медлительные оленухи с пестрыми длинноногими телятиами.

Николай Алексеевич Наконечный, начальник фермы, хозяин оленьей страны, отгороженной от бурного мира тридцатикилометровой провололочной сеткой высотой в два с половиной метра, буднично спокоен. Говорит, ни к кому не обращаясь, со вздохом:

— Вот наша земля.

Я смотрю с удивлением. Нет, правда, странно слышать вздох и не относящиеся к делу слова от человека с таким сильно и грубо вылепленным лицом, спиной и руками портового грузчика. Значит, и он?! А кажется, уж на все насмотрелся и оленей называет бесами. Это, по правде-то, у него ласкательное слово.

Оленевод-кормач Юрий Арутюнов, тоже приземистый и широкий, как старинный комод, с кудрявой, черной в синеву шевелюрой, спускается по склону холма, непринужденно неся на плече сорокакилограммовый мешок с комбикормом.

— Оле-але-е-е... Оле-але-е-е... Васе-е-е-енька-а-а... — растягивая гласные, зовет он. — Оле-не-е-е... Вася-а-а! — Голос высокий, чистый, с горловым гибким переливом. — Оле-е-е... Але-е-е-а...

Долгий звук пронизывает из края в край оленью страну, не расшибаясь о холмы, не растворяясь в воздухе, не застревая в парных и темных лесных чащобах, и чудится, как, поворачиваясь на звук, замирают чуткие оленьи уши, большие, прозрачные, в тончайшей, сеточке кровеносных сосудов.

Арутюнов спускается к большой поляне, на которой в несколько рядов расставлены кормушки — длинные корыта на ножках. Он идет между ря-

дами и прямо с плеча, чуть открывая мешок, сыплет в корыта.

— Оле-е-е-е... Але-е-е-е... Вася-а-а-а...

— Ишь осторожные, бесы, — ворчит Наконечный. — Зимой кормишь, на ноги наступают. Сейчас, вишь, пантовка. — Оборачивается ко мне. — О! Слушай!

Я слушаю. Тысячеголосый птичий хор и опять: «Але-е-е... Оле-е-е-а-а-а...» — И эхо, возвращаясь из неведомых далей, поет: «А-а-а...» — чисто и высоко, как труба.

— Слышь, кукушка! Кукушки куют, — говорит Николай Алексеевич удовлетворенно. — Когда кукушки куют, у оленей всегда пантовка.

Теперь и я слышу кукушек.

— Скоро будем панты резать. Самая, вишь, драгоценность — эти молодые рога. Знаешь небось, лекарство пантокрина не хуже женьшеня. — И вдруг: — Ага! Вон они, вон! Выглядывают, от бесы! — Смеется тихонько.

Но я-то не вижу бесов, как ни вглядываюсь в кусты, со всех сторон окружившие кормовую поляну.

— Та вон же! Вон! — тычет пальцем Наконечный.

И Арутюнов, вижу, остановился, подзывает тихо и ласково:

— Манюся... Манюся. Манюся...

Большая розово-пестрая, вся точно осыпанная по спине солнечными зайчиками, шагнула из кустов крупная оленуха.

Сразу, как по команде «Шаг вперед!», выступили на поляну другие. Множество, сразу и не екажешь сколько, безрогие, рогатые, маленькие, большие и все одинаково прекрасные, словно и вправду живые цветы. И так это было странно и чудно, что вправду забываешь дышать.

Однако нежные эти существа, устав строжиться, поперли, толкая друг друга, а иные рогачи даже перепрыгивают через кормушки, словно через барьеры, высокими, невесомо легкими прыжками.

Фотокорреспондент Евгений Монин, нацелив на стадо длиннейший телевик фоторужья, прямо отсюда, с холма, щелкает раз за разом, позабыв обо всем. А они настолько осмелели, освоились, что даже в мешок к Арутюнову норовят сунуть морду, и кормач отмахивается от них этим самым опустевшим мешком.

— Так, кормежку посмотрели, — говорит Наконечный. — Пошли теперь. Я тебе про этих бесов расскажу.

На ходу я еще несколько раз оглядываюсь на мельтешенье пестрых оленьих спиц.

Николай Алексеевич садится за стол под навесом, кладет на пеструганные доски тяжелые руки с большими красными кистями, толстыми короткими пальцами. Руки лежат тихо, как два сильных зверя, дремлют чутко.

— Охранять их, наверное, трудно? — спрашиваю я, думая, что такие вот руки словно нарочно созданы для охраны и защиты.

— Оленей-то? Они сами осторожные, бесы, своих и чужих здорово различают. Вот нынче я не по форме одет, они от меня побегут. Робу надену, могу сейчас к кормушкам подойти, и не посмотрят!

Во время отела оленухи тогда особенно осторожны, они от стада уходят. Прячутся в заросли, в травостой. Приносят иногда двух, чаще одного. Родит, облизнет. Он пососет молока и ложится там же, а она идет кормиться. Если видишь, одиночка оленуха, значит, где-то тут ее маленький.

Такой пестренький и рождается. В траве его не разглядишь, лежит как мертвый. Можно погладить, не шевельнется.

Через неделю уже за мамкой бежит, уже его не догонишь. У нас тут иногда собаки бродячие где-то через сетку пролезают, так он и от собак убегает.

— А волки?

— Ну волков на Кавказе, слава богу, нет, да и вообще тут для оленя нет опасностей, разве что рысь заберется, но это уж редкость. Иной раз бывает, сами сетку порвут или перескочат...

— Так высота два с половиной метра?!

— Перескакивают. Во время гона рогачи что хошь сотворят. Если у них гон, лучше не подходи. Быки тогда чумовые. Весной у них, бывает, и рогов-то еще нет, так на задние ноги встают, передними бьются, как боксеры. Рев стоит, с утра до ночи друг друга гоняют.

— Говорят, уссурийский тигр олень во время гона голосом подманивает. Правда это?

— О! Тигр — это умный бес! Он и подманивает, и сам на них по реву выходит. Знает, что они в гон всякую осторожность теряют.

— Очень похоже на оленя ревет? — спрашиваю я. Прием этот кажется мне поразительно коварным. Даже не верится как-то.

— Так не сказать, чтоб очень-то похоже, — подумав, отвечает Наконечный. — Человек сразу отличит, ну а бык во время гона на любой крик летит. Всюду ему соперник блазнится, так что и стараться особо не надо.

Николай Алексеевич замолчал, усмехнулся, руки его вздрогнули и будто насторожились. Так бывает: чутко дремлющая собака, не подняя

еще головы, вдруг настораживается, ставит торчком уши.

— Я вам сейчас, пожалуй, про тигра историю расскажу, вот вы и поймете, что он за бес такой. История давняя. Довоенная еще. Я тогда на Востоке жил, в Уссурийском крае. Там все местные люди тигра за главного лесного жителя почитали. Как след увидят, сейчас заклятья творят, чтоб с дороги ушел. Сильно бояться. И не напрасно, скажу вам, очень умная тварь. Да и вообще, голосок его услышишь, хотя бы и далеко, какой ты ни смелый человек, в душе что-то начинает трястись. Меленько так дрожит, как струнка отзывается, звенит, и оттого слабость во всем теле.

Я, конечно, голосок-то его не один раз слышал, все ж таки жизнь моя до сорока пяти, считай, в тайге прошла, а тигров в Приморье, особенно до войны, много было. Так что хошь не хошь, а коли в тайгу ходишь, так и разговоры их слушать будешь. Правда, чаще далеко, он ведь тоже без нужды человеку поперек дороги не станет. Я так всегда думал — у него своя дорога, у меня своя. Бояться я его не боялся, но уважал — это понятное дело. И не думал не гадал, что придется мне с тигром добычу делить, да вышло, что сошлись наши дорожки, так сошлись, что по одному следу стали ходить. А коли так, коли с тигром по одному следу идешь, тут уж берегись и гляди в оба. Хоть ты и человек и у тебя ружье, а он зверь и охотник природный, если шансы считать, то выйдет у него не хуже, чем у тебя.

Пришла окаянная эта тигрица в наш парк, прямо, значит, на оленью ферму. Как она через сетку прошла, сказать не берусь. Ведь каждый день мы по всей сетке делали обход. Я или егерь, это обязательно. Никаких повреждений не было. Видать, словчила. На пенек встала и махнула. Оленей наших приметила. В сентябре это было. Листопад тогда ранний случился. Следы палым листом заваливает. Никакой возможности выследить...

Тигрица попала в парк в начале сентября и гуляла тут до 23 ноября. 103 головы оленьего стада погубила она. С хищниками так бывает. В последнее время убивала ради забавы только, чтоб крови попить. Никак не могли мы прогнать эту тигрицу с фермы. Да как прогонишь, когда собаки прячутся, едва тигриный дух почуют.

20 ноября ночью выпал снег. Теперь все живое в тайге оставляло след. Тянула за собой цепочку следов и неуловимая тигрица. По этим следам шли два человека, шли неторопливо, сторожко, неся в руках ружья.

Двое суток продолжалось это неторопливое кружение по участку оленьей фермы. Тигрица уходила, оставляя следы. Люди неотступно следовали за ней.

Потом егерь остановился и позвал Наконечного.

— Что интересно, — вспомнил Николай Алексеевич, — егерь этот русский был человек, в духов тайги, понятно, не верил, а тут, гляжу, белый как бумага и трусится весь. «Гляди!» — говорит. Я посмотрел, и мне тоже не по себе стало. На Востоке люди говорят: «Если тигр по твоим

следам прошел, прощайся, человек, с женой и детьми. Смерть за тобой ходит». А тут наши утренние следы, а сверху тигрины, и каждый следом что твоя тарелка суповая. Крупняющая зверюга, бес!

— Что ж, это поверье такое? — спросил я.

— Да какое уж суеверье, — возразил Наконечный. — Просто так тигр никогда на след человеческий не встанет. Ну а если уж встал, значит, именно тебя выслеживает.

Вот так шли два человека по тайге, глядя не только вперед, но и назад и по сторонам, и было непонятно, кто кого выслеживает: люди тигра или тигр человека.

Они остановились у широкой поляны, посередине которой стояло несколько вековых дубов. Этот островок они стали обходить с двух сторон.

Место для засады было выбрано с поразительной хитростью. Тигрица прошла мимо дубов стороной, потом, обжав сзади, легла под деревьями головой к своему следу. Она знала, что листья, опавшие с дубов, делают ее совершенно невидимой.

Если бы она кинулась молча, Наконечный и выстрелить бы не успел. Он и так выстрелил навскидку почти в упор и полетел кубарем, сбитый страшным ударом. И тут же тигрица, схватив его за руку, поволокла в тайгу. Она протащила его метров триста и только тут первый раз легла.

Потом станет известно, что пуля, раздробив нижнюю челюсть, прошла в грудь и застряла в рубашке сердца. И с этой вот совершенно смертельной раной тигрица галопом тащила восьмидесятикилограммового мужчину по тайге, несколько раз перетаскивая с места на место, боясь, по-видимому, преследования. Боялась напрасно. Егерь, потрясенный ее ревом и стремительным броском, был уже очень далеко от фермы и продолжал бежать по тайге.

А они в это время боролись не на жизнь, а на смерть. Теряющая силы тигрица и полуживой, избитый, изломанный человек. Наконец ему удалось вырваться, он отполз в сторону. Тигрица только тихоенько рычала, подныться она уже не могла.

Наступила ночь. Самая страшная в жизни Наконечного. Сначала он кричал, но скоро на это уже не осталось сил. Мороз прибывал. В эту ночь он достиг двадцати пяти градусов.

— Понял я, конец, замерзаю, — просто сказал Наконечный. — И вот что же я удумал. Это, значит, какая жажда жизни сидит в человеке! Я подобрался к этой тигрице, от которой едва вырвался, и забрался под лапы, к теплоту ее брюху.

Только через шесть часов опомнившийся наконец егерь привел людей, и они с великим трудом вытащили из-под оконечнейшей уже тигрицы Николая Алексеевича Наконечного.

— Я ведь везучий, — с усмешкой сказал Николай Алексеевич. — Ну в первых, попади я тигрице прямо в сердце, она быстрее бы умерла, значит, и остыла бы скорее, и я бы замерз. И потом егерь тот, хоть и наугался, а все совесть человеческую не потерял. Вернулся же он за мной...

И, заметив, как видно, сомнение на моем лице, подтвердил убежденно:

— Нет, правда. Сколько я по тайге бродил с котомочкой да с дробовичком 32-го калибра, всегда везло. А главное, всегда мне добрые люди попадались. Ну а самое главное везение вышло мне с Петром Михайловичем Довбней.

Было-то этого знать не можете. Была у нас на Дальнем Востоке очень известная фамилия — Довбня. Главным в той семье был Петр Михайлович, второй человек Устинья — его жена. Было у них еще двое сыновей. Держала эта семья в своих руках все здешнее пантовое хозяйство. Американцы и японцы, все их хорошо знали. Одних китайцев-пантоваров у них десятка два работало.

Когда у нас на Востоке Советская власть установилась, Петр Михайлович — глава всего, значит, купеческого дома — оленей всех до одного по счету государству сдал. Получилось несколько больших звероферм. Попросил только, чтоб его при деле вроде как управляющим оставили, чтоб хозяйство-то сложное прахом не пошло. Ну эту его просьбу, конечно, уважили и назначили директором.

Однако не всем такой поворот по душе пришелся. Китайцы-пантовары все разом забастовали. Раньше-то хозяин от реализации пантов им процент платил, а тут весь доход государству, пантоварам просто жалованье положили, как другим рабочим. Слушать их, понятное дело, не стали. Тогда они в один прекрасный день все разом и ушли. Правду скажу, в трудное положение они пантовое наше дело поставили. Гражданская только недавно кончилась. Страна в разлухе, а панты целебные за граница по-прежнему на чистое золото покупает. Пантокрин — это ведь ценнейшее лекарство.

Тогда и сказалося великое умение Петра Михайловича. Устинья мне сама рассказывала, как, значит, мужика ее вызвали во Владивосток и спрашивали, какой он видит выход из положения. Может, лучше вернуть китайцев-пантоваров, согласиться на их условия.

Петр Михайлович тогда сказал, что без китайцев он сумеет обойтись и к сезону, как положено, весь план, который на фермы положен, выполнит, а страна валюту получит и даже больше, чем раньше.

Китайцы тоже, скажу вам, недаром деньги получали. Сушка пантов — дело тонкое и мало кому ведомое. История у этой профессии долгая, может, и не одна тысяча лет, а мастерство в строгом секрете держалось. Ну то что панты сначала варят, а потом под навесом сушат, каждый мальчишка в Приморье знает. Да вот как варят, что добавляют и почему для сушки какие-то особые дни выбирают — это мало кто, кроме пантоваров, мог бы сказать. И в особенности самое тонкое дело — доводку, когда высушенные под навесом рога на какое-то время на солнышко выносили и делались они медового, ну чисто золотого цвету, а ведь только такие панты высшим качеством за границу шли.

Как варить — это Петр Михайлович Довбня, конечно, не хуже китайцев знал. А насчет сушки у него своя крепкая мысль была. Конечно, мог бы и он по старому способу панты сушить и доводить, только сушка по китайскому методу больно долгой получалась. Опять подходящие погодные

условия нужны, а времени и так много было упущено. И решил Петр Михайлович сушить панты в русской печи. Дело, конечно, неслыханное, да Петр Михайлович тоже ведь не вчера родился. Он уж не один год эти опыты свои проводил, вот и вышло яичко, как говорится, к христову дню.

Так вот, начали они работу со всей партией пантов вчетвером и даже раньше срока управились.

Выполнили план, дали стране в трудные времена золотую валюту.

Вот какой человек был Петр Михайлович Довбня, бывший купец, а потом советский управляющий всеми оленьими фермами в нашем Судзукинском районе.

Из семьи этой мне лучше всего Устинью, жену Петра Михайловича, довелось узнать, ну и, конечно, сыновей. С младшим мы, считай, погодки. И все же Устинья — это дело особое. Великая была работница. На ней вся пантоварка и держалась. Это уж по природе так получается. Вот с оленями управляться, панты резать, тут сила нужна, мужское, значит, обращение. А выварить панты, чтоб они силу лечебную не потеряли, тут терпение да внимание. Тут лучше женщины никто не управится. Сами судите, испокон века женщина всякой варкой, стряпней занимается, опять пряжа, рукоделье — это же сколько терпения надо! Вот и у нас в семье всю пантоварку жена моя ведет, Мария Александровна.

Я-то в Гамов, Устинья там пантоварку содержала, уже позже попал, когда Петр Михайлович пантовое дело сильно против прежнего развернул. Пришлось пантоварку и сушилку расширять, вот и стали людей набирать: с тем набором я в Гамов попал.

У меня все же семь классов было, так что, кроме работы с пантами, я и всей бухгалтерией, и зарплатой, и расчетами стал заниматься, а со временем со всеми делами научился справляться, и за это, конечно, сначала Устинья, а потом Петру Михайловичу спасибо. Взяли они меня не то что в дело свое, но и как бы в семью, потому никаких секретов от меня у них не было. Да какие могли быть секреты, когда я всю продукцию во Владивосток отвозил, весь расчет за панты со мной делали и деньги получал, проверял, все, что нужно, покупал и в Гамов вез. И такое было ко мне совершенное доверие, что не помню и раза, чтоб кто-то стал бы меня проверять или просто выспрашивать. Да, правду сказать, и не могла Устинья меня проверить, потому хотя и очень умная была женщина, но совершенно неграмотная. Петр Михайлович, конечно, мог проверить, но он этим никогда не занимался. Он ведь не только в оленях, он и в людях очень хорошо разбирался.

Так я школу свою проходил. От Устиньи все секреты пантоварки узнал, все тонкости сушки. За такие знания любая держава никаких денег бы не пожалела. Таких отличных пантов, как у нас, даже у китайцев не было.

Петр Михайлович меня своему делу учил. До большого понимания довел. Мог я с закрытыми глазами, на ощупь только, определить, в каком хозяйстве, даже на какой траве росли панты и в какой день срезаны. Потом уж, как сам работать начал, к этой науке

свои мысли стал прибавлять. А как же, в любом деле развитие быть должно, на месте стоять нельзя.

Вот так пришла мне мысль, что пора дело наше с Дальнего Востока по всей стране распространить...

Мысль мыслью, а такое большое дело в одиночку поднять нельзя. Нужны единомышленники. На одном из совещаний встретился Николай Алексеевич с директором совхоза «Майский» из Кабардино-Балкарии. Разговор возник как бы незначай, но, видно, крепко запомнился, если через год директор с Кавказа приехал на Дальний Восток, чтоб посмотреть хозяйство Наконечного. Приехал весной, а осенью собрался в дорогу Наконечный. Неслыханное дело затевалось. Тут спешить нельзя.

— Привез он меня смотреть места, — сказал Николай Алексеевич, — здесь как раз мы стояли, на этой высоте. Однако, чтобы посмотреть, пришлось мне на крышу «газика» забираться, выше моего роста стояла трава.

Ну как увидел я все это: долину зеленую, леса, речку чистую, поляны в цветах, кабаны тут из-под ног просто стадами выскакивали. Богатые места, славно тут всякому зверью. И мне-то самому хорошо тут было, легко дышать.

Директор и говорит: «Видишь ту сопку, ту дальнюю, отсюда и до нее — все будет твоя земля, берешь, что ли?» Ну просто как царь какой. «Мечтаю, — говорит, — Николай, тут ферму на 200 благородных оленей завести». — «Тут, — отвечаю, — не двести, всю тысячу пасти можно».

Так мы расстались. Обещать я опять ничего не стал. Сказал, приеду домой, подумаю.

Приехал. Стал работать. А долина та чудная все не забывается. Помнится, как легко было там дышать. Ну а когда она снится мне начала, тут я в Нальчик телеграмму отбил: встречайте, мол...

Взял он 100 рогачей, 100 маток, погрузил в вагоны и повез. А как в дороге быть, что с собой брать, кто подскажет? Восемнадцать суток дорога!

Потом многие спрашивали Наконечного, как же, мол, он всю жизнь на Дальнем Востоке и решил уехать. «Это, — отвечал Наконечный, — не у меня надо спрашивать. Поглядим, что олени скажут. Станут жить, размножаться, значит, и мне тут будет родной дом».

Загородили участок. Пустили оленей, построили дом. Стали жить. Верно, не только своими глазами смотрел Николай Алексеевич на эту долину, видеть, за долгие годы у него с оленями один взгляд на природу установился. Прижились олени на Кавказе. Здесь им, пожалуй, даже лучше, чем в уссурийских краях. Климат мягче, да и хищников нет. Травы богаче. Панты здесь растут очень высокого качества.

В 1968 году, в самом начале, ферма дала 13 килограммов пантов. Сейчас по 400 и больше за сезон. Территория разгорожена на восемь выгулов, и стадо постоянно переводится с одного на другой. Оттого пасутся олени всегда на свежей траве.

Прирост поголовья хороший. Совхоз «Майский» поставляет теперь оленей Дагестану, Таджикистану. Это хоро-

шо, пусть больше будет оленьих ферм по стране.

Николай Алексеевич Наконечный молчал задумавшись.

Опять стали слышны бесчисленные птичьи голоса, слившиеся в единый хор, по которому шила свою однообразную строчку неугомонная кукушка.

— Считаете? — неожиданно спросил Наконечный. — Ну вам-то можно пока не считать, у вас много впереди. А меня в 1975 году на пенсию проводили. Речи говорили, подарки вручали, как положено. На следующее утро я опять на работу вышел.

— Не можете без оленей? — спросил с сочувствием.

— Почему не могу. Вот жена моя Мария Александровна уже на пенсии. 27 лет рядом со мной. Лучший специалист-пантовар, какого поискать. Подготовила себе замену и ушла. А я вот пятьдесят лет трудового стажа отметил, тоже и честь знать пора.

— Но вы же, наверное, без оленей не сможете?

— Так кто меня заставляет без оленей жить, я бы сюда постоянно приходил. А вот ответственность за все дело, это я с удовольствием бы в молодые руки передал. Только где она, смена моя?

Правду сказать, дело у нас непростое. Мало только зоотехником быть, даже и с высшим образованием. Это не корова и не лошадь, олень — свободное дикое животное, с ним работать много сложнее.

Нам сюда частенько присылают ребята на практику, даже из московских институтов. Приезжают с большим любопытством. Как же! Интересно. Знаменитый олень-цветок. Потом к себе уезжают экзамены сдавать и не возвращаются.

Этих, которые не вернутся, сразу вижу. Поначалу за каждым оленем бегают, потом, глядишь, скучать начинают. Работы много, все непонятно, заново учиться надо. Оживают, только когда уезжать пора приходит, сразу видать, не вернутся.

Понимаю, Москва — очень большой магнит. Однако надежды не теряю. Наша работа, если ее понять, тоже большая сила, до самой смерти человека от себя не отпускает. — Николай Алексеевич помолчал, побарабанил пальцами по изрезанной ножом толстой доске самодельного стола и закончил со вздохом: — Так что на пенсию я бы пошел. Была бы замена, думать не стал бы. Все одно я отсюда никуда. Пока жив, буду возле оленей, но дело-то надо в молодые руки передать, а? Вот она, главная забота старости.

С фермы мы уезжали под вечер. Заходящее солнце наполнило Оленью долину густым, как мед, закатным светом. В этом огне вспыхнула горячим золотом заросшая сурепкой и лютиками поляна Васмура, а на другой поляне, Нартбура, по брюхо в темно-зеленой траве стояло, настороженно глядя на нас, стадо розовых оленух. И опять гремел тысячеголосый птичий хор, кричали жабы, летали пестрые удои, и снова пронизывал Оленью долину призыв кормача Юрия Арутюнова: «Оле-оле-але-е-е...» Чистое, долгое, с гибким переливом, а мне слышалось: «Оле-е-е-нь, оле-е-е-нь...»

Чтобы книга состоялась...

Многоязычная советская литература — неиссякаемый источник духовного взаимообогащения братских народов СССР. Один из ярких ее представителей — грузинский прозаик Чабуа Амирэджиби.

Роман «Дата Туташхиа» принес писателю если не мировую, то, по крайней мере, европейскую известность. Вскоре читателя ждет встреча с новым произведением Амирэджиби — трилогией из истории Грузии XIII—XIV веков. Предлагаем вашему вниманию беседу Чабуа Амирэджиби с журналистом Андреем Черкизовым.

— Вы пишете исторические романы. Расскажите, пожалуйста, о методах, которыми вы пользуетесь, обращаясь к истории?

— У каждого писателя свои способы работы над материалом. Лично я руководствуюсь таким принципом: не допускать ни малейшего искажения исторического факта. Иногда, конечно, это вызывает дополнительные сложности, ограничивает художественную фантазию строгими рамками. Приходится приравливать, искать способы «вживания» исторического материала в сюжетную канву произведения. К счастью, летописцы и историки не считают своей обязанностью глубоко вникать в характеры упоминаемых ими личностей, а тем более разбираться в их взаимоотношениях с другими людьми. Вот здесь наступает черед писателя — сочинять, изобретать, изобретать...

Думаю, писатель должен писать о том, что он знает хорошо, а главное, лучше и глубже, чем читатель. Позволю себе сказать, что хорошо знаю психологию, естество своего народа, знаю, какие черты присущи только ему и что в нем общечеловеческое. Следовательно, самый удобный и благоприятный материал для меня — грузинский. Теперь более сложный вопрос — почему история, а не современность? Мне кажется, что, для того чтобы определить сущность того или иного явления, необходимо время, порой довольно долгое... Трактовка сегодняшних событий иногда бывает спорной, неубедительной. А обрабатывать материал из прошлого — значит судить с расстояния, а с расстояния и самому писателю видно отчетливее, и читателю легче разобраться, что к чему. Если книга, написанная на историческом материале, благодаря своим художественным достоинствам воздействовала на читателя, сформировала в нем позицию по отношению к описываемому явлению и — через познание прошлого — помогла разобраться в настоящем, то писатель может считать свою задачу выполненной.

— Что такое, по-вашему, «историзм мышления»?

— В конечном счете понятие «историзм мышления» — это прежде всего поиск аналогий современным явлениям в давно минувшем, анализ современного явления в процессе его исторического развития. Поэтому чем больше будут усложняться общественные отношения, тем для человека необходимее будет историзм мышления. Правда, свойственен он лишь тем, кто

стремится познать, но не тем, кто живет раз и навсегда установленными стереотипами и истинами.

— Я думаю, всем читателям будет интересно знать, как вы писали, готовили к публикации свой роман. Сколь достоверен его главный герой, Дата Туташхиа?

— Это был десятилетний кропотливый труд. Мой Туташхиа — образ собирательный. Уверен, у всех народов мира есть герои, похожие на него. В каждом человеке, невзирая на его классовую или национальную принадлежность, заложены все качества Даты, а развиты и реализуются только некоторые из них.

— По сути своей Дата Туташхиа — герой фольклорный. Его часто сравнивают с Робин Гудом и Тилем Уленшигелем, но ведь между ними лежит большое временное пространство... Как же ваш герой сочетается с нашим веком?

— Думаю, не сразу и не без оговорок можно согласиться, что наш век как-то особо прагматичен и рационален. Достаточно обратиться к прошлому, и мы с вами столкнемся с временами, которые не только не уступают, но и значительно превосходят наш век по уровню своего прагматизма и неприкрытости рационализма. Если быть объективным, то как раз в этом отношении человечество в целом заметно изменилось к лучшему. Следовательно, надо ответить на вопрос, как уживаются названные вами герои с обществом. Герой — это человек, совершивший подвиг для людей, во имя их счастья; и люди платят ему уважением и любовью. Кроме того, людям всегда нужен пример и нужна нравственная опора, и они находят это в героях. Теперь представим себе героя, не реально существующего современника, по отношению к которому возможны недоверие и неприязнь, просто зависть, а героя литературного, выдуманного писателем, к тому же проявляющего некоторые достоинства, присущие самому читателю. «Вживание» такого персонажа, его нравственное влияние на читателя неоспоримы.

— Ваше мнение о современном молодом человеке, о его нравственности?

— У меня нет однозначного ответа на этот вопрос. Надо уточнить значение термина. На мой взгляд, жизнь — это процесс добывания материальной и духовной пищи, а нравственность — фактор, регулирующий этот процесс. Я как-то говорил уже об этом в одном

из моих предыдущих интервью. Если данное определение приемлемо, тогда очевидно и то, что каждый человек в какой-то мере нравствен. Иначе он не смог бы регулировать свой процесс жизнедеятельности. Целесообразнее, наверное, ставить вопрос о качестве нравственности современного человека. Нравственность — меняющаяся категория. Каждая социально-экономическая формация вносит существенные изменения в моральные основы предыдущей. В процессе развития зарождаются зачатки нравственности будущей формации. Сохраняются пережитки, проявляются отклонения. Однако, по моему глубокому убеждению, молодое поколение — это всегда надежда на совершенствование человека. Наша советская молодежь хорошо образованна, в меру терпелива, очень требовательна, активна и, на мой взгляд, готова к подвигам и свершениям. По всей видимости, это та сила, которая должна отвести от человечества опасность термоядерного самоуничтожения.

— Разрешите мне опять вернуться к вашей «профессиональной мастерской». Как в вашем творчестве соотносятся правда факта и вымысел?

— Мой метод работы, наверное, схож с методом работы многих писателей. В чем он состоит? Есть жизненный опыт в виде накопившихся наблюдений. Это какие-то случаи, подмеченные свойства людей, их характерные проявления в так называемых экстремальных ситуациях... Назовем все это копилкой реальных жизненных фактов. Теперь обратимся к процессу работы над характерами героев. Всегда выгодно создавать ситуацию, где участвуют сразу несколько действующих лиц. Такой способ позволяет проявлять их характеры в динамике, как говорится, одним ударом. Здесь я обращаюсь к своей копилке и выбираю наиболее подходящую ситуацию, которую можно переделать, дополнить, подогнать, — одним словом, превратить ее в ту, которая мне нужна. Когда в копилке ничего подходящего нет — выдумываю. Стараюсь, чтобы ситуация была острой, взрывной, необычной, но критерием всегда является правда факта. Никто не должен сказать: «Так не могло быть». Если читатель не поверил, значит, книга не состоялась.

— В нашем журнале есть раздел «Лаборатория культуры студенческого труда». Может быть, вы поделитесь с читателями некоторыми секретами вашей работы? Например, как вы собираете и обрабатываете материал, доводите его до стадии готовности...

— Никаких особых секретов у меня нет. Работаю много, иногда до изнеможения, на износ. Никогда не спешу — не умею писать быстро. Обычно пишу пером. Потом правлю. Переписываю, еще раз правлю. Печатаю. Правлю печатный материал. Затем откладываю в сторону на месяц, а то и на два. Потом читаю, снова правлю. Опять откладываю до тех пор, пока не соберутся все фрагменты, составляющие главу. Читаю ее целиком, исправляю — и в папку до окончания книги. Бываю доволен, когда в общей сложности получается полстраницы в день, пятнадцать в месяц. Вот и весь секрет...

Петр Суханов

*
 Не смотри на меня так сурово,
 Не желай мне беды, как врагу...
 Понимаю тебя с полуслова,
 А себя вот понять не могу.
 Оттого и печалюсь все чаще,
 словно путник, попавший в грозу,
 Что надеюсь все время
 На счастье,
 А тебе только горе несу.

*
 Еду полем,
 Еду лесом
 По дороге столбовой.
 Тихим облаком белесым
 Занавешен шар земной.
 На диковинных
 С резцами, —
 Разогнав гнедых под крик, —
 На старинных
 Еду саях,
 Как хозяин и ямщик...

Бубенец звенит поддужный,
 Весела края окрест.
 Так, наверно, тройкой дружной
 Крали розовых невест!..

Ах и мчались эти сани,
 Ах и нежились уста —

Осиянные слезами,
 Без надежды и креста!

Сколько время пролетело!
 Сколько счастья пронеслось!
 Я гоню легко и смело
 Тройку, мокрую насквозь.

*
 Я привык к этой женщине
 Нервной
 И нежной,
 Как мы все привыкаем к обычным
 вещам —

Оттого ли, что сам далеко
 не безгрешный,
 Оттого ли, что мир разделен пополам!..

Мне уже не хватает, —
 В тоске ль безнадежной,
 В одиночестве горьком,
 В кругу ли друзей! —
 Этой женщины гордой... И все ж —
 безутешной
 В суете одиноких и мыслей и дней...

Вот она предо мною...
 Манеры небрежны.
 Но красива всегда. И конечно, добра...
 Я привык к этой женщине,
 Нервной и нежной, —
 Беспокройной под вечер,
 И тихой — с утра...

Жанна Давитьянц

*
 Что вы больше любите — зиму
 или лето?
 Что вам больше нравится — вечер
 или утро?

Где вы? Объясните мне: рядом
 или где-то?
 С вами разговаривать и легко
 и трудно.

Это так обыденно — жить
 не различая.
 Нужно знать и чувствовать,
 чувствовать и слышать.

Что вам больше хочется: кофе
 или чаю?
 Как вам сделать музыку: громче
 или тише?

Может, и не нужно мне вашего
 ответа.

Я это почувствую с каждой новой
 встречей,

Что вы больше любите — зиму
 или лето?

Что вам больше нравится — утро
 или вечер?

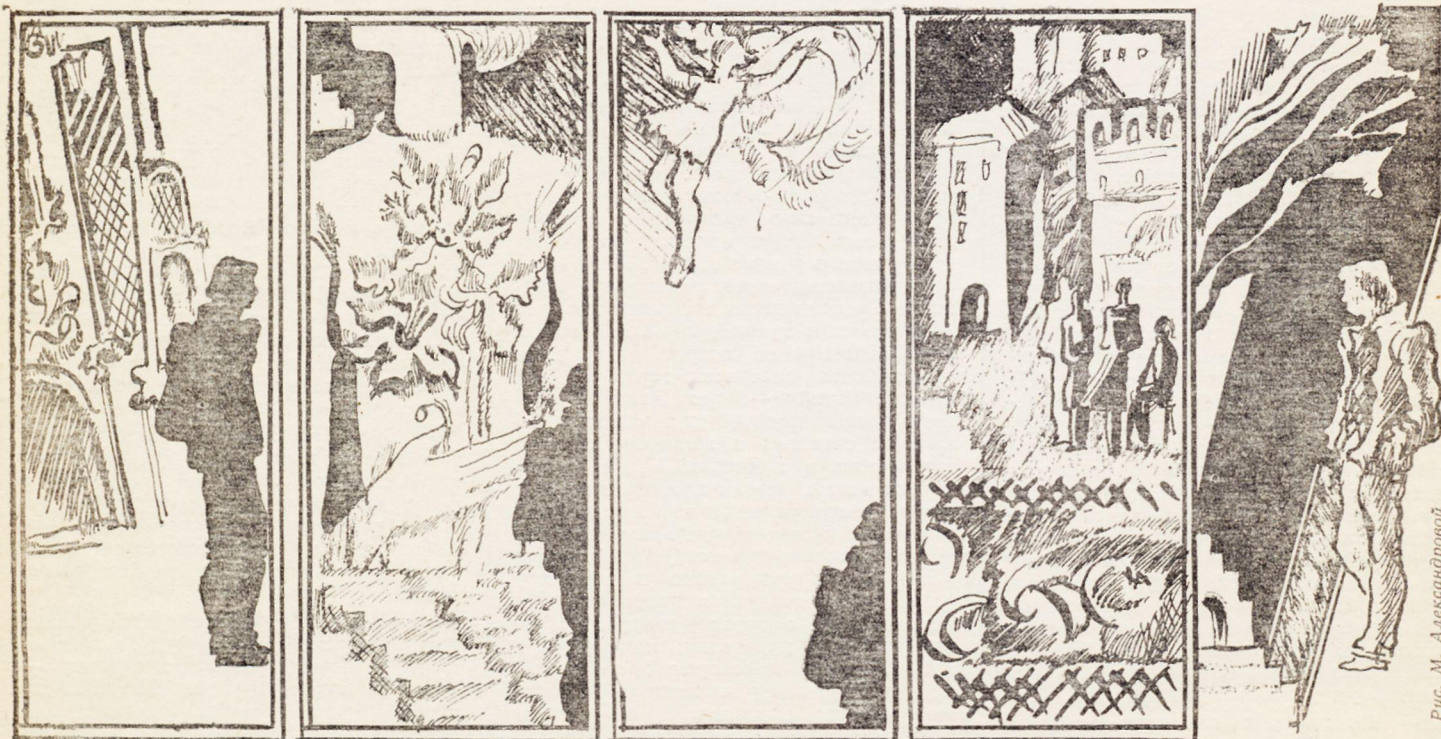

Рис. М. Александровой

Проза

Виктор Положий

Дикае гуси летят...

Повесть

(Окончание. Начало в № 11)

У входа на станцию «Арсенальная» хотел опустить девочку, но она запротестовала:

— Карлсон, ты хоть и похудел, но не ленись, вези дальше. Я на тебе поеду к поезду, мне же пятак бросать не надо. А ты и в самом деле худой, нужно тебя накормить, дома бабушка уже борща наварила.

— Знаешь, кто любит борщ больше всего в мире?

— Ты! Ты! Ты!

— Правильно...
— А что... — сказала Тамара, — поехали, накормим вас...

Что-то новое появилось в Тамаре, в ее влажных черных глазах вспыхнула затаенная радость.

Бабушка угощала борщом — красным, настоящим: Вита, правда, огорчена, что в доме не нашлось большой-пребольшой тарелки, а Карлсону нужно кушать во-он сколько, и Андрею пришлось налегать, освобождая тарелку за тарелкой, потому что Вита все требовала ему добавки. После она и от телевизора отказалась, и все приставала к Андрею, прося рассказать, что он видел с высоты, летая над морем, и Андрей поведал о полонине и горных реках, Румынии и Болгарии, виденном и придуманном; и только когда прошло время «Вечерней сказки», глаза у ребенка начали слипаться. Бабушка тем временем незаметно успела сменить поношенный халатик на праздничный платье и все предлагала Андрею чай: с вареньем, лимоном, тортом, конфетами, яблоками, а затем вдруг вспомнила, что ее приглашала соседка, и живо исчезла.

Когда Вита уснула, вырвав у него обещание, что «Карлсон-поганец-хорошуля» отныне будет навещаться чаще, Андрей с Тамарой спустились вниз, на улицу, которая здесь упиралась прямо в хвойный лес.

В лесу было пусто. Одни протоптанные тропинки виднелись в темноте.

— Вот, — сказала Тамара, — так получилось, извини. — Они не заметили, как перешли на «ты».

— Перестань, — отмахнулся Андрей. — Знаешь, — он неожиданно засмеялся. — Я очень рад. У меня такого детства не было: с выдумками, фантазиями... Они счастливы, нынешняя ребятня, им такой мир открывается!

— Она так хорошо тебя приняла... Отец иногда заходит в садик, так она с ним... сдержанно как-то, что ли, одним словом, не так...

— Лишь бы она надолго сохранила эту живость, — отозвался Андрей. — Если бы... Представляешь, сколько бы радости сбереглось, не исчезло?

— У тебя... дети есть? — осторожно спросила Тамара.

— Нет, к сожалению... Жена когда-то была, давно. Вышло по молодости, грубо, непонятно. Теперь виновных искать поздно. Никого у меня нет. Кроме родителей, естественно.

— Что-то ты на легкомысленного не похож... — вынужденно засмеялась она. — Дети тебя любят. А они разборчивые.

— Да? Ну, спасибо за доброе слово... Но я действительно пока одинокий. Боюсь семи-одиндневки. Не так за себя, как за женщину, надежды когорой могут не оправдаться.

— И как же ты живешь?

— Чтобы меньше хлопот доставлять другим, — сказал Андрей, — в общежитии.

И тут его неожиданно начало заносить. Незаметно, невольно, как будто срабатывал некий инстинкт. Соврал об общежитии, а затем, как за ниточку, ухватился за сказанное Петром: он вертолетчик, в Киеве почти не бывает, работает в особом подразделении, на сложных строительных работах, где вертолеты подают блоки, опоры, где нужна исключительная точность... «Зачем это?» — попытался он остановить себя, но роль увлекла его все больше... Работа интересная, правда, чуть опасная, но жить без нее не может, привык к постоянным командировкам, поездкам, свыкся с переменной мест, иначе и не представляет... вскоре вот снова уезжать... надолго...

— Недаром тебя Вита приняла за Карлсона, — сказала Тамара, когда они подошли к подъезду. — Крутится у тебя пропеллер за спиной.

— Крутится, — вздохнул Андрей, и ему очень хотелось добавить: в голове только.

— Ну что же, — склонила голову Тамара, — спасибо за приятный день.

Она словно чего-то ждала, словно что-то хотела сказать. — Не за что. За день поблагодарим весну. Мне тоже было очень приятно.

— Значит, до свиданья? — виновато улыбнулась она. — Прости-прощай, как говорят?

— Почему же... — кашлянул Андрей.

Она понимающе опустила веки, кроткая улыбка застыла у нее на губах, задумалась. И, слегка вздохнув, отстраненно молвила:

— Но вот не знаю, что придумать с Викторией. Меня теперь замучит с Карлсоном. И себя...

— Что же, — Андрей принялся застегивать плащ, аккуратно разглаживая полы. — Я же обещал, иногда буду за-скакивать, потому что при моей работе часто не смогу, сама понимаешь.

— Может, лучше сразу оборвать? — подняла наконец глаза Тамара. — Погорюет и забудет.

— Зачем же обрывать? Сказку, видимо, обрывать нельзя. А мне не тяжело, наоборот, приятно...

Танк и пошло. Он «прилетал», что-нибудь «привозил»: книжку, игрушку, иногда Тамара просила посмотреть что-то из одежды или обуви. И девочка продолжала называть его не иначе как Карлсоном.

— Она, конечно, играет, — говорила Тамара, — наверное, и сама понимает, что играет. Но ведь ты догадываешься почему? Ей хочется видеть рядом с собой мужчину...

И чтобы Андрей ничего не подумал, тут же добавляла:

— Только с меня хватит, замуж я больше не пойду, достаточно. Разве что погода рожу второго ребенка.

Андрей тем временем уже встречался с Никой.

Все браки в мире в значительной степени случайны, но в каждом отдельном случае закономерны. Действительно, миллионы вариантов ты перебрать не в состоянии, ограничиваешься несколькими, выбирая из замкнутого своего «жизненного пространства» — в своем дворе, на работе, среди знакомых, любимую с одинаковым успехом можно найти в Москве или Норильске, Зацепиловке или на острове Тум-Бум, в своем «жизненном пространстве» одну-единственную, но если вдуматься, их может быть немало, единственных и любимых. «А вот я жду жар-птицу», — шутил над собой Андрей.

Андрей советы шефа принял к сведению и начал заглядывать на кафедру философии Академии наук, где подковывали в диалектике аспирантов и соискателей степеней всех профилей и отделений научной деятельности. В своей группе Вероника отличалась высоким ростом и восточным, даже экзотическим типом лица. Он решил, что Нике года двадцать два и она представляет собой манерную папенькину дочь, после вуза сразу шагнувшую в науку; но позже выяснилось, что они одногодки, путь ее в науку не столь уж гладкий, как и у него, таким образом, случай все больше и больше обрастал закономерностями, ну а что отлично сохранилась и к тридцати, то и здесь, как ни крути, закономерность: хоть и акселерация, но взрослеем медленнее.

Собственно, чувство родства у них возникло на самом экзамене.

После экзамена предмет видится ясным до глубины, а поскольку на этот раз была философия, то, кроме всего, понятным стал еще и весь мир, а друг о друге они пока ничего не знали. Они разговорились и за какие-то считанные часы поведали друг другу все, что было в их жизни, сверили свои вкусы... Она рассказала о первом муже, «синей бороде»; пусть себе живет, зла я ему не желаю, только в сердце шемаящая боль, когда зимними вечерами прибегаешь домой замерзшая, вокруг тебя хлопочут старенькие родители, раздевают, кормят, пряча от тебя глаза, потому что в глазах жалость и грусть, а тебе хочется спокойно пройтись с мужичиной после работы, а по вечерам сидеть с ним и пить чай. В субботу и воскресенье, когда осточертеют книги, с трудом собираешься к кому-нибудь из подруг развеяться, а там детишки прыгают, ты думаешь о стареньких родителях, никуда не денешься, им скоро семьдесят, оба прошли войну, больные и уставшие, и вдруг так резанет по сердцу от мысли, что однажды проснешься одна в квартире... а родственники, родственники и знакомые от доброты сердечной приводят в дом для знакомства женихов, наверное, красивых, заботливых, хозяйственных, которым тоже хочется покоя, ничего, кроме покоя, потому что пришла пора жить, а не порхать в облаках... а мне еще хочется любви, а еще не могу так, ради одного покоя... но и покоя тоже хочу...

«Как я ее отлично понимаю, — думал Андрей. — Тяжело слепить чашку из разбитых половинок, нужно быть искусным реставратором, и любовь должна быть великая, как Возрождение. Ей не следовало так открываться до конца, хотя и понятно: наболело... Или мы уже в том возрасте, когда любовь можно чуточку моделировать, подгонять под свои вкусы, а не отдаваться безоглядно порыву, как в восемнадцать лет? Начинаем анализировать естественное влечение, вместо того чтобы очертя голову бросаться на-

встречу друг другу? И нужны какие-то экстремальные условия, чтобы открыться полностью, освободившись от тяжести опыта?»

«Вот что, — сказал он себе спустя несколько месяцев после их встречи, уже летом, выходя из Днепра после купания в обеденный перерыв, — вот что, — сказал он себе, чувствуя еще кожей речную прохладу воды, — я боюсь своей любви к Нике...»

— Мне одной уготовано подобное невезение, — грустно кивнула Ника головой, когда они впервые поцеловались над Днепром, в ясную предвечернюю пору, сидя на упавшей вербе и опустив в воду босые ноги. — Одной мне, — и заплакала. — Именно тебя было суждено мне полюбить. И ты, возможно, мой последний, потому что ничего из этого не получится...

А он уже давно признался Нике, что женат второй раз, с женой живут в мире, хорошо, и есть у них дочка Вита, которая называет его Карлсоном, любит ездить на его плечах и кормить его борщом из большой тарелки.

— В этом что-то есть, — сказал психолог, рассматривая свои парафиновые пальцы, — разрыв между воображением и действительностью, но уже в ином аспекте. Ну, можно сказать, противоречия между «рацио» и чувствами. Конечно, вы смоделировали двузначную «экстремальную ситуацию», видимо, размышляя над тем, что, если она полюбит меня в таком... гм... представлении, то есть если для нее значение будет иметь только любовь, тогда и у меня проснется ответное чувство, все забудется и вы словно побежите по первой росе. Не знаю, не знаю... Смотрите, чтобы не было хуже. Однако это дело ваше. А противоречия между рассудком и чувством существовали извечно, и слиться им воедино, может, суждено только через какие-то тысячелетия эволюции. В наше время эти противоречия сильно обострились. Все тот же процесс массового самосознания. Видите, как я все красиво раскладываю по полкам, а ясности все равно нет, верно? Вот вам и иллюстрация, пример того, как чувства восстают против разума. Кажется, нынче все можно логически обосновать, но душа противится окончательным решениям.

Лето подходило к концу, и Андрей Холод перенес свой отпуск на вторую половину сентября, точно рассчитав, что к этому времени закончит монтаж модели. И сегодня, прямо с утра, модель заработала, прекрасная модель русла реки, над которой по несколько раз в течение часа могли сменяться времена года; идти дожди и снега, дуть со всех сторон ветры, бураны со всей возможной в данной зоне силой, а волны могли поднимать тысячи лодок, катеров и теплоходов — и все для того, чтобы узнать, как река меняет свои берега, какие возможны наиболее оптимальные варианты прибрежных дамб, защитных насаждений, сооружений и многое другое. Андрей успел уже получить в бухгалтерии отпускные, отсидеть на заседании отдела, где лишний раз пришлось подтверждать свою репутацию «принципиального»... В отделе имелась вакансия инженера, а заявок поступило две. Зав. отделом, прочитав их, пошутил, что переходит к неофициальной части, ему хочется посоветоваться с коллегами по-домашнему. Вот эти два заявления. Одно — от сына товарища Х., другое — от парня с Каневского порта. Одному богу известно, какие они специалисты, но иных вариантов не предвидится.

— Наверное, сын товарища Х. — лучший специалист, — сказал Андрей, — по крайней мере, более подготовлен. Жил-то не в общежитии, а дома, имел для учебы лучшие условия. Если, конечно, не бил баклуши за отцовской спиной.

— Нет, товарищ Х. — человек суровый, — заверил зав. — Не потакал. И, между нами, весьма доволен, что сын женился на рабочей девушке, а не присмотрел себе невесту, так сказать, с приданым.

— Ну, коль сын такой самостоятельный, почему тогда товарищ Х. хлопочет о его трудоустройстве? — не понял Андрей.

— Нет, товарищ Х. не звонил, не заходил, — объяснил зав., — мы просто знаем, что парень — сын товарища Х.

— Ну и что?

— Ничего. Для информации.

— Что здесь думать? — бросил кто-то. — Товарищ Х. помог бы нам развязать не одну проблему.

— Мы в некоторой степени решаем судьбу двух знакомых людей, — поднялся Андрей, — ничего о них не

зная. Только и того, что один из них сын товарища Х. А тот парень из Канева?

— Я же и советуюсь с вами, — вздохнул зав., поглядывая на других собеседников. — Парню из Канева и жилье потребуется, и трудновато на первых порах придется, потом и сам будет не рад...

— Да, да, — зашумели коллеги, — действительно. Зададим себе работу: и квартира, и детсад. И парню за этими хлопотами разве о работе думать...

— За работу можно и спросить... — заметил Андрей.

— Значит, вы против сына товарища Х.? — решил напрямую прояснить ситуацию зав.

— Я несколько не возражаю. Как специалистов я не знаю ни одного, ни другого. Я против подобного подхода к подбору кадров. И пусть тот парень из Канева подготовлен хуже, я бы принял его. Иначе отдел может попасть в ложное положение, а не хотелось бы оказываться у кого-то в зависимости. Как будто в жмурки с совестью играем: пряться, пока не посмотрим. Считаю, вопрос следует изучить глубже.

— В конечном счете, — зав. невольно начинал сердиться, — на работу принимает не отдел, хотя не секрет, что дирекция будет исходить из наших предложений. Ваши замечания, товарищ Холод, принимаем к сведению.

Вот так закончилось заседание, и Андрей, спускаясь в метро на Почтовой площади, думал о тех незнакомых ребятах, судьба которых решалась у них в отделе, — о людях совсем незнакомых, но, оказывается, все мы между собой связаны.

Море раскинулось далеко, на горизонте казалось выпуклым, и взгляд, брошенный с высокого каменистого алуштинского берега, скользил по его поверхности и тоже как будто загибался по параболе — туда, за безмолвный горизонт. Там даль таяла и висел сероватый туман. Суша обрывалась у моря круто, почти вертикально спадая вниз, к валунам, старинным и выцветшим; о них ласково ударялись теплые зеленые волны. И камень выцвел, и солнце выжгло кустарник над пропастью, и высушило редкую траву, и даже листья на яблонях в старом саду почернели, покраснели, кажется, что они даже позванивают ночью, когда поднимается легкий ветерок. «Здесь мне будет хорошо, и все решится само собой», — подумалось Андрею.

Они сняли на околице, в старом санаторном саду, фанерную халупку и жили там с Никой, отдельно от хозяев, с утра и до вечера независимые и одинокие. Была уже осень, и отдыхающих в поселке поубавилось. Скрываться ни от кого не надо было, и Ника вздохнула свободно.

По утрам, едва солнце поднималось над морем, бодро вскакивали, пили припасенное с вечера молоко и спешили к своим камням, словно боялись, что польются дожди, прилетят телеграммы и свободе их придет конец. Потом это чувство пропало, и уже не верилось, что где-то большие города, где можно куда-то торопиться, куда-то опаздывать, принимать решения и держать ответ...

О Нике Андрей старался не думать. И не потому, что она была рядом и могла стать его навсегда; боялся, что это его свяжет, тогда нарушится и беззаботная легкость, которую они оба испытывали. И лишь когда она засыпала на надувном матрасе, он, глядя на нее, погружался в размышление о ней, о них обоих.

А однажды он заметил, как Ника проснулась и внимательно наблюдает за ним; он встретился с нею взглядом и попытался улыбнуться ей.

— О чем ты думаешь? — спросила Ника, чуть приподняв козырек, и ветер зашелестел газетой.

— Я?... О тебе!

— Я-то вижу, как ты мучаешься, ну, сознайся, тебе больно, правда? Ты же честный... Я не слепая, вижу, как ты переживаешь. Или ты все-таки написал ей тайком?

— Они считают, что я в командировке.

— Ах, я и забыла! Конспирация. Но ведь мог позвонить по автомату, блудный кот!..

— Я не подумал...

— Ах, он, видите ли, не подумал! Сию минуту собирайся, и поедem в Ялту. Давай быстро, возьмем такси. Я тебя везу, так и быть! Знаю, знаю, у тебя мало денег, ты же ехал в командировку а не в отпуск, все понятно, потом отдашь.

«При чем здесь деньги? Деньги у меня есть. Но пусть лучше у меня действительно будет мало денег. О чем это я? Почему она кричит? Сейчас заплачет. Нет, не кричит,

шепчет, это море усиливает ее голос. А Вита? Может, одну Викторину я и люблю? Как дитя... Прыгнуть бы в море, а потом, выплыв, вскарабкаться на кручу, упасть ей в ноги и сознаться, что никого у него нет. Нет никакой семьи. А потом вместе ходить в гости к Вите? Нет, вместе не получится. С Витой тогда все».

— Поехали! — решительно поднялся Андрей.

И, не глядя на Нику, начал затапливать в сумку вещи так, будто собирался отсюда навсегда, будто у него в голове созрело какое-то молниеносное решение. Краем глаза он видел, что и Ника торопится, суетится, невпопад, как мать, собирающая сына по экстренной повестке.

— Да, да, поехали, — шептала Ника, — я быстро, любимый.

На его телефонный звонок ответила Тамара. Они немного поговорили. Так, сказали друг другу несколько ничего не значащих слов, затем она передала трубку дочке. «Карлсон! — закричала Виктория, как будто находилась рядом, и он почувствовал, что сердце у него дрогнуло. — Карлсон, как тебе не ай-я-яй, а? Ты забыл, кто тебя больше всех любит, поганец-хорошуля!» — «Я каюсь! — крикнул Андрей. — Я зацепился за телефонные провода, меня дергает ветер, только ты мне можешь помочь, иначе упаду, сломаю пропеллер, как тогда летать на зиму в теплые края, разве ты не знаешь, что Карлсоны улетают в теплые края?» — «Карлсон, — перебила Вита, — ты еще и самый большой в мире говорун, говори, что мне делать, чтобы ты не плюхнулся и не сломал пропеллер?» — «Запомни! Не плакать, пока буду зимовать в теплых краях, но и не забывать, слышишь? Мой пропеллер работает от смеха ребятни. Слушать маму и бабулю, ну и чтобы я окончательно взлетел, ты должна...» — «Говори, Карлсон, что я должна? Немедленно исполню, беденький!» — «Может, ты сама знаешь, что ты должна? — продолжал кричать Андрей. — Мне почему-то кажется, что, если ты будешь делать то, что следует, я вот-вот освобожусь, и ты меня спасешь...» — «Карлсон, я не знаю...» — лепетала на том конце провода Вита. «Ну, чего тебе больше всего хочется?» — «Мне... мне, наверное, больше всего хочется лета, солнышка, цветов и хорошего платице...» — «Прекрасно, — улыбнулся Андрей, — ты запомни, родная, что, когда лето надоеет, желай всегда зимы... Но нельзя, чтобы лето наскучило, слышишь?.. Я уже отключаюсь, ты меня спасла, спасибо, жди меня!» — «Счастливо, Карлсон! Ты компас захва...»

Андрей вышел из будки, Ника ждала его.

— Поговорил?

— Да.

— Все нормально? Здоровы?

— Да. Все в порядке.

И до конца дня они почти не разговаривали, бродили по Ялте, Ника повела его на базар, где они долго толкались между рядов, что-то выбирала, покупала или просто любовалась пучками перца, крепкими баклажанами, красными яблоками, сочными персиками в ворсистых шубках, бритыми арбузами с лихо закрученными хвостиками. Ей, Нике, все хотелось потрогать пальцами, погладить.

В щель над дверью в халучку заглядывала зеленая звезда. Сколько лет она смотрит в эту щель, сколько лет светит на эту землю и свидетельницей каких событий довелось ей быть? Сколько людей было до меня, сколько будет потом, а она знает себе горит своим зеленоватым светом.

— Ты спишь? — спросила Ника из полутьмы.

— Соревнуюсь со звездой: кто кого пересмотрит.

— Не надо, Андрюша, ничего не надо, не терзайся. Отгуляем каникулы — и конец. За чужой счет счастливы не станешь. Даже если вместе... Что у меня за жизнь, если другие несчастливы? А ты? Я же видела, какой радостью ты светился, разговаривая с семьей...

Неужели он светился радостью? Не помнит. Чему радоваться: что так умело обманул девочку, и ей еще на год хватит веры в то, что спасла Карлсона? А потом забудется и Карлсон, и вера в сказку? Такой радости у него быть не должно, но ведь что-то было. Ника напрасно бы не говорила.

— Подожди, Ника, подожди, я сейчас, мне надо что-то придумать.

Он вышел в сад, и ветер сразу же бросился ему в ноги, слабо хлестнул по лицу и помчался дальше. Андрей посмотрел на звезду, и ему показалось, что именно она заливал ровным бледным неоновым светом и сад, и траву, и лежавший вдалеке город. Это от нее шелестят потревожен-

ные яблони и осыпаются акации, и кто-то невидимый испуганно шуршит в жухлой траве. Эта звезда видела рождение Андрея — в глухом селе, отец лишь под утро привез фельдшерницу, а управлялась возле матери соседка, бабка Ивга, она и приняла его в этот мир, и до сих пор натруженные руки старухи поддерживают его; эта звезда видела, как он добывал себе впервые воду и огонь, видела его первую женщину, отмечала его каждый шаг золотым топориком где-то на небесных скрижалях, куда он мечтал когда-то заглянуть с Наталкой. Отныне у него был человек, ради которого он готов и голову положить под золотой топорик, и теперь желание высоты пропало. Слишком много всего отложилось на душе; теперь не выбросишь, как не выбросишь из своей жизни людей, случайно задетых крылом, когда ты учишься летать.

Ближе к морю сад был темней, туда не проникали огни города, и деревья стояли черные, словно закутанные в хламиды монахи, шепчущиеся в темноте: каждый получает то, что ищет, мы далеки от того, чтобы учить других счастья, далеки, далеки...

А я же всем и всегда желал счастья, даже лодырям, которых приходилось снимать с работы... Я хотел счастья и сыну товарища Х., и парню из Канева, не зная их, как не знаю большинства людей, для которых работаю; и самым близким я тоже желал счастья: Ирине, Наталке, Вите... были еще какие-то люди, чьи имена забылись, затерялись, а теперь те забытые имена прилетают ко мне, чтобы мстить за себя... Но кому я принес счастье, кому? Никому, каждый, кто сталкивался со мной, отходил, разочарованный; а затем выстроил театр под открытым небом, цирк шапито, мотогонки по вертикальной стене и комедию с переодеванием, вздумал обмануть судьбу и переиграл самого себя.

А может, парень, хватит ломать комедию? Прошлое заново не сыграешь, писалось сразу на чистовик, второй жизни не будет, та звезда вонзит золотой топорик, сделает последнюю отметку — и конец, переведет взгляд на другого. Такой закон. Ну а для бронзы, для бронзы сделано немало, дай бог каждому, след оставил, одна модель чего стоит, расчет рула реки...

Он подошел к краю обрыва и бросил вниз камешек, мысленно отсчитывая время. Было видно, что темные волны круто бились о валуны, и белая пена кипела между камней. Глухие удары камешка донеслись до Андрея. Он вздохнул и посмотрел на небо; ночью оно незаметно сливалось с морем, и Андрей увидел себя, как будто взобрался на звезду — одинокий, маленький, на островке суши над бурлящей глубиной.

И тогда высоко над ним словно ребенок заплакал. «Ангель-спасители летят», — усмехнулся он. Плач повторился, на этот раз ближе, грустный, пронзительный.

Это гуси улетали в теплые края.

Они летели длинной стайей, и за ними от земли, как эхо, тянулись невидимые нити; пространство вбирало птиц в себя, и когда они пролетали над берегом, где суша сливается с морем, казалось, нити натягивались и обрывались болезненным криком. Гуси набирали высоту, увеличивая скорость, будто хотели оттолкнуться от себя эту быстро темнеющую землю, чтобы она быстрее вращалась, чтобы быстрее приходило новое тепло и можно было вернуться назад, к озерам и рекам со спящими по ним пароходами, к полям, на которых люди растят хлеб, есть же у них на земле заветные места, как и у человека.

«Вот оно что», — думал Андрей, чувствуя, как начинает пульсировать кровь в висках, и, оглянувшись, увидел Нику, бежавшую садом, в плаще, наброшенном на ночную рубашку; разглядел ее длинные черные волосы, разбросанные на бегу, и тонкие пальцы, сжимавшие возле горла воротник плаща...

— Андрюша, что это? Что это, Андрюша!!

— Гуси летят, Ника, дикие гуси летят.

*Авторизованный перевод с украинского
Владимира Середина*

«Здравствуй, «Студенческий меридиан»!
На твоих страницах печатается много стихов.
Я очень люблю поэзию
и сама немного пишу.

Но не уверена, смогут ли мои стихи выдержать конкурс
на публикацию по сравнению с другими читательскими стихами.

Расскажите, пожалуйста, «Меридиан», о стихах,
которые присылают в редакцию,
какие из них публикуют,
а какие нет и почему.

Альфия Аминова,
г. Карши Кашкадарьинской области Узбекской ССР».

Без знаний в поэзии нельзя

Желание написать эти короткие заметки возникло у нас давно. Когда в течение нескольких лет рецензируешь три-четыре десятка рукописей в неделю, волей-неволей начинаешь делать выводы, анализировать весь поток читательской почты, который, как и все на свете, подчиняется своим законам. Эти законы — законы жанра. Потому что письма в редакцию тоже жанр литературы. В известном смысле, конечно.

Вот оно перед нами, письмо, которое надо процитировать целиком, тем более что оно весьма кратко.

«Здравствуйте, уважаемая редакция! Я высылала вам составленные мною стихи. Мне кто-то сказал, что за стихи дают не меньше 10 рублей». Дальше — прописными буквами: «ЖДУ ГОНОРАРА ПО АДРЕСУ...» Следует адрес. Дальше еще раз прописными буквами: «ЖДУ ГОНОРАРА. ЗАРАНЕЕ БЛАГОДАРИЮ».

Человек не сомневается, что гонорар впоследствии незамедлительно. Прислана и фотография: «...это я с друзьями».

Страшно становится за самого автора письма — насколько этот симпатичный паренек, изображенный на фотографии, далек от понимания сложнейших задач поэта и поэзии.

Мы, конечно, не берем на себя смелости ни выразить эти задачи в одной «крылатой» фразе, ни сколько-нибудь полно очертить круг этих задач. Тут необходим объем монографии. Но, во всяком случае, необходимо сказать, что каждое стихотворение должно решать какую-то сложную проблему современности. Даже чисто лирические стихи — скажем, о любви и разлуке — непреложно говорят о времени, а не только о себе. Если, конечно, стихи настоящие.

Поражает и встречающееся иногда непонимание всей сложности самого процесса литературы, ее повседневного бытия, законов претворения ее в видимые читателем формы публикаций, исполнений по радио и пр.

«Дорогая редакция! Я полюбила одного человека. Он меня тоже. Но мы вынуждены на время разлучиться и пока можем только переписываться. И вот я написала стихотворение...»

Чего же хочет автор?
 «...Напечатайте мое стихотворение, и он поймет, как я его люблю...»

Мой милый, милый,
Лишь только жду тебя, любимый,
И остаюсь тебе верна.

Мы приводим эти строки лишь потому, что они именно из того письма, которое цитировалось. Встречаются строки и более характерные. Но у этих, например, есть одна не так и часто встречающаяся особенность: здесь есть некоторое очарование. Что же делает их такими? Думается, только огромная искренность автора, чистая, первозданная искренность чувств. Автор «просто» переносит их на бумагу, и, почти лишенные украшения, они как-то живут, говорят, заставляют верить в себя.

Все это так. А стихотворения, к сожалению, нет.

«Зимой мы встретимся с тобой...» — так начинает девушка свое стихотворение. Не правда ли, это частное дело двоих влюбленных? И вообще подобные строки более уместны в частной переписке, нежели на страницах периодики — хотя бы потому, что широкий читатель НИЧЕГО здесь не увидит; он лишь узнает, что кто-то (неизвестный ему) любит кого-то (неизвестного ему). А у читателя — какого-то конкретного человека — свои конкретные проблемы. Ему их бы решить!

— Позвольте, — спросит нас автор, — а как же великие титаны? Разве Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Блок говорили не о СЕБЕ в своих стихах? Разве не свои думы и потрясения несли они читателю?

Действительно, так оно и есть — свои. Личные. Имевшие место. Но то и отличало величайших лириков, что они не «просто» перекладывали на бумагу бытовые через край чувства, а СОЗДАВАЛИ ОБРАЗ лирического героя, живущего в центре нравственных коллизий эпохи.

И тем самым выражали свое время и себя ВО ВРЕМЕНИ.

И тем самым были интересны широкому читателю, потому что он видел в их проблемах свои проблемы.

И тем самым интересны и нам сегодня, потому что вечны любовь и ненависть, встреча и разлука, рождение и смерть. А время, в которое жили поэты, предстает в стихах полнее, чем на страницах иного многоотного исследования. Образ лирического героя как бы оценивает самого автора, его дела и поступки.

Начиная разговор о задачах поэзии и естественно подойдя к проблеме поэтического мастерства, нельзя не сказать о мастерстве чисто техническом, о лексической состоятельности произведений молодых самостоятельных авторов.

Недавно в редакцию пришел объемистый конверт со стихами. В нем мы с радостью обнаружили переводы произведений Миколы Бажана — классика советской литературы, ученого, философа, общественного деятеля, недавно удостоенного Ленинской премии 1982 года. Но при всем горячем нашем желании опубликовать стихи мы не смогли. Переводы были плохие.

Что же произошло?
 Молодой человек, еще только постигающий азы ремесла, ремесла поэта, переводит мастера, завоевавшего всемирное признание. Хорошо это или плохо?

Хорошо потому, что соперничество с оригиналом стихов большого поэта всегда пойдет только на пользу начинающему.

Хорошо, если начинающий переводчик поставил перед собой только задачу версификаторского тренинга.

Но плохо потому, что переводы не удалась. Ведь судить работу нужно тут лишь по конечному результату, не правда ли? Пока молодому стихотворцу необходимо решать задачи собственного творческого роста.

— Так что же, — опять остановит нас читатель, — молодым уже заказано и дерзать?

Ни в коей мере! Но соизмерять свои силы и поставленные цели на первых порах необходимо. В наших братских республиках сейчас огромное число людей, пишущих стихи. В редакцию приходят десятки писем со стихами на грузинском, украинском, латышском, на языках народов России... Какой простор для деятельности переводчиков! К сожалению, мы не можем оценить стихи, созданные не на русском языке, — для этого пришлось бы держать в редакции целый штат консультантов. Но мы рады этим письмам, мы надеемся, что молодые поэты всех народов нашей большой страны и впредь, как показал опыт развития братских литератур, будут переводить стихи друг друга.

Ведь качественно выполненный перевод позволит молодым людям, живущим за тысячи километров, понять друг друга. Тут речь идет о художественном совершенстве произведения.

Отлично переведенное стихотворение поэта другого народа становится фактом литературы, на язык которой стихотворение переводится.

И тем самым позволяет узнать о жизни далекого собрата.

И тем самым говорит о нашей жизни, о времени, в котором мы живем.

И тем самым — если, конечно, стихи состоялись — будет говорить и грядущим поэтам о дружбе, взаимопомощи, товарищеской близости...

О дружбе, о счастье скажет стихотворение, посвященное жизни маленького горного села, решающего вроде бы локальные узкоместные проблемы. Конечно, это стихотворение должно быть ТАК написано, чтобы, по известному высказыванию, «словам было тесно, а мыслям — просторно».

Примечательно, что в стихах поэтов братских республик встречается как раз очень много конкретных деталей, примет быта, позволяющих сделать даже технически несовершенные пока стихи стихами уже реальными, уже узнаваемыми для любителя поэзии.

Такой конкретности и предметности хотелось бы пожелать всем самостоятельным поэтам. Иначе читатель, повторяем, НИЧЕГО, по сути, не увидит в стихах.

Каждое третье-четвертое письмо содержит вопрос: «Стоит ли мне писать?»

«Дорогая редакция! Надо ли мне продолжать свои попытки или лучше бросить это дело...»

Говорить в таких случаях хочется много, но сказать нужно лишь то, что истинный поэт испытывает НЕОБХОДИМОСТЬ в работе со словом. Поэтому, коль скоро такой вопрос звучит, на него незамедлительно отвечают: «Можете не писать — не пишите...»

Совсем другое отношение должны вызывать письма, где спрашивают, как сделать стихи лучше.

Давайте поставим вопрос несколько иначе: «Какие ошибки необходимо устранить?» — конкретному автору в конкретных стихах. Вот тут литконсультация незамедлительно придет на помощь.

Давайте еще раз вернемся к стихотворению, которое мы уже цитировали. В нем, как в фокусе, собраны все недостатки творчества самостоятельных поэтов.

О категориях стиля мы еще поговорим в нашей следующей публикации. Но начинать творческое самосовершенствование необходимо, на наш взгляд, с усвоения технических категорий стиха. Не зная, что такое рифма (коль скоро автор создает рифмованные стихи) просто невозможно. Например, «смогу — люблю» не рифма. Стихотворение не выдержано ритмически, нарушен размер. А ведь стихотворение не просто рифмованное, оно задумано как классическое силлабо-тоническое стихотворение. Значит, надо знать стихотворные размеры, все время повторять себя. Без знаний, как и в любом деле, в поэзии никак нельзя. Где же получить их начатки — знания о форме стиха?

Вряд ли следует прежде всего открывать «Поэтический словарь» А. Квятковского, хотя самостоятельному поэту иметь его в собственной библиотеке просто необходимо.

В свое время очень хорошую книгу написал ленинградский поэт Всеволод Рождаевский. Называется она «Читая Пушкина». Там наряду с рассказом о творчестве великого поэта в популярной, доступной форме излагаются основы стихотворной грамоты.

Мы подчеркиваем — ОСНОВЫ стихотворной грамоты. Но и знание назубок теории стиха и даже, скажем, сдача по этой дисциплине зачета в Литературном институте еще, к сожалению, не является достаточным для того, чтобы стать поэтом. Это — основа, это — азбука. КАК ПИСАТЬ СТИХИ, азбука стиховедения не скажет. Этого, увы, не скажет никто.

Зато можно узнать, КАК ПИШУТ СТИХИ. Книга с таким названием выпущена литературоведом В. Кожинным. Второе издание этой книги называется «Стихи и поэзия».

А редакция «Студенческого меридиана» всегда придет на помощь своим авторам, укажет на недоработки, посоветует, направит.

*Литературная консультация
 «Студенческого меридиана»*

Еще раз хотим напомнить вам, дорогие читатели, что рубрика «Стихотека» предполагает разговор о поэзии, творчестве, мастерстве. Она готовится по вашим письмам и включает в себя не только ответы по вопросам теории литературы, но и первые поэтические опыты. Ждем ваших писем.

...На страницах вашего журнала, который выпускаю третий год, я нахожу разнообразный поучительный материал. Многие статьи и беседы будят мысль, заставляют активнее работать на семинарах по общественным дисциплинам. Часто та или иная публикация становится предметом обсуждения всей нашей компании (живу в общежитии).

Было интересно прочитать публицистическое повествование Генриха Волкова «Молодой Энгельс», которое показывает путь духовного развития вождя мирового пролетариата Карла Маркса и Фридриха Энгельса, выработку ими нового революционного мировоззрения.

Хорошим подспорьем студентам служат публикации под рубрикой «О пользе философии». Эти материалы являются, по сути дела, для нас, читателей, философским практикумом. Пользуясь случаем, хочу дать совет тем юношам и девушкам, кому, как и мне, понравились выступления А. Лосева. В библиотеке я нашел ин-

О пользе философии

Алексей Лосев

Диалектика и здравый смысл

В настоящее время, не прерывая главной работы — над седьмым томом «Истории античной эстетики», — А. Ф. Лосев начал писать серию научно-популярных статей и диалогов, адресованных читателям «Студенческого меридиана».

Первые два «диалога с Чаликовым» опубликованы в № 4 и № 9 за 1982 год. Нынешняя статья — продолжение разговора ученого с молодым читателем.

О диалектике написаны горы книг и статей. Это трудный предмет для разговора. Но я постараюсь, чтобы меня понимал всякий. Другими словами, для определения и разъяснения диалектики я собираюсь употребить всего несколько положений, и таких, которые не требуют особых доказательств. В науке такие основные положения называются аксиомами.

Само собой разумеется, на основании таких аксиом можно строить огромное количество разных теорем, которые уже требуют для себя доказательств. Однако нельзя же все на свете только доказывать. Если все обязательно доказывать, то доказательств наберется целая бесконечность; а так как бесконечности достигнуть нельзя, то тогда и окажется, что доказываемый тезис, в конце концов, лишается достаточного для себя обоснования. Оно возможно только там, где признаются какие-нибудь недоказуемые элементы, причем не в силу доказательств, но исходя из простого здравого смысла. Вот теперь и спросим себя: что же это за аксиомы?

ДВИЖЕНИЕ. Первая такая аксиома гласит: *все движется*.

Неужели тут надо что-нибудь доказывать? И не сочтем ли мы душевнобольным человека, который будет утверждать, что все на свете абсолютно неподвижно, что ничего на свете нельзя сдвинуть с места и что мерт-

тересную статью, которая может рассматриваться как прелюдия «к разговорам с Чаликовым». Это статья А. Лосева «История философии как школа мысли», опубликованная в журнале «Коммунист» (1981, № 11).

История философии, пишет автор, относится к числу тех областей знания, из которых должна складываться теория познания. Ведь только с ее помощью люди смогли понять, как вырабатывались формы и категории теоретического мышления, методы освоения мыслью действительности, методологическая культура, в основу которой марксизм-ленинизм кладет материализм и диалектику.

А. Лосев, размышляя о необходимости фундаментального и всеобъемлющего познания пути, пройденного множеством наук, напоминает читателю положение В. И. Ленина о том, что продолжение «дела Гегеля и Маркса должно состоять в диалектической обработке истории человеческой мысли, науки и техники».

А. Новиков, студент ЛГУ

вый покой раз и навсегда объял всю действительность? Правда, движение бывает разное, быстрое или медленное и разнообразное в связи с качеством предмета, который движется. Движение ветра — это одно, движение волн в реке — это другое, а когда живое существо переходит из одного своего возраста в другой, то это, очевидно, уже движение в третьем смысле. Но судите сами, можно ли на основании разнокачественности движения отрицать само это движение? Даже если вещи и совсем не движутся и находятся в состоянии покоя, то ведь покой-то этот тоже требует для себя времени. А уже то, что время движется, это никакой здравомыслящий человек отрицать не может. Ну понятна аксиома?

Спорить тут, очевидно, не о чем. **ПОКОЙ.** А вот и вторая аксиома: *все покоится*.

Тут читатель, правда, может замарать руками в знак протеста и отрицать, что все покоится. Но с моей стороны, как мне кажется, требуется только одно небольшое разъяснение, чтобы эта аксиома стала понятной.

«Скажи мне, пожалуйста, ты родился в таком-то году?» — «Да, я родился в таком-то году». — «А скажи, пожалуйста, когда ты поступал в школу, тебе сколько было лет?» — «Мне было тогда 7 лет». — «А поступая в школу, ты был как раз тем самым

Иваном, который родился 7 лет назад, или в момент поступления в школу ты был уже не Иван, а какой-нибудь Петр или Семен?» — «Конечно, я был тот же самый Иван». — «А когда ты станешь взрослым человеком, ты тоже будешь продолжать быть Иваном или станешь каким-нибудь Альфонсом или Леопольдом?» Конечно, ты опять-таки останешься все тем же Иваном... Ясно, что человек, с одной стороны, непрерывно движется и меняется с возрастом. А с другой стороны, вовсе никак не движется и не становится каким-то иным человеком, и это все не только теория.

Скажи, посмеешь ли ты подумать хоть одно мгновение, что вчера ты был Иван, а сегодня ты не Иван, а Людовик? Другими словами, можно ли двигаться, не пребывая в покое? И можно ли пребывать в покое ровно без всякого движения? И тут вполне ясно, что такое отождествление движения и покоя вовсе не относится только к человеку или только к живому существу. А камень? А поверхность Земли? А любое растение? Согласись, что всякая вещь вообще, о которой ты можешь сказать хотя бы одно слово, является и все время разной, и все время одной и той же, пока она реально существует. Это, брат, не просто моя теория, да и не теория вообще, это очевиднейший факт, самоочевидная действительность. Разве это теория, если старик умирает, будучи тем же самым, кем он родился в свое время? Доказывать, что в 20 лет ты не тот человек, которым был в 10 лет, значит, заниматься софистикой.

Поэтому софист не тот, кто утверждает необходимую совместность движения и покоя, а тот, кто эту совместность отрицает. Герой гоголевских «Записок сумасшедшего» тоже однажды почувствовал себя испанским королем Фердинандом VII. Вот ты как раз и будешь гоголевским сумасшедшим, если станешь отрицать наличие в человеке самооткровенности наряду с саморазличием.

ПОДВИЖНОЙ ПОКОЙ. Но тут я подошел к той *третьей* и к той *четвертой* аксиомам, которые тоже составляют самое ядро диалектики, но формулировка которых мало кому удается, а если и удается, то выходит это обыкновенно чересчур абстрактно.

Однако ясно, что Иван одновременно и не меняется, и не движется, или, говоря вообще, и движется и не движется. И если я теперь скажу, что всему, что только существует и мыслится, обязательно свойствен подвижной покой, можешь ли ты что-нибудь возразить? Нет. А между тем *подвижной покой* звучит как будто бы чересчур непонятно и абстрактно. Непонятно это бывает только в том случае, если люди отказываются от здравого смысла. На самом же деле это самый обыкновенный факт, а именно, что ты в течение всей своей жизни остаешься Иваном. Но если фактически ты и стал бы испанским королем Фердинандом VII, все равно это был *тот же самый* ты. Уже само слово «превратился» свидетельствовало бы в данном случае о том, что ты при всех своих превращениях в основе своей остаешься тем же. А иначе и самое слово «превратился» потеряло бы всякий смысл.

Могу сказать и иначе. Если ты всегда и везде один и тот же, правда, в

своей основе, то, с другой стороны, ты, как мы сейчас твердо с тобой установили, в то же время и везде разный. Я хочу сказать, что все существующее и все мыслимое обязательно есть всегда и всюду самоотжественное различие. Для уяснения такого словосочетания не нужно ничего другого, кроме как только здравого смысла. Это тебе понятно так же, как и то, что сейчас хорошая погода и светит солнце и что для установления такого факта нужно только выйти из своей квартиры или хотя бы открыть окно.

Итак, третья аксиома гласит: *все является подвижным покоем и самоотжественным различием.*

ЕДИНСТВО ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ. Чтобы понять эту четвертую аксиому, потребуется, как и везде, только разъяснение, а не доказательство. Но чтобы эту аксиому разъяснить, позволю мне начать как бы издали, на самом деле это вовсе не издали, а все тут же.

Стол деревянный? Деревянный. Но одной деревянности мало для стола? Мало, потому что стул тоже деревянный, и шкаф деревянный. И стол состоит из доски и четырех ножек? Конечно, но шкаф тоже состоит из полок и тоже имеет четыре ножки. А то, что стол покрашен в коричневую краску, это для него важно? Важно. Но шкаф тоже покрашен в коричневую краску. Но тогда что же получается? Деревянность — признак стола, но не сам стол. Наличие досок характерно для стола, но сами по себе взятые еще не есть сам стол. Так же и определенная окраска, хотя она и характерна для стола, но еще не есть сам стол. Но где же само-то стол? Если в столе ничего нет, кроме отдельных признаков стола, то это значит, что никакого стола вообще не существует. Либо стол есть специфический носитель всех своих признаков и свойств и не сводится к ним; тогда он действительно существует, о нем можно говорить и им можно пользоваться. Либо никакого носителя признаков, отличного от этих признаков, ни в каком смысле не существует; и тогда становится неизвестным, куда же надо отнести все эти признаки и чему же они нами приписываются, то есть стол перестает быть столом не только для нашего употребления, но просто даже для нашего представления об этом столе.

А теперь вот я и спрошу: куда же деваются все признаки стола, если на самом деле важны не признаки стола, а сам стол? Но вопрос этот поставлен неправильно. Я ведь не утверждал, что признаки стола никакого значения не имеют. Наоборот, я их признавал именно как признаки стола; но чтобы им быть как раз признаками стола, а не чего-нибудь другого, необходим и самый стол, так как иначе наши признаки ни к чему не будут относиться, ни о чем не будут свидетельствовать и вообще повиснут в воздухе. Но в таком случае стол необходимо понимать как носитель его признаков, как то, в чем совмещаются все эти признаки, как то, в чем они совпадают и в чем они уже перестают быть чем-то самостоятельным и разобитным, в чем они совпадают до неузнаваемости, но что как раз и образует собою всю данную вещь в ее цельности. Ведь если я

сел за этот стол, это еще не значит, что сел за деревянность этого стола, что сел за данный признак стола. И когда воспользовался этим столом, чтобы распределить на нем свои книги, то воспользовался я не его доской или ножками и не его коричневым цветом, но воспользовался самим этим столом, в котором все его отдельные признаки, конечно, существуют, но в котором все они совпали в одно и неделимое целое. И если мне захотелось сдвинуть этот стол с одного места на другое, то я должен двигать не его деревянность и не его коричневый цвет, но самый этот стол, и, вообще говоря, не материю стола и не идею стола, но самый стол. А ведь деревянность не есть коричневость, но противоположность ей, поскольку говорит совсем о другом предмете. Материя необходима для стола, иначе он вообще не будет никакой вещью. Но идея стола тоже необходима для стола, так как иначе деревянный стол ничем не будет отличаться от стула, который тоже деревянный, и от шкафа, который тоже деревянный. Итак, мой стол обязательно есть неделимое и нечленимое единство всех своих признаков, как бы они ни относились еще и к другим предметам, то есть как бы они ни были друг в отношении друга противоположностями.

Когда я выше говорил о движении и покое и о совмещении того и другого в одной вещи, я покамест еще не говорил о качестве того, что движется и меняется, и о качестве того, что тождественно и различно, а вот теперь меня интересует именно качественная сторона того предмета, который движется, и качественная сторона того предмета, который покоится, и качественная сторона того, что одновременно движется и не движется. Я именно заговорил о *признаках* вещи, о *свойствах* вещи. И оказалось, что эти признаки, взятые не в своей разорванности и дискретности, не в беспорядочно-хаотическом состоянии, но именно в своей качественной отнесенности к определенной вещи тоже теряют свое взаимно разрывное состояние, тоже теряют свою взаимную противоположность и тоже становятся чем-то целым, в котором они, конечно, не перестают существовать (иначе перестало бы существовать и возникшее из них целое), но которые уже отразили на себе смысл того целого, признаками которого они являются, и в этом же совпали друг с другом, как и с тем целым, для которого они являются признаками, то есть отдельными частями.

Но теперь позволю сформулировать *четвертую* аксиому в диалектике: *все существующее (а значит, и все мыслимое) есть единство противоположностей.*

И тут я опять-таки совершенно категорически утверждаю, что данная аксиома не есть плод рассуждающего мышления, абстрактного рассужда, но результат простого здравого смысла. Иначе вы должны будете говорить, что вы сели не за стол, а за его деревянность или за его коричневость. Другими словами, если тут кто-нибудь и занимается абстрактной казуистикой, и занимается ею, который отличил носителя стола от его свойств и признаков, но именно те, кто отрицает существование стола как неделимого

единства всех характерных для него свойств и признаков. Ведь кто отрицает вещь как неделимое единство противоположностей, тот в своей характеристике данной вещи, очевидно, базируется только на ее признаках и свойствах. Но базироваться на признаках и свойствах — это значит их овецистлять, то есть представлять как отдельные вещи. Но не рассыпается ли в таком случае вещь на огромное, если не прямо на бесконечное число отдельных и никак не связанных между собой вещей. У меня вот есть стол, а у вас его нет, потому что он рассыпался для вас на бесконечное число ничем не связанных между собой признаков; и это число, рассуждая теоретически, необходимейшим образом бесконечно, поскольку каждую такую вещь, в виде которой вы хотите представить отдельные свойства вещи, ведь будет состоять у вас из разных признаков, которые тоже будут у вас овецистляться. Продолжая такие поиски стола как определенной вещи, вы просто превращаете стол ваш в бесконечное количество все более мелких частей, то есть превращаете ваш стол в какое-то марево неизвестно чего и в какой-то туман вещей, о которых можно сказать только то, что они стремятся к нулю. Так что и весь ваш стол окажется просто какой-то вашей галлюцинацией. Поэтому не лучше ли с самого начала признать в стуле его неизменную и далее неделимую основу, и при сохранении такой основы не станет ли вполне безопасным накопление любого числа признаков и свойств вашего стола.

Замечу еще и следующее. До сих пор я говорил о столах, стульях и шкафах. Ну а если буду говорить, например, о камне у меня во дворе, или о дереве под окном, или о моей собаке, которая балуется с другими собаками тоже во дворе? Разве не то же ли самое единство противоположностей я должен находить у всех предметов? Ясно, что речь должна идти, конечно, вовсе не о столах, стульях и шкафах. Но оставим отдельные вещи. А возьмем все вещи, которые только существуют, и возьмем их сразу и вместе. Что тут получится?

Мир существует или не существует? Мир, конечно, существует. И это твое утверждение стало возможным только в результате очень долгого и мучительного рассуждения, только в результате сложнейших и абстрактнейших операций рассужда, только в результате длительной и насильственной учебы? Ничего подобного. То, что мир есть, это всякий дурак знает. И что мир существует, для признания такой мысли не нужно долго учиться, а нужно только рассуждать на основании здравого смысла. Хорошо. Запомнил? Запомнил.

Ну а если ты это запомнил и это действительно так, то можно ли это «все» как-нибудь вообще мыслить? Я думаю, что если мир существует, а мир — это вообще все вещи, взятые в целом, то, очевидно, Земля не есть мир, но только часть мира, и Луна не есть мир, но только часть мира, также Марс и Юпитер, также и Солнце, также и все звезды и созвездия. Но тогда спрашивается: а где же само мир, само-то это «все»? Ведь здесь тоже придется признавать какого-то носителя всех мировых явлений, по-

добно тому, как и идея нашего мышления стола и для нашего пользования столом необходимо было признать, помимо отдельных признаков стола, еще и определенный носитель этих признаков, и, кроме частей стола, еще и стол как целое, несводимое на эти его части. Самый обыкновенный здравый смысл и здесь заставит нас признать существование в мире того совпадения всех царящих в нем противоположностей, без которого становится бессмысленным признание и отдельных частей мира. Земля потому только и есть Земля, и Луна только потому и есть Луна, что и Земля и Луна вместе со всеми другими частями мира совпадают в одном единстве, неразделимом и неразрушимом, без чего и всякая часть мира перестает существовать именно как часть мира, точно так же, как и стол состоит не из деревянности и вовсе не из коричневости, вовсе не из досок и ножек и вовсе не из его ящиков, а является тем целым, которое впервые только и создает возможность все эти признаки и части именно как признаки чего-то или как части чего-то. Другими словами, мир, взятый в целом, тоже есть сначала единство всех своих внутренних противоположностей, а уже потом и все эти противоположности, но взятые в свете целого. Таково неумолимое требование здравого смысла. И всякая отдельная вещь есть неделимое единство составляющих ее отдельных и делимых признаков; и весь мир, взятый в целом, тоже есть вещь как неделимое единство всех составляющих его признаков, свойств, частей и вообще явлений.

ЕДИНСТВО ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ, ОПРЕДЕЛЕННЫМ ОБРАЗОМ НАПРАВЛЕННОЕ. Теперь я перейду к новой проблеме, которая для меня, как и все, о чем сейчас говорю, тоже есть не более как требование здравого смысла.

В самом деле, я до сих пор говорил все о столах да о столах. А не замечаешь ли ты, что это, собственно говоря, было разговором вовсе не о тех реальных столах, которыми мы реально пользуемся, а только, так сказать, о «теории» стола, о тех его особенностях, без которых он и немислим и недоступен для его использования? Чего не хватает в нашем предыдущем рассуждении? Не хватает той его значимости, благодаря которой стол только и оказывается доступным для использования.

И действительно, стол есть не просто вещь вообще, а определенная вещь, вещь, определенным образом сделанная, и вещь, сделанная для определенных целей. Если мы не будем обращать внимания на причинно-целевую предназначенность стола, то, само собой разумеется, это уже не будет сам стол, а будет вещь вообще, потому что и всякая вещь тоже движется, тоже покоится, тоже пребывает в подвижном покое и тоже есть единство своих противоположностей. Где же тут специфика самого стола? И можно ли без фиксации такой реальной и жизненной предназначенности стола говорить о самом столе?

Совершенно ясно, что всякая вещь, чтобы быть самой собой, должна еще иметь и свое жизненное происхождение и свое жизненное предназначение. И здесь я опять буду категорически

настаивать, что жизненное назначение вещи не есть результат моей философской теории и вообще не есть результат каких-нибудь умозаключений, но просто повелительная данность самого обыкновенного человеческого опыта. И если о чем здесь можно спорить, то уж, во всяком случае, не о назначении вещи, а скорее, может быть, о разных типах этого назначения. При этом я буду говорить о типах этого назначения вещи строго последовательно, так, чтобы было видно, какой тип назначения вытекает из другого такого же типа и какой тип назначения требует признака еще другого типа.

ЕДИНСТВО И БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ. Здесь сразу бросается в глаза то обстоятельство, что, если подходить к единству противоположностей не абстрактно, но жизненно, это единство противоположностей ни в каком случае не является неподвижным. Ведь это единство имеет свое жизненное назначение. А жизнь всегда есть борьба. В результате этой борьбы в жизни очень часто берет верх порядок, но часто берет верх и беспорядок, даже хаос и даже просто нелепость. Какое же это будет у нас единство противоположностей, если оно не отразит всего разнообразия жизненного процесса?

Итак, если рассматривать единство противоположностей с точки зрения его жизненного назначения, то, во-первых, мы объясним и хаос, и большой или малый беспорядок, и даже нарушения требований разума, даже нелепость, глупость, сумбур. И во-вторых, при рассмотрении жизненной предназначенности единства противоположностей необходимо учитывать, что раз зашла речь о жизни, то в диалектике не нужно будет удивляться борьбе порядка с беспорядком, победе здесь одного над другим, согласию или разногласию, или, вообще говоря, согласию или разногласию между любым хаосом и любым космосом.

Куча песка, как говорят, бесформенна. Но, конечно, бесформенность эта здесь только относительная, то есть речь заходит о ней только в результате сравнения этой кучи с обыкновенными предметами жизненного назначения. В абсолютном же смысле слова куча песка тоже имеет свою четкую форму, а именно форму кучи. Облака на небе тоже бесформенны. И это опять надо понимать только относительно. Человек с умственным расстройством тоже рассуждает нелепо. Но эта его нелепость тоже имеет свою собственную внутреннюю логику. Мало того. Врач-психиатр, чтобы установить основной тип и характер умственного расстройства данного больного, в первую очередь должен установить как раз характер мышления больного и методы его мышления и высказываний...

Другими словами, здесь возникает у нас сама собой *пятая аксиома диалектики*, а именно, что она основывается не только на единстве противоположностей, но обязательно еще и на их борьбе, так что здесь мы получаем весьма существенное дополнение к нашей четвертой аксиоме, имеем ее весьма существенное развитие. Она гласит: *все существующее (а значит, и все мыслимое) есть единство и борьба противоположностей.* Без этой аксиомы всегда будет соблазн понимать един-

ство противоположностей как обязательно рациональное и логичное.

Ведь когда мы говорили, что стол, помимо своих отдельных признаков и наряду с ними, является еще и их носителем, то это носительство было не чем иным, как тем целым, выражением частей которого и являются отдельные признаки и свойства стола. Но вот если вместо стола мы возьмем такой предмет, как холерная эпидемия, то она только и состоит из бесконечного ряда нарушений нормально функционирования человеческого организма, то есть из сплошных нелепостей, вредоносных случайностей, из безумного функционирования того, что по самой сущности своей и по своему назначению должно было бы быть нормальным, и притом идеально нормальным. Все это, однако, не только не мешает холерной эпидемии быть каким-то единым предметом мысли и не только не мешает логике этой мысли, но, наоборот, является предметом вполне логически постраемой науки, именно медицины, и даже специально изучается в медицинских институтах.

Можно ли после этого говорить, что всякий предмет мысли и всякое явление есть только юридическое обобщение логически наблюдаемых явлений? Нет, всякий предмет мысли и всякое явление жизни отнюдь не есть только единство противоположностей, но в обязательном виде является не только единством, но и борьбой противоположностей, не только пассивным отражением того, что творится в жизни, но и активной насыщенностью жизненных явлений, требующих в одних случаях своего признания, а в других — своего отрицания, то есть борьбы с ними.

ЕДИНСТВО И БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ В СВОЕМ СТАНОВЛЕНИИ. Итак, со своей диалектикой мы захотели войти в самую гущу жизни. И естественно, мы нашли здесь не только единство, но и борьбу противоположностей. Эта борьба противоположностей, конечно, тоже есть единство, поскольку борющиеся стороны обе одинаковым образом участвуют в одном и том же, а именно — в борьбе. Борьба — это ведь только частное выражение единства вообще, то есть единство это более сложное.

Но еще больше усложнится вопрос, если мы обратим внимание не на самый принцип единства и борьбы, но на то, каким образом осуществляется этот принцип, на то, как он становится, что есть на то, как он возникает, как он расцветает и умирает. Но здесь наши теоретики сделали очень много, и в основном нам необходимо будет только воспроизвести в отчетливой форме то, что вообще часто говорится о диалектике.

Именно, уже давно был замечен тот факт, что невозможно говорить об изменениях вещи лишь в одном плане этого изменения. Вещь меняется. Но как она меняется? Что она при всех своих изменениях остается в основе своей той же самой — это мы уже установили. Иначе, если вещь в каждое мгновение своего изменения становится все другой и другой по своей самой субстанции, тогда и весь процесс ее изменения распадается на бесконечный ряд дискретных, то есть взаимоизолированных и друг в отношении друга неподвижных точек.

Но что в процессе своего изменения вещь все время становится новой и новой, это тоже мы установили достаточно отчетливо. Возникающая отсюда категория подвижного покоя тоже установлена у нас выше достаточно ясно. Но вот в чем дело. Присматриваясь к изменению вещи, мы находим, что этот ее подвижной покой часто поражает нас своими неожиданными результатами. Конечно, наша категория подвижного покоя настолько общая и необходимая, что спорить о ней невозможно. Но, присматриваясь к реальному изменению вещи, мы сразу чувствуем, что этого подвижного покоя для нас очень мало. Он никак не предусматривает всех тех неожиданностей, которые приносит с собой движение вещи и которые по своей конкретности для нас как раз и важнее всего.

В своем саду я посеял семена цветов. В каждом семени не содержится ровно ничего такого, что хотя бы отдаленно указывало на самый цветок. Цветок появился в результате изменений, происшедших с ним в земле и после его появления из земли. Откуда же это? Очень хорошо говорить об изменении вещей. Но как же это вдруг из самого обыкновенного и постепенного изменения появилось то, что по своему виду и по своей форме уже совершенно ничем не напоминает предыдущего процесса изменения?

Ты был неграмотным и не знал букв. Тебя долго учили, что вот это начертание есть буква А, а что вот это начертание есть буква В. Но потом тебе дали такое, например, сочетание букв, как АБА, и потребовали произнести его сразу, как нечто целое. И ты, даже зная отдельные буквы, еще долгое время не мог произносить их бесконечно разнообразные сочетания. Как же вдруг потом оказалось, что ты читаешь любой текст и вслух и про себя не только сразу и мгновенно, но даже с забвением отдельных букв и звуков? Ты почему-то стал грамотным. Но грамотность уже по самому своему качеству отличается не только от неграмотности, то есть от незнания отдельных букв, но и от того состояния твоей учебы, когда ты одни буквы знал, а другие не знал и когда ты одни сочетания букв произносил, а другие — не произносил. Грамотным ты стал только тогда, когда при произнесении слов и предложений ты уже забывал об отдельных буквах и при произнесении слов «шли два приятеля вечерней порой и дельный разговор вели между собой» отдельные буквы уже отваливались у тебя куда-то в сторону, и ты совсем их не фиксировал. Вот это называется грамотное чтение. Так после этого я тебя спрошу: не потребовала ли грамотность длительного времени для ее усвоения и не является ли она по самому своему качеству чем-то неожиданно новым в сравнении с полной неграмотностью?

И какие только качественные изменения вещей, часто совершенно неожиданные, не наблюдаются нами всюду, где, казалось бы, происходят только количественные изменения! Человек был здоров; и как бы он количественно ни изменялся, он оставался здоровым. А потом он вдруг заболел, то есть его организм проявил совсем другое качество, хотя в количественном отношении все было нормально и обыкновенно; а потом, того и смотри,

человек умер. И тут уже, во всяком случае, организм по своему качеству стал иным, хотя количественно все было вполне обыкновенно. И совершенно так же все происходит решительно во всем, что меняется. Возьми погоду, возьми историю нашей планеты, возьми появления и гибель небесных тел, возьми решительно все на свете. Ты видишь, что везде тут не только единство и борьба противоположностей, но и такое становление этого единства и этой борьбы, которое всюду полно любых неожиданностей, всюду полно каких-то необъяснимых чудес. Вот и Менделеев вдруг заметил, что из простого количественного изменения удельного веса водорода происходят решительно все химические элементы, хотя по качеству своему они не имеют ничего общего ни с водородом, ни друг с другом. Вот и Дарвин построил свою теорию происхождения видов тоже на основании такого количественного назревания процессов жизни, которое всегда приводило к появлению видов, уже несоизмеримых друг с другом по качеству.

Нужно быть слепым и глухим, чтобы не слушаться здесь здравого смысла. А здравый смысл повелительно требует признать, что в результате только одних количественных изменений, если только прислушаться к тому, чего реально требует единство и борьба противоположностей, обязательно появляются неожиданные качества, раньше не бывшие, если их рассматривать изолированно, без понимания жизни как сплошной направленности, как реального становления.

Отсюда — *шестая аксиома диалектики, гласящая: единство и борьба противоположностей в своем жизненном становлении обязательно требуют такого жизненного становления, когда из простого количественного назревания жизни возникают все новые и новые качества, необъяснимые, если предыдущее количественное созревание понимать только абстрактно количественно.*

Эту аксиому можно формулировать и гораздо короче. Поскольку постепенное количественное назревание часто приводит к новым качественным скачкам, постольку и можно сказать просто, что жизнь развивается в виде становления *количественно-качественных структур*. И поскольку жизнь, стремясь все время к самосохранению, постоянно переходит к новым и новым формам, постоянно борется со своими старыми формами и постоянно борется за свои новые формы, то так и можно сказать, что этот методечно становящихся количественно-качественных структур есть постоянная борьба жизни с самой же собой и для себя же самой, то есть что она есть сплошное *самопротивоборство*.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС. Выше мы установили, что жизнь есть и подвижной покой, и единство, и борьба противоположностей, и количественно-качественная становящаяся структура. Ясно, однако, что это далеко не все. Ведь мы сейчас все время говорим о жизни. Но о какой жизни? Жизнь камня — это одно, но жизнь растения — это уже совсем другое. Так же и жизнь животного. Само собою ясно, что, покамест мы не заговорили о жизни человека, мы не коснулись самого главного, самого глубокого и самого

интересного типа жизни, то есть человеческого типа.

Но и о человеке тоже нужно говорить умеючи. Человек, например, живет в природе, но сам по себе он во все еще не есть природа. Человек — живое существо и, если угодно, даже животное. Но человек вовсе не сводится на животное. Человек, во-первых, есть разумное животное, но и этого мало. Когда говорят, что человек есть разумное существо, то слово «разум» не понимают отвлеченно, но понимают как нечто такое, что осмысливает собою всякую материальную данность и заставляет эту данность быть носителем разного рода глубоких, высоких и широких ценностей. Наличие разума в живом существе делает его носителем высших ценностей, и частных, и общих, и даже вплоть до космических. Поэтому говорят, что человек есть личность, то есть носитель высших ценностей, и человек есть общество, поскольку личностей много, и все они объединяются в одно неделимое целое, в общество. И это — во-вторых, то есть это есть понимание разумности как общественно-личной ценности.

В поисках дальнейшего расширения наших представлений о человеке мы, конечно, должны перейти к такой общественно-личной области, которая является продуктом исторического развития. Человека нет без личности, личности нет без общества, но и общества нет без истории. Но ясно же, что наше подобное рода утверждение опять-таки не есть результат какого-то очень трудного и весьма изысканного рассуждения, не есть результат какой-то небывало ученой философии. Я опять-таки требую совершенно категорического и совершенно безоговорочного признания, что человек есть всегда и всюду только продукт исторического развития, только сгусток общественно-исторических отношений. Тут нет ровно никакой философии. Тут просто требование здравого смысла. А если так, то не посетуйте, если тут же мы станем применять еще одно, только что высказанное нами требование здравого смысла.

Именно, выше мы говорили о необходимости находить в любом жизненном процессе его количественно-качественную структуру. Но сейчас мы говорим не просто о жизненном процессе, но о той его разновидности, самой зрелой и максимально-конкретной, то есть об историческом процессе. Очевидно, если оставаться на позициях здравого смысла, то исторический процесс, конечно, есть в первую очередь некое постепенное развитие, некое то более медленное, то более быстрое созревание, то разрастание, расширение и углубление исторической данности, которую иначе и нельзя назвать как чисто количественной. Но вот мы постоянно являемся в истории свидетелями не только постепенной эволюции той или другой общественно-политической формы, но и тех революционных скачков, которые сразу отправляют в прошлое данную историческую форму и сразу же насаждают небывало новую форму. Постепенное развитие иной общественно-политической формы происходит очень медленно и даже малозаметно. Одни люди осмеливаются думать по-новому, другие не осмеливаются, третьи колеблются, а четвертые являются активными борцами против

новых требований жизни. И это происходит годами, десятилетиями и даже столетиями. Но вот, как говорят, пробил час истории; и едва мыслимое или малопродуманное, а в бытовом смысле даже и совсем неожиданное вдруг получает силу, вдруг становится ясным для большинства и вдруг сметает прошлые формы и устанавливает небывало новые. Неужели вы забыли учебники истории и неужели вас покинул здравый смысл? И неужели вы будете думать, что моя седьмая аксиома диалектики есть какая-то выдумка, а не результат наблюдения жизни с точки зрения назревания в ней новых структур и назревания в ней, как мы сказали, тех или иных эволюционно-революционных структур?

Вот седьмая аксиома диалектики, которую считаю для себя унизительным философии доказывать и которую весьма будет унизительным и для вас воспринимать как какое-то небывало оригинальное обоснование. Эта аксиома гласит: *исторический процесс развивается в виде постоянной смены количественно-качественных структур, то есть в виде неизменно становящейся эволюционно-революционной структуры.*

АБСОЛЮТНОЕ И ОТНОСИТЕЛЬНОЕ. Неугомонна человеческая мысль. Она никогда не стоит на месте и только и знает, что все время расширяется и углубляется. Вот и теперь, когда мы уже дошли до реально-исторического человека, казалось бы, дальше уже и идти некуда. Исторический человек, казалось бы, это и есть последняя и самая конкретная реальность. Тут, однако, уже и малое размышление требует еще одной установки и тоже на основании все того же здравого смысла.

Как у нас в быту иной раз понимаю диалектику? Излишне бытово.

Я знал одну музыкантшу, которая своей игрой приводила в восторг своих концертных слушателей. Но когда она после концерта приходила домой, она настолько капризничала и обижала всех, что ее близкие постепенно отошли от нее, оставив ее в беспомощном одиночестве. Она так и умерла старым человеком в беспомощном одиночестве. Говорят: ничего не поделаешь, такая уж диалектика.

Теперь я вот и спрошу: было ли в этом случае или подобном единство противоположностей и была ли здесь борьба противоположностей? И еще спрошу: состоялась ли здесь подлинно историческая жизнь и не было ли в наличии здесь также и количественного назревания событий с неожиданными качественными скачками? Да, да. Все это так. Но можно ли диалектикой все объяснить? А главное, если диалектикой и можно все объяснить, то можно ли ею все оправдать?

Вот тут необходимо усомниться. Диалектикой можно все объяснить, это правда. Но вот в истории Древней Греции был целый период, когда выступили так называемые софисты, которые именно диалектикой и пользовались для разрушения всего необходимого для человека и даже всего просто приличного. Софисты утверждали, например, что можно доказать любую вещь, что вообще нельзя высказать никакой истины, а иные говорили, что нельзя высказать и ничего ложного. Все человеческие утверждения, говорилось

тогда, одинаково и истинны и ложны. И доказывалось это с применением иной раз весьма утонченных диалектических приемов. И вообще, диалектику очень часто понимали в истории как остроумную игру противоречий, которая никого и ни к чему не обязывала, а была только способом веселого времяпрепровождения. Да часто и у нас в быту говорят: вашей диалектикой можно доказать что угодно. Не знаю, что значит в данном случае «вашей». Если я говорю не о какой-то «вашей», а о собственно диалектике, то она вовсе не собирается доказывать что угодно, она вовсе не пустая игра словами и вовсе не преследует целей релятивизма, нигилизма и вообще бесплодной болтовни. И это вот почему.

Жизнь действительно зачастую сплошная путаница. Такова же и история. Но ведь не только путаница. Жизнь — скорее вечная проблема, а не путаница. И проблема эта вечно решается, хотя и не окончательно. Но проблема чего именно и путаница в чем именно?

Мое основное впечатление от общечеловеческого исторического процесса невозможно без того, чтобы я не чувствовал везде в человеке стремления вырваться на свободу. Все и всегда жаловались на жизнь. Всем и всегда чего-то не хватало. Все и всегда хотели расстаться с тем плохим, что стесняло, и прийти к тому хорошему, что освобождало бы. Если бы я вопреки путанице и проблемности жизни все же захотел бы найти общую линию исторического развития, то я бы сказал, что история есть эволюционно-революционное стремление к свободе. Каждый период истории имел свое представление о свободе и по-своему достигал этой свободы. Но такой свободы оказывалось недостаточно, и тогда наступал новый период истории. Спрашивается: а где же конец этого общечеловеческого стремления к свободе и возможно ли такое абсолютно свободное и в этом смысле уже беспереблемное существование?

Да, абсолютная истина есть, и она необходимейшим образом существует уже по одному тому, что без нее невозможно было бы и никакое относительное стремление к свободе. Допустим, что все относительно. Но это будет значить только то, что у нас абсолютизируется сама эта относительность. И вообще, как белое невозможно без черного, высокое без низкого, правое без левого, точно так же невозможно и относительное без абсолютно, и невозможно абсолютное без относительного.

Вот почему я не очень горю, когда мои дела становятся плохими, и вот почему я не закатываюсь от смеха и счастья, когда мне повезло. Насколько я могу себе представить, такое самочувствие у людей есть их высшая диалектика. Ведь диалектика в чистом виде — это не просто игра противоречиями и бесплодная болтовня с любыми утверждениями и любыми отрицаниями. Но это еще не есть подлинная и окончательная диалектика, и это отнюдь еще не исчерпывает всех ее жизненных возможностей. Прикоснуться к исчерпанию этих беспредельных возможностей диалектики удастся только при том условии, если мы для нашей диалектики найдем объ-

ективные основания, объективную опору. Но такой объективной опорой для человека является только бесконечное и беспрепятственное осуществление всех заложенных в человеке возможностей. И если невозможно абсолютное достижение свободы, то всегда возможно ее достижение относительное — при условии, конечно, отражения абсолютной свободы как модели в относительно свободных поступках как в бесконечно разнообразных копиях той модели. Человек — это вечная проблема, и история человека есть тоже вечная проблема. Но эта проблема не чего иного, как свободы. Поэтому для кого диалектика не есть пустое место, для того она есть прежде всего диалектика свободы и необходимости, безусловно достигаемая в каждый условный и относительный момент жизни.

Я считаю, что заниматься диалектикой и не делать из нее никаких жизненных выводов — это пустое дело, дармоедство и тунеядство. Если ты работаешь как подчиненный, все время помни, что ты служишь не своему начальнику, а общечеловеческой свободе; и в таком случае ты уже не сможешь быть ни подхалимом, ни подлизой, ни льстецом... Если ты начальник, то и тут не худо помнить о твоем великом назначении служить диалектике относительного и абсолютного в достижении общечеловеческой свободы; и в таком случае «диалектика» не позволит тебе быть ни хамом, ни держимордой, ни мировым владыкой, ни рвачом, ни наполеоном. Диалектика свободы есть окончательный залог нашего и личного, и общеполитического благородства.

А отсюда восьмая и для данного случая последняя аксиома диалектики. Она гласит: *абсолютная истина, как абсолютная свобода, есть модель, программа и закон для всякой относительной единичности, которая каждый раз по-своему решает свою исторически данную для нее проблему абсолютного и общечеловеческого освобождения.*

«Диалектика, — как разъяснял еще Гегель, — включает в себя момент релятивизма, отрицания, скептицизма, но не сводится к релятивизму. Материалистическая диалектика Маркса и Энгельса безусловно включает в себя релятивизм, но не сводится к нему, т. е. признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, с. 139).

Мы начали с движения и покоя всей действительности, то есть с ее подвижного покоя. Этот подвижной покой в действительности привел нас к общей проблеме совпадения противоположностей, а эта последняя — к эволюционно-революционной структуре исторического процесса. Но исторический процесс есть сплошная борьба человека за свое освобождение. Поэтому всякая здравая диалектика есть только опыт относительного решения вопроса об абсолютном и общечеловеческом освобождении.

Заметим, что это не есть единственное возможное изображение сущности диалектики. Но без этого изображения едва ли возможно какое-нибудь другое.

Несколько слов о стихах Натальи Буровой

Наталья Бурова с первых своих стихотворений была настолько ярким и самобытным поэтом, что в виде исключения (ей не удалось окончить даже среднюю школу) была принята в Литературный институт имени А. М. Горького по рекомендации наших замечательных поэтов Н. Тихонова и В. Луговского.

Помню, какое неизгладимое впечатление произвели на нас, только что

вернувшихся с фронтов Великой Отечественной войны, ее широкие, удивительно предметные стихи об Узбекистане, где она родилась и выросла:

От родины моей далеко города,
И за ночь не дойдешь до Каракола,
И надвое пустыню расколола
Цветной полоской горная вода,
Урча в каменных, вымытых и голых...
Она пришла в Литературный инсти-

тут уже зрелым поэтом и человеком, много испытавшим, имевшим за своей спиной немалую трудовую биографию.

Еще я помню, как во время двухчасовой беседы Анна Андреевна Ахматова спросила меня, знаю ли я Наталью Бурову, ее стихи. А потом несколько раз повторяла:

— Это поэт милостью божьей!.. Эту ни с кем не спутаешь...

Действительно, в стихах Н. Буровой при всей их женственности есть огромная, почти мужская сила, которая проявляется во всем — в мышлении, в ритмическом размахе ее стихов, в образной системе, в удивительно конкретном, эпическом восприятии мира.

Николай Старшинов

Наталья Бурова

Мне кажется, что август на исходе
Горячим ветром ржавчину намел
И что, замедлив тень на повороте,
Тугие крылья накренил орел.

Что изменилось?! В юности беспечной
Меня манили диких гор зубцы,
Война и боль в душе моей навечно
Оставили глубокие рубцы.

Встречались мне и ненависть, и горе,
И кривда, непреклонная как рок,
Несправедливость побеждала в споре,
Всегда хватало досыта тревог.

И кажется, должна бы постареть я,
Душа броней обрасти должна,
Но поражают щедростью соцветья,
И человечность каждому нужна.

Наверно, стану я, как лунь, седею,
Пройду не раз по лезвию ножа, —
Неутоленной, вечно молодой,
Тревожною останется душа.

Земля дарит. Дарит вода прокладой.
Из каждой лужи светят небеса,
Чтобы наполнить, надо иль не надо,
Своей бездонной синевой глаза.

Все людям! От пристрастия
до счастья,
До боли отвергаемой любви,
Ведь не имели никогда причастья
К прекрасным чувствам тряпки
и рубли!

Мне тоже хочется пройти по жизни,
Все раздарив, растратив и пропев,
Чтобы пошел скитаться по отчизне
Моей печальной нежности напев.

Семиречье

От родины моей далеко города,
И за ночь не дойдешь до Каракола,
И надвое долину расколола
Цветной полоской горная вода.
Урча в каменных, вымытых и голых,
С хребта горы сползают родники,
Ветвистые кустарники колючи,
Под тенью мимолетной тучи
Шуршат травой курганы-двойники,
Взбираясь на обветренные кручи.

Давно ли я смотрела на закат
Из глубины померкнувшей долины,
Лепила птиц из желтоватой глины,

Тайком рвала незрелый виноград,
Что изгибался в зарослях низины.

Когда-то пил мой дедушка кумыс
От черной крутобедрой кобылицы,
И тень большой, раскрыливейшей

птицы
Броском к земле проваливалась вниз,
Чтобы опять, высматривая, взвиться.

От родины моей далеко города, —
Там хлесткие дожди и паводок обилен,
А по ночам осматривает филин
Жующие под звездами стада,
И камень опрокинутый намылен
Водой — не засыхает никогда.
Там каждый день казался мне новей.

И было много незнакомых звуков,
А дедушка казался мне сильней
Привидевшихся в снах богатырей, —
Он брал в карманы сладости
для внуков
И бил кнутом плечистых сыновей.

Прошли года — и медленно, не вдруг
Растаял запах дедовского дома.
Мне каждый день все больше недосуг
О нем мечтать, а город незнакомый
Со временем становится родным...
Но в грустный час, когда слова
бессильны, власть настоящего слабеет
надо мной, —
Я становлюсь вдруг маленькой,
смешной,
Неотделимой от родных курганов,
Я различаю среди травы легко
Усатые головки горных злаков.
Я так люблю, что сердце ни с чего
Готово петь, и тосковать, и плакать.

Прошли года. И родина моя
Необозримо разрослась в пространстве.
Вошли в нее большие города.
Мне Семиречья больше никогда
Не посещать с бывалым постоянством.
Но в смертный час, когда погаснет
зренье

И горе потеряет остроту,
Я на одно великое мгновенье
К полузабытой хижине приду...

Постучал мне кто-то вечером в окно,
Проступили звезды, меж ветвей —
темно.

И сказал пришелец: «Я твой давний
друг,
Мне от одиночества стало страшно
вдруг.
Помнишь над арчою темные копры?!
С песнею спускались мы с крутой
горы,

Тоненькой была ты, юркой как игла,
Попросить прощенья ни за что могла.
Стал добротным деревом крохотный
урюк, —
Мне от одиночества стало страшно
вдруг!

Ноченька осенняя очень хороша,
До кончины светится женская душа.
Только о любви я больше не пою,
Не прошу сердечности и не подаю.

Все всерьез — тугие гроздья гнева,
Как канат натянутый, тропа.
Знала ли мифическая Ева,
Что такое грозная толпа?

Что такое боль и потрясенья,
Что такое жизненная грязь, —
Ведь не для святого вознесенья
Женщины отбеливают бязь.

Чтоб она была под стать сугробам,
Чистотою радовала глаз.
Молча наклоняются над гробом,
Чтоб поцеловать в последний раз.

День грядущий как звено обоймы.
Каждый век по-своему жесток.
Сквозь утраты, горести и войны
Суть души проносят как цветок.

Чтоб она светилась волшебю
Велоснежной лилии под стать.
Разве можно теплотой душевной,
Радостью одаривать уста?

Я сама как земля. Подставляю бока
Дерзновенным ветрам и надменным
светилам, —
А душа, как земной океан, глубока,
Материнским подвластна чувствам
и силам.

Вечным грузом ложатся на землю
дома,
И железо куют не для легких колечек.
Я немалую тяжесть взвалила сама
На свои узковатые женские плечи.

На любом человеке как город
судьба —
Крепко строят свои убеждения люди!
И порою становится тяжелой ходьба
В деловой суете и настойчивом гуде.

Вздрыгнул мир. Покачнувшись,
обрушился дом...
Может, в буйстве от тяжести жизни
спасенье?
И пускай обо мне рассуждают потом,
Вспоминая невиданное землетрясение.

*
Только в песне мне счастье дано,
Только в песне легко мне и просто —
Под рукой голубеет береста
И родничное светится дно.

Выйдешь в полночь — серебряный рог
Выставляет из облака месяц,
Чистых звездочек светит штук десять,
А вокруг миллионы дорог.

Все зовут. Только властный их зов
Не для каждого сердца и слуха,
Словно голос мятежного духа
Средь обычных земных голосов.

Тяготилась я с детства всегда
Властью стен, бессердечностью денег,
Постоянством избитых ступенек,
Хоть на этом стоят города.

Потому-то, наверно, давно
Мир мой стал, как рубашка, мне тесен,

Но в раздольном звучании песен
Мне великое счастье дано.

*
Не любить на земле нельзя,
Не дарить на земле нельзя,
Словно солнечная заря,
Согревают порой глаза.

Как дневной небосвод глубок!
Если версты смотать в клубок,
Мой клубок — словно лунный шар:
В нем безводной пустыни жар,
Ярость ветра, реки простор,
Отцветающей вишни сор.

Звезды ночь напролет горят
И в печали меня корят.
«Подожди, — говорят, — подожди!
Вот омоют тебя дожди,
Одуванчики скинут пух,
Соловей, словно добрый дух,
Околдует тебя опять,

И захочется все отдать
Людам, птицам, тугим корням,
Разноцветным земным огням!»

*
Я сына родила не для войны!
Не для войны букварь ему давала.
Тревожилась, гордилась, тосковала,
Пожизненно влюбленная как мать,
Готовая и штопать, и мечтать,
И ждать скупых, нерасторопных писем
С какой-нибудь окраины страны.
Я сына родила не для войны!
Его вчерашний звонкий голосок,
А нынче жизнерадостный басок
Мне веру в жизнь и счастье
утверждает,
А где-то в мире солнечном блуждает
Угроза смерти, голода и тьмы —
Работают холодные умы...
Я сына родила не для войны!

А. Петров

Резонанс

В № 6 вашего журнала я прочитала небольшую статью А. Лобашинского «Нужны вопросы».

Восприятие произведения искусства — процесс активный, требующий мобилизации и внимания и мысли, то есть это та же работа, а не просто «чудо, к которому так долго готовились и которое все изменит» (как пишет автор материала). И получается замкнутый круг: чтобы почувствовать картину, найти ответ ей в своей душе, нужен уже определенный

уровень культурного образования, восприятия. А что же, если не искусство учит человека понимать искусство? И в музей, наверное, нужно ходить не просто смотреть (вот тогда-то действительно можно увидеть только багетное золото и блеск старинного лака), а учиться, учиться думать, работать.

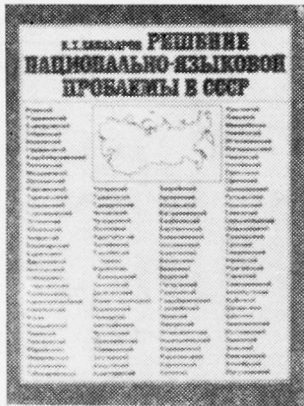
Что же касается высказываний некоторых участников мини-опроса, проведенного автором статьи, то они во многом спорны. «...Нам не хватает центра,

где бы звучала современная музыка, читались лекции по искусству, проводились конференции». Разве нет таких центров? А новый Дом художника на Крымском валу, а Пушкинский музей, где культурная программа очень разнообразна и богата. Подобные центры есть и в других городах, не только в Москве. Не согласна я с замечанием и о том, что современную живопись, графику, фотографию негде посмотреть. Как негде? А многочисленные выстав-

ки молодых художников, периодически проводящиеся практически во всех выставочных залах? Что же касается фотовыставок, то их действительно не хватает.

Но мне кажется, общий объем изобразительной информации все же достаточно велик. Нужно только вдумчиво принять эту информацию и выбрать что-то для своей души.

Е. Васильева,
Москва

Ханазаров К. Х.
Решение
национально-языковой
проблемы в СССР.
М., Политиздат, 1982.

В данной книге сделана попытка подвергнуть анализу те коренные преобразования в языковой жизни народов СССР, которые совершились за годы Советской власти, рассмотреть вопросы развития национальных языков на этапе зрелого социализма, раскрыть историческую необходимость и прогрессивность растущего распространения русского языка как языка межнационального общения и на этой почве — массового двуязычия населения.

Достижение свободного владения русским языком — языком межнационального общения — всем населением СССР и обеспечение дальнейшего свободного развития национальных языков — важнейшие задачи нашего общества, органические составные части воспитания советского человека — строителя коммунизма.

Советский опыт со всей наглядностью убеждает в том, что государство, стремящееся решить проблему распространения общего языка межнационального общения, или макроязыка, должно начать с решения проблемы развития национальных языков, с обеспечения их равноправия.

Строительство коммунизма — дело рук миллионов трудящихся всех наций и народностей нашей великой Родины. Чем крепче их единство, тем успешнее движение вперед в создании нового общества. Русский язык выступает могучим рычагом сплочения народов Страны Советов в осуществлении исторических предначертаний Коммунистической партии.

Мы учимся в СССР

В нашей стране учится около 30 тысяч студентов более чем из 100 различных государств. Они получают знания по 200 специальностям.

Почему эти юноши и девушки решили учиться в СССР? Как они живут? Что думают о нашей стране?

На эти вопросы отвечают нам студенты Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Хуан Хосе Магинья (Мексика), будущий инженер: «Успехи вашей страны поразительны».

После колледжа я поступал в наш Национальный политехнический институт, а по совету моего брата, окончившего УДН, послал документы и в этот университет. Получилось так, что меня приняли в оба вуза.

Но я все же решил учиться в Москве, так как был уверен, что смогу стать хорошим специалистом и лучше узнать вашу страну. Сейчас я не жалею о своем выборе. Во-первых, в УДН учат действительно здорово. Во-вторых, я выучил русский, могу говорить на нем, читать книги: мне очень нравятся рассказы Чехова и Шукшина. В-третьих, много удалось поездить по стране. Я был в городах Прибалтики, Минске, Киеве, работал на практике в Молдавии, Грузии, на строительстве Курпсайской ГЭС в Киргизии.

Хочется сказать, что успехи СССР просто поразительны. За такой короткий срок, несмотря на две войны, создана мощная экономика, ликвидирована безработица, нет кризисов, свойственных капиталистическому миру, инфляции. У вас создано общество, в котором плоды человеческого труда стали достоянием всех.

Васана Сампатх (Шри Ланка), будущий врач: «Я узнала много нового о Советском Союзе...»

Еще в школе я решила стать детским врачом, но у нас пока мало медицинских институтов, и уровень обучения в них невысокий. Учеба в США или в Западной Европе обходится очень дорого — за нее нужно платить 7—10 тысяч долларов в год. А в Советском Союзе медицинское образование можно получить бесплатно.

Именно поэтому я и приехала учиться сюда.

Я узнала много нового о Советском Союзе, особенно о вашей системе медицинской помощи. Она, бесспорно, одна из лучших в мире, но главное то, что ею может воспользоваться любой человек.

Тибисай Родригес (Венесуэла), будущий преподаватель русского языка и литературы: «Мы стали настоящими друзьями».

Лет девять назад я прочитала в испанском переводе томик стихов Пушкина. Потом читала «Войну и мир», «Тихий Дон», произведения других русских классиков и современных советских писателей, книги о вашей стране и ее истории. Так появилась

Бойцы ССО «Минск-87». Город Гагарин. Фото В. Туранина

Конкурс ВСО

«Мужики»

Старика Евстифеича новые соседи, разместившиеся напротив, в опустевшем на лето здании школы, решительно раздражали. Поначалу он было решил, что солдаты приехали шефский концерт дав ть. Но, разглядев гостей получше, понял, что ошибся. На этих хоть и была зеленая форма, но все ж отличалась она от солдатской. Больше всего Евстифеича почему-то возмутил тот факт, что на новеньких защитного цвета куртках разноцветной краской были намалеваны ничего не объясняющие ему, старику, буквы.

Через день соседская дочь Еленка, учившаяся в городе в ветеринарном техникуме и потому знавшая множество вещей, о которых старик и понятия не имел, объяснила ему, что это студенты, приехали они строить новый коровник и магазин. А непонятные буквы на спинах означали следующее: ССО — студенческий строительный отряд, а ТГУ — название места, где они учатся. Какого точно, Еленка сама не знала, но предположила, что раз У, значит училище, а может, даже и

университет. Чуть позже, познакомившись со студентами, она растолковала и две оставшиеся буквы: «Туркменский государственный».

Буквы стали понятными, но это ничуть не уменьшило недоверия Евстифеича к молодым обитателям школьного здания, уж больно они были шумны. С одной стороны, все у них было чин чинном: утром — подъем, построение, флаг поднимают, вечером — отбой, флаг опускают. Но с другой стороны... Вроде взрослые парни, а нет-нет да и поведут себя будто дети малые — то загогочат ни с того ни с сего, то пустятся наперегонки до околицы, то взгромятся друг на друга верхом и давай бороться — кто кого повалит. А по вечерам чуть не каждый день зычный голос высокого чернявого парня со странным нерусским именем Аман, которого все величали по-военному — командиром, громыхал так, что и глуховатому Евстифеичу, сидевшему напротив школы у дверей своего дома, все было слышно.

— А что, мужики, не порезвиться ли нам? — ревел на всю школу

командир, и студенты, скинув куртки, начинали гонять мяч по школьному двору.

— Ишь, тоже «мужики» выискались, — недовольно ворчал Евстифеич. — Молоко на губах не обсохло, в голове ветер гуляет, а туда же. «Мужики!»

Сравнивая себя в молодые годы со своими соседями-студентами, старик с удовольствием отмечал явное преимущество в свою пользу. В двадцать лет был он уже кормильцем семьи, отстроил домишко, тот самый, в котором доживал теперь свой стариковский век, соседи величали его не как-нибудь, а по имени-отчеству, и, уж конечно, такого ветра в голове у него тогда не было.

— Сопляки вы еще, мальчишки, а не мужики! — бурчал старик, запирая дверь на ночь.

Лет десять назад похоронил старик свою жену и с тех пор жил совсем один. Иной раз приезжал к нему погостить сын с женой. Но визиты эти были редки и недолги. Старик привык к одиночеству и не тяготился им. Ему даже были приятны долгие разговоры с самим собой, которые вел он, выходя по вечерам за порог и опускаясь на скамейку.

Новые соседи внесли беспокойство в жизнь старика. Двор школы был в двух шагах, и, выходя вечером на воздух, он поневоле становился свидетелем бурной и веселой жизни студентов, которая пугала его мысли и тем самым сильно его раздражала. И что самое удивительное, чем больше старался Евстифеич не думать о студентах, тем больше обращал на них внимания.

Сидя как-то вечером на своей скамейке и невольно наблюдая за очередным футбольным матчем, старик поймал себя на мысли, что болеет за команду, в которой играл обладатель знаменитого голоса — Аман. Обозвав себя в сердцах «старым хрычком», Евстифеич сердито хлопнул дверью и лег спать раньше обычного.

Но на следующий день ноги сами вывели его за калитку и привели на край села, туда, где строился новый коровник. Работа шла на удивление споро. Кирпичные стены были уже в человеческий рост, и по всему было видно — скоро коровник будет готов.

— Что-то уж сильно быстро строят, — и тут не удержался от сомнений старик. — Наверняка, к осени развалится. Разве ж таким можно серьезную работу поручать? Нет, нельзя! — сам себе убежденно ответил он и отправился домой.

Назавтра было воскресенье, и старик решил заняться по хозяйству — огород прополоть. С начала лета польнь и всякая другая сорняковая гадость разрослась и почти совсем скрыла под собой морковь. Покряхтев с полчаса над грядками, Евстифеич вдруг почувствовал, что ему чего-то не хватает, а подняв голову, понял, чего — в школе было непривычно тихо для воскресного дня. Непонятно почему старика охватило беспокойство.

— Еленка! — позвал он, перегнувшись через соседский плетень. — А эти куда делись? Уехали, что ль?

— В колхоз пошли, — ответила та, развеивая на веревке наволочки и пододеяльники, — помогать.

— А-а... — неопределенно протянул старик, посмотрел на небо и добавил: — Не ко времени ты белее развешиваешь. Похоже, гроза собирается.

— Ваша правда, — вздохнула Еленка, подняв голову, — скоро припустит.

Скоро действительно первые большие капли со звоном ударили в оконное стекло.

Все три часа, пока бесновалась природа, старик неотступно просидел у окна, но так и не дождался возвращения студентов. Появились они значительно позже, к вечеру, когда холодное солнце северных широт неподвижно встало у края горизонта. Шли они мокрые, грязные и, видно, настолько уставшие, что даже на обычные шутки сил у них не было.

— Похоже, в футбол сегодня играть не будут, — сказал старик сам себе и стал собираться ко сну.

Он уже было совсем задремал, как вдруг услышал странное копошение у себя во дворе. Почуввав неладное, он приник к окну и увидел несколько темных фигур, наклонившихся над грядками.

— Воры! — мелькнула мысль. Вгляделся повнимательнее: в сумерках на спинах непрошенных гостей четко проступали разноцветные буквы — ССО.

Выскочив на крыльцо, старик грозно заорал:

— Ить, природы! Что ж вы делаете?! Я, себя не жалея, сажал, трудился, а им морковки захотелось отведать, так сразу в чужой огород полезли!

Ребята в огороде, стремительно разогнув спины, испуганно замерли. Евстифеич уже открыл рот, чтобы обрушить на похитителей новый поток брани, да так и застыл, вдруг увидев, что в руках у поздних гостей не морковь, а тот самый бурьян, с которым он безуспешно боролся сегодня утром.

— Да вы не волнуйтесь, дедушка, — добродушно пророкотал один из ребят, в котором по голосу можно было безошибочно узнать командира. — Морковка нам не нужна.

Старик понял, какого дурака он свалил, подняв на ночь глядя такой шум и обидев людей. Не зная, как поступить в создавшейся ситуации, он пробормотал что-то невразумительно-извиняющееся и скрылся за дверью.

Ребята уже ушли, закончив прополку, солнце, наконец коснувшись края земли, снова стало взбираться вверх, а Евстифеич, не в силах заснуть, ворочался с боку на бок и сгорал от стыда.

Рано утром, дождавшись, когда Еленка отправилась на ферму, он остановил ее у калитки и, стараясь быть как всегда степенным и невозмутимым, произнес:

— Слышь, ты вроде с этими знаками, ну которые СЭ-СЭ-О называются... Сделай доброе дело, зайди к ним, скажи, Евстифеич в гости после работы приглашает. С мужиками, скажи, поговорить охота старику.

Еленка кивнула и отправилась дальше, а Евстифеич, набрав у крыльца песку, вошел в дом и приготовился чистить большой двухведерный самовар, который доставал лишь по случаю больших праздников.

Михаил Переплеснин,
д. Памяцы,
Карельская АССР —
Ашхабад

Молодой специалист: начало пути

Город с комсомольским билетом

«Приезжайте к нам на Север». — пригласила читателей «Студенческого меридиана» в своем письме Н. Семенова из Надыма.

«Поработать в суровых условиях Заполярья, проверить себя — это наша давняя мечта...» — ответили ей Ольга, Марина и Алла из Невинномысска. Более трехсот откликов получили редакция на заметку надымчанки Н. Семеновой.

У многих есть мечта — работать на Севере. Об этом пишут в Тюменский обком ВЛКСМ, Надымский горком комсомола.

Многие хотят узнать об условиях жизни на Тюменском Севере, о профессиях, самых нужных сегодня в Заполярье, о всесоюзных ударных комсомольских стройках в Надыме. О городе с комсомольским билетом мы и хотим рассказать.

...Когда миловидная стюардесса бодрым голосом объявила, что температура воздуха в Надыме минус три градуса, некоторые пассажиры слегка переполошились. Еще бы! Москва проводила их жарким солнышком, цветением сирени, а тут — нате вам — мороз! И только четверо парней в стройотрядовских штормовках, сидевшие впереди меня, отнеслись к этому сообщению спокойно. «Надым-79», «Медвежье-80», «Кутон-Юган-81» — приятно читать такие надписи на рабочих куртках, а еще заманчивее их носить. «Эти люди не новички на Севере», — подумал я. Так оно и оказалось. Надымский район для студентов Мииского радиотехнического института был хорошо знакомым, обжитым местом.

— В третий раз летим в эти края на трудовой семестр. В этом году идем первыми в качестве квартирье-

ров, — сказал Владимир Войтешук. — Надо будет подготовить базу для приема нашего ССО «Немига», определить объекты, которые будем строить.

— Чем же вас так притянул Надым? — поинтересовался я.

— Как это чем? — удивился Валерий Шкраба. — Да всем: природой, людьми, работой! А она здесь трудная, мужская. Есть возможность узнать себя.

Оказалось, что мои собеседники строили таежные дороги к газопромыслам, и взлетную полосу Надымского аэропорта, и жилые дома в Харасавэе, школу-интернат в Кутон-Югане. Разгружали баржи в Надымском речном порту. И рядом с ними трудились студенты из Тюмени, Харькова, Гомеля, земляки-минчане ССО «Буревестник» Белорусского политехнического института.

На фото слева: новый квартал; вверху: студентка-учительница Свердловского пожарно-технического училища младший сержант Жанна Осипова; справа: молодые специалисты воспитательницы яслей-сада Севергазстроя Нина Ботайкина и Ирина Филатова; внизу: студенты Уфимского нефтяного института Александр Мокшаев и Климудина Гульбина на месторождении «Медвежем».

— Что говорить, работали, не глядя на часы, — не без гордости заключил Александр Рупеко.

Самолет шел на посадку, раздвигая крылом облако, подсвеченное багровым солнцем. Из иллюминатора видна стальная гладь Обской губы, заснеженные холмы, озера. Ближе к Надыму — вскрывшиеся болота, а среди них казавшиеся крохотными с самолета поселочки строителей, вышки на газопромислах.

Надым. Первое впечатление: город как город. А вот приглядишься повнимательнее и поймешь: ан нет, есть у него свое лицо.

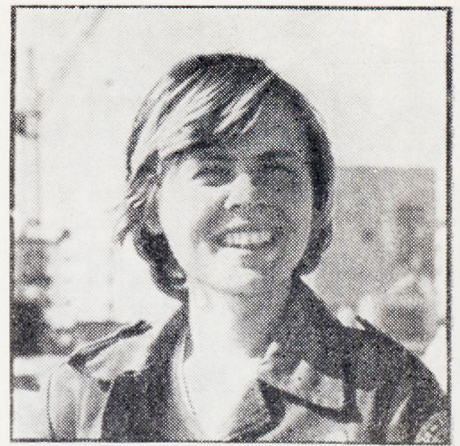
В центре города на деревянном постаменте... обыкновенный вездеход. Тот самый, что привез сюда первых строителей. Каждый надымчанин знает комсомольско-молодежную бригаду плотников Владимира Шевцова, построившую на вечной мерзлоте первые деревянные дома.

Сегодняшний Надым — пяти-девятиэтажные дома, широкие улицы. Школы, магазины, Дворец культуры. В двадцати минутах езды современный аэропорт. Город как город... и город особенный. Где еще увидишь за многоэтажками вагончики и палатки, в которых живут те, кто недав-

но приехал в Надым? Вагончиков десятки — строительство пока не поспевает за ростом городского населения. Оно увеличивается не по дням, а по часам.

Сегодня в Надыме десятки тысяч жителей. Это самый крупный город на Тюменском Севере. Каждому четвертому надымчанину нет 30 лет. Комсомольский возраст! Первого заместителя Надымского горисполкома Игоря Александровича Гришяева я попросил рассказать о себе. Судьба тридцатилетнего руководителя типична для многих надымчан.

После окончания Ворошиловград-

На фото слева: скверик в Надыме; вверху: боец ССО «Эврика» Харьковского государственного университета Лариса Тихомирова; внизу: выпускник МИНХП имени Губкина Игорь Слесарев, мастер по добыче газа

ского машиностроительного института и службы в армии молодой специалист решил работать на Севере.

— Побуждение было романтическое, а причины самые прозаические — у юной семьи не было своей крыши над головой, — улыбается И. Гришнлев. — Жить с родителями не хотелось, душа просила самостоятельности. Помог случай. Один мой земляк работал главным механиком в Надыме — Виктор Григорьевич Тихонюк, он и посоветовал мне ехать сюда. «Были сборы недолги» — через месяц я уже работал инженером в тресте Севергазстрой, а вскоре выделили мне половину вагончика, привез в Надым жену и сына. Это был 1974 год... Бытует мнение, что на Севере легко сделать карьеру. Нет, легко здесь ничего не делается, даже лопату в мерзлый грунт непросто воткнуть...

Именно здесь, за 67-й параллелью, человеческий характер проверяется на прочность. Железо на морозе в полста градусов ломается, а люди ничего, выдерживают. А трудности, как известно, закаляют. Но не всех.

Желание молодых жить и работать там, где трудно, можно только приветствовать. Но это необходимо соотносить со своими возможностями, верно? Да, нам нужны квалифицированные люди, крепкие специалисты. Прежде всего те, кто имеет строительные профессии. Работы очень много, как в самом Надыме, так и в районе, на газопромыслах и на трассах. У нас развивается мощная стройиндустрия. В 11-й пятилетке мы должны построить около 50 тысяч квадратных метров жилья, новый Дворец культуры, спортивный комплекс с плавательным бассейном. А для этого нужны хорошие строители — бетонщики, монтажники штукатурки, маляры. Тресты Севергазстрой, Надымгазжилстрой хоть сегодня могут их принять на работу.

Не только мужчин, но и девушек — профессиональных отделочниц. Дело найдется всем. Но есть одно важное условие: нам нужны инициативные, добросовестные люди, ибо Север не терпит несерьезного к себе отношения.

Прав Игорь Александрович! А в некоторых письмах читаешь: «Посоветуйте. Не поехать ли на Север? Говорят, там легче устроить личную жизнь...»

«Мечтаю о Заполярье. Скучно жить в родном городе, все приелось, хочется чего-нибудь такого...» или «Ради настоящей работы можно и учебу бросить...»

Ну разве это серьезно?!

В связи с этим мне хочется рассказать еще о двух встречах в Надыме, о судьбах, которые, наверное, можно назвать счастливыми.

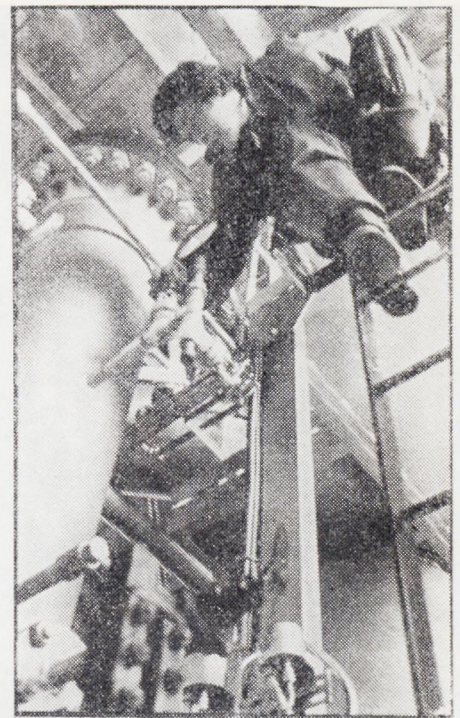
Выпускники Уфимского нефтяного института Олег и Надежда Ермиловы не хотели ехать в Надым по распределению. Их мечтой была Камчатка, геологопоисковая экспедиция, снежные сопки над бухтой Авача, дощатый домик окнами на Великий океан.

— Значит, не сбылось? — спросил я у Олега.

— И без нас на Камчатке нашли нефть, — улыбнулся глава семейства.

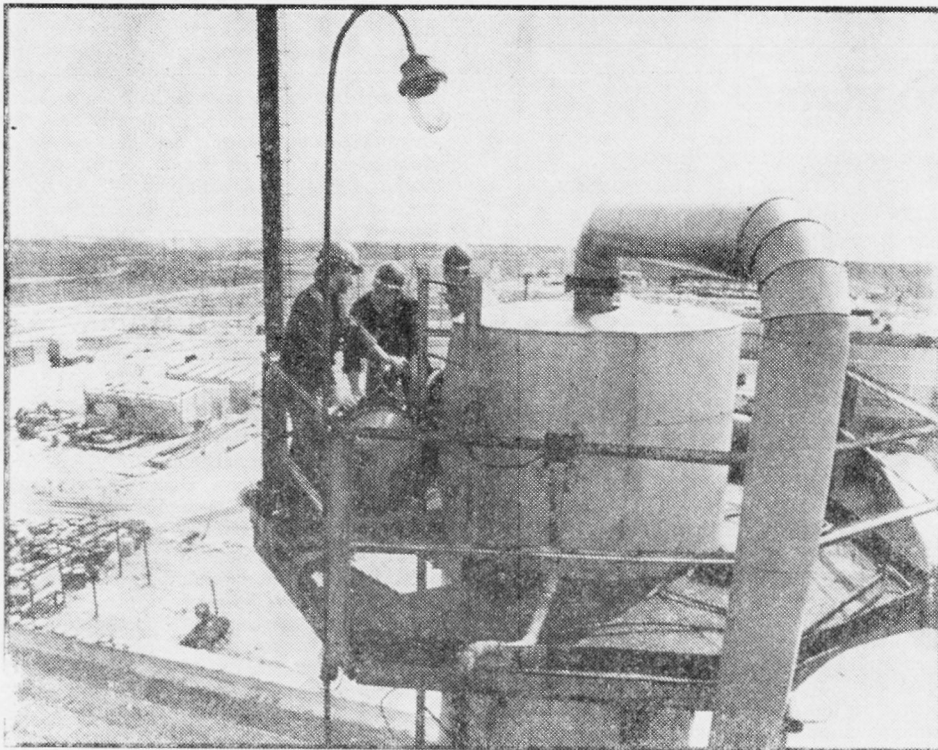
— Мы девять лет в Надыме, — продолжила разговор Надя, — Ксюшка у нас здесь появилась. Квартуру получили, обжились...

Заведующий сектором Северной комплексной научно-исследовательской экспедиции. Кандидат технических наук. Лауреат премии Ленинского комсомола. Председатель совета молодых ученых и специалистов при Надымском ГК ВЛКСМ. Олег Ермилов один из тех, кого по праву можно назвать первопроходцем на Тюменском Севере.

Совет сыграл немалую роль в том, что большинство выпускников, отработав положенные по распределению три года, не уехали искать местечко потеплее да поспокойнее, а остались здесь, в Надыме.

— Растут ребята, — говорит Олег Ермилов. — Это не просто везение. Всегда берет только в беспроигрышной лотерее. На Севере другое. Есть в геологии термин «прочность — 10». Им определяется крепость породы. Так вот, на Севере приживаются люди только стопроцентной надежности. Поэтому им доверяют Север, поэтому Север доверяет им.

...Идея поехать на ударную комсомольскую стройку, начать все с нулевой отметки пришла Вячеславу Глотову еще в армии.

В родном Отрадном ждала уволенного в запас сержанта Глотова невеста Тоня. И вот после свадьбы молодая чета полетела справлять медовый месяц... к 67-й параллели.

В Надыме дали им комнату в вагончике. Славе доверили «Ураган», на котором он стал возить трубы на строящуюся трассу газопровода. В пургу, в распутицу, в страшные морозы... 100—200 километров в один конец. А в плетевозе три 36-метровые «трубочки» весом в 48 тонн.

С коллективом Глотову повезло — он попал в комсомольско-молодежную бригаду имени Н. Островского. Парни в бригаде были что надо! Мастера. Асы. Бригадир Боря Рыбалко, комсорг Витя Шошин, Саня Михайлов, Василь Яковченко... Но крепче всех Слава сдружился со своим напарником Саней Старковым. В какие они только переплеты не попадали вдвоем за эти годы, но ничего, выдюжили, не подкачали.

Сколько раз приходилось ночевать в голой тундре, когда мороз за пятьдесят! Однако трубы на трассу доставляли вовремя, без задержки. А однажды было такое. Лопнул шланг, машина стала на скользкой обочине — грязь со льдом. Снег валит, света божьего не видать. Слава вылез из машины, побегал вокруг, чтобы разогреться. Надо ждать встречную. А время идет...

Глотов еще не знал, что в этот день до трассы не дошло пять машин, три из них «легли» на бок. Вот тебе Север во всей «красе!» Товарищи выручили. На газопровод Глотов привез грубы на следующее утро, а вернулся домой к ночи. Только собрался было на боковую — на рассвете снова в рейс, — как к нему прибежал

На фото вверху: старший оператор Сергей Александров, выпускник МИИХГа, Александр Мокшаев; внизу: делегат XIX съезда ВЛКСМ Вячеслав Гловот.

комсорг бригады Витя Шошин, вытащил из постели, стал с чем-то поздравлять.

— Витек, ты что, ошалел? Что случилось? — недоумевая, спросил Слава.

— Дружище, тебя делегатом на комсомольский съезд избрали! Дай я тебя, чертяку, поцелую!

Я спрашиваю Славу о планах на будущее.

— Хочу всерьез заняться учебой. Это необходимость. Работа на новой технике требует много знаний. Надумал вот поступать на заочное отделение автодорожного института...

Вот такие люди живут и трудятся в Надыме. Пожалуй, их судьбы могут быть хорошим ответом на письма тех, для кого Заполярный Север — нелегкий труд и заветная мечта.

Александр Невский

Поэзия

Александр Потапенко

*

Снова в окнах синева и синева,
Сын лепечет свои первые слова,
Стынут окна, вьются вьюги

за стеклом.

Даже месяца не видно за селом.
В полных ведрах чуть позванивает

лед.

Молодая мать к своей избе идет...
Опускает она ведра у крыльца,
А глаза у сына, точно у отца.
Ночь идет, и злитесь вьюга за стеной,
Мать не спит, своею мается виной.
А вина ее, горячая вина...
Что она в чужого мужа влюблена,
У колодца беспощаден бабий суд,
Бабы в дом свои ведепочки несут,
Потому ей и остались вечера
И позванивают льдинки свех ведра.
Виновата в двадцать лет со всех

сторон.

А красавец ненадолго был влюблен.

...Снова в окнах синева и синева.

Плачет женщина — вдова

и не вдова.

Николай Шамсутдинов

Вечные огни

Утренний крутой солнцеворот,
Мирные рассветы над страной...
Почему же молодость поет
Песни, опаленные войною?
А над всей Россией —

взгляни! —

На закате и рассветной ранью
Воздымают Вечные огни
Трепетное, горькое мерцанье.

Серебрится ранняя роса,
Веет ветром, ивой молодою.

Почему заплаканы глаза

Матери

Раскидистой весной?

Под платочек спрятав седину,

Мать в глубоких

и святых морщинах

Руки тянет

к Вечному огню,

Как к лицу единственного сына.

Мы печальной памяти верны

И во имя непришедших, павших,

Зажигаем Вечные огни,

Варим сталь

и засеваем пашни.

В прошлое, открытое седым,

Не скрывая слез, глядим упорно,

Запрокинув голову,

Глядим,

Песней

Перехватывая горло.

От фантазии до проекта

На XIX съезде ВЛКСМ подчеркивалось, что необходимо сделать студенческое научное творчество таким же массовым и эффективным, как движение строительных отрядов. Следует шире создавать студенческие научные центры, конструкторские бюро и отряды, учить студентов творить, изобретать.

Однажды Костя Уткин, учащийся ПТУ, прочитал в журнале «Рационализатор и изобретатель» о проблемах картофелеуборки. Сложные схемы комбайнов, различных приспособлений, представшие со страниц журнала, несколько обескуражили парня. Чем внимательнее он всматривался в них, тем яснее становилась мысль: «Зачем все это — сначала бросать картошку в землю, а затем вылавливать ее оттуда различными хитроумными способами? Да еще и не каждую найдешь... А что, если сажать картошку в специальных сетках, а потом, когда она вырастет, останется только поднять из земли эти сетки с плодами...» Попробовал Костя на грядке — получилось. А вскоре инициативные тульские инженеры, взяв за основу его идею, создали принципиально новые машины.

И вот уже в совхозе «Пришненский» под Тулой начался эксперимент: в проложенную борозду машина уложила капроновую сеть, засыпала в нее семенные клубни и завалила землей. А осенью сеть подняли, и без больших затрат и потерь картошка очутилась в овощехранилище...

Результаты эксперимента изучают хозяйственники и ученые из НИИ картофельного хозяйства и ВАСХНИЛ, делают выводы, продумывают пути массового применения перспективного метода.

А Костя Уткин? Он уже сегодня студент 2-го курса Ленинградского ветеринарного института. И разрабатывает очередную новинку, принципиально отличную от существующих образцов.

— Талант! — скажете вы. — А вот может ли каждый научиться изобретать, находить принципиально новые решения, думая над самыми актуальными хозяйственными и научно-техническими задачами?

Может, смею уверить вас. И вот доказательство. Учителем у Кости Уткина был слесарь-изобретатель ленинградского объединения «Светлана» Александр Михайлович Иванов. Он ставил перед Костей изобретательские задачи, сначала простые, затем все сложнее, но непременно ориентированные на поиск, на достижение результата. Учил методам решения, развивал мальчишескую фантазию. А фантазии, сами знаете, у большинства ребят впрок.

Как-то раз в ленинградской школе № 189 в 5-м классе на уроке труда детям предложили изобретательские задачки. Вот где был фонтан идей! И большинство дельных. Из них некоторые впоследствии оформили как заявки на изобретения. Участник этого неожиданного урока А. М. Иванов убежден: «Если у ребят будет опытный изобретатель-наставник, то они

завалят нас ценнейшими предложениями». И в этих словах личный опыт Иванова: он более 10 лет руководит лабораторией технического творчества в профтехучилище.

Думая о К. Уткине, невольно задаешься вопросом: а почему же у нас так мало изобретателей среди студенчества — всего около 2,4 тысячи авторских свидетельств получено студентами или в соавторстве с ними в 1981 году. А ведь по данным статистики более 2,6 миллиона воспитанников вузов занимаются научно-исследовательской работой. Не потому ли это происходит, что на вузовских кафедрах порой боятся широко привлекать студентов к серьезной работе по хозяйственным и бюджетным темам, выполняемым коллективами ученых. Понятно, работать с ними труднее, чем со штатными специалистами. Но где, как не рядом с преподавателем, ученым, студент познает радость первого удачного эксперимента, интересного научного решения. Но лишь в том случае, если станет равноправным соисполнителем, а не мальчиком на побегушках.

Но это лишь одна сторона проблемы. Бажно, кто задает тон, владеют ли сами руководители искусством изобретать.

В Уфимском авиационном институте почти каждая дипломная работа и диссертация содержат изобретения. Сколько создано интересных приборов, самолетов... Может быть, в этот вуз отбираются только склонные к творчеству молодые люди? Нет. Обычные абитуриенты, обычные экзамены, даже без модных ныне тестов на сообразительность. Разгадка проста — широкое вовлечение студентов и препода-

вателей в творческий поиск на серьезной основе. В институте постоянные конкурсы на лучшие новаторские работы, действуют СКБ, общественные патентные бюро и, что весьма важно, читается курс по изобретательству. Студент осваивает методику этого процесса. Одна из них, сегодня уже широко распространенная, — АРИЗ — алгоритм решения изобретательских задач. Тех задач, когда необходимым условием их решения становится преодоление технического противоречия. Без диалектики и здесь никуда. АРИЗ рекомендует четко выявить противоречие в любой технической проблеме, которое студент должен умело разрешить...

Известный советский изобретатель Ю. Чинов имел девять авторских свидетельств, но после освоения АРИЗ получил еще тридцать. Выявление и анализ технических противоречий — один из главных методов его работы.

А вот достижения выпускников школы изобретательского творчества Волгоградского дома техники, еще недавних студентов. Алексей Ушаков, сотрудник инженерно-строительного института, имеет 25 изобретений; Александр Магид, аспирант политехнического, — около 30, кандидат технических наук Яков Флейтман — почти 100. Сейчас они учат интереснейшему искусству — изобретать — студентов. Научившись ему, те наверняка станут творческими специалистами, которые так нужны современному производству. Да и авторитет свой инженерный значительно упрочат.

Уверен, что в каждом инженерном вузе необходима школа изобретательства, которую возглавляли бы такие люди, как А. М. Иванов, сумевший высечь искру творчества у Константина Уткина и десятков других молодых людей. А действующие в вузах студенческие научные объединения и создаваемые на их основе в летний период творческие отряды для внедрения научных разработок являются прекрасной возможностью практического применения изобретательского искусства для решения актуальных задач народного хозяйства.

Дмитрий Марков

Поиск ведут отряды

Набирает силу движение «Сами проектируем — сами строим». Мы уже сообщали, что Центральный штаб ВСО и «Студенческий меридиан» проводят конкурсы студенческих творческих отрядов на лучший проект и внедрение разработок, направленных на решение актуальных проблем научно-технического прогресса («СМ», 1982, № 9).

В 1982 году было сформировано около 400 творческих коллективов, в которых начали работать более 8200 учащихся и 900 преподавателей и научных сотрудников. Они помогают организациям и предприятиям внедрять новые разработки, результаты научных исследований, полученные в вузе. Особенно эффективно действуют студенческие объединения, созданные в МВТУ, МИФИ, Новосибирском и Ленинградском институтах инженеров железнодорожного транспорта, Горь-

ковском политехническом и других вузах.

В Приморском сельскохозяйственном вузе создано 12 научно-производственных отрядов, занимающихся совершенствованием технологии и комплексной механизацией работ по выращиванию сои и картофеля. 50 тысяч гектаров, или третья часть, соевого поля уже возделываются по «студенческой» технологии. В Башкирском СХИ на базе лаборатории по производству промышленных образцов ветеринарных приборов работает учебно-научно-производственный отряд «Айболит». За два года он обследовал более 150 тысяч животных, что дало значительный экономический эффект.

Инициативно работают студенты МАДИ. Здесь ректорат и комитет комсомола утвердили положение о конструкторских отрядах. Основной прин-

дип их деятельности — круглогодичность. В течение учебного года члены отрядов работают на кафедрах, в лабораториях, СКБ, разрабатывают проекты будущих сооружений, технологию их строительства. А в летние каникулы около 300 юношей и девушек ведут работы по своим проектам. На счету СКО института более 1 миллиона рублей капиталовложений, овоенных за последние пять лет.

Творческие группы формируются прежде всего на базе СКБ, СНИИ и других научных объединений, которые и являются основой для деятельности отрядов. Многие студенческие разработки, выполненные в СКБ, оригинальны, перспективны, представляют интерес для народного хозяйства. Сегодня мы познакомимся с разработками, выполненными в МИФИ.

Диалог с компьютером

К сожалению, ЭВМ еще остаются «немыми». Это сильно усложняет работу с ними. Поэтому и появился дисплей — как бы гибридный пишущей машинки с телевизором, на экране которого возникает все то, что «собеседники» — человек и компьютер — хотя «сообщить» друг другу. Причем в любой форме — цифрами, буквами, графиками, картинками. Дисплей по сравнению с прочими устройствами ввода-вывода (перфокартами, телегайдами, электрическими пишущими машинками) «информативнее» и более быстродействующ, кроме того, бесшумен.

С помощью дисплея конструктор, например, «световым пером» может нарисовать на экране фигуру, а ЭВМ «повернет» ее вокруг заданной оси или сделает нужное сечение тела; директор или диспетчер увидят на экране графики выполнения плана — идеальный и действительный — и примут необходимые меры для ликвидации отставания...

Многие организации в стране разрабатывают подобные устройства. Но каждая лишь для своих целей, собственной конструкции. В СКИБ-2 МИФИ решили приспособить для «общения» с ЭВМ стандартные телевизоры (в том числе и цветные). И это блестяще удалось. Студенты создали сравнительно небольшие и дешевые приставки с клавиатурой, которые обычный — без всяких переделок — телевизор превращают в дисплей.

— Компьютер может рассчитать и «выдать» на экран стереопары — два изображения одного предмета различных цветов. Если на них смотреть через очки с определенными цветными стеклами, возникает стереоэффект — фигура как бы становится объемной, «вылезает» из плоскости экрана, — говорит Александр Кормаков, инженер СКИБ-2, начавший работать здесь со второго курса института. — Представьте, как удобно такое конструктору, который увидит «в натуре» только что вычерченное им!

Созданные в МИФИ приставки имеют «память». Это позволяет использовать для связи с ЭВМ любые линии передач, в том числе и стандартные телефонные каналы.

— Это очень важное преимущество, — поясняет научный руководитель, доктор технических наук, лауреат Государственной премии профес-

сор А. Вайрадян. — Представьте, что где-то имеется компьютер с большой памятью — «банк данных». Имея наши приставки, любой телезритель сможет по телефону, передав «пароль», подключиться к этому компьютеру и затребовать у него (или, наоборот, ввести в его память) необходимые данные. Представьте, любые сведения на экране домашнего телевизора. Информация о работе магазинов, наличии каких-то товаров в продаже, движении поездов или самолетов, выкройки модных платьев, карты погоды — все здесь, перед вами.

...А как же диалог с компьютером, обещанный в заголовке? Я был его очевидцем. Во время лабораторной работы по металловедению студенты читали на экране дисплея инструкции, сообщали ЭВМ полученные результаты, машина обрабатывала их, строила на экране графики распределений, контролировала ход работы, задавала вопросы для проверки, советовала, что делать дальше. Все это освобождает студентов от трудоемкой скучной обработки результатов, построения графиков (их ЭВМ печатает на машинке). При этом они не механически фиксируют результаты измерений, а сразу же видят закономерности, постигают физический смысл явлений. Дисплей помогает им ДУМАТЬ.

ЭВМ для всех

Многие специалисты используют в своей работе карманные микрокалькуляторы — они, размером с записную книжку, всегда под рукой, удобны в эксплуатации, производят с их помощью различные вычисления значительно проще и быстрее. Некоторые калькуляторы «умеют» делать и достаточно сложные расчеты, решать простые уравнения. Но как быть, если «способностей» такой машинки не хватает для решения задачи? Казалось бы, выход простой — сколько существует больших универсальных компьютеров с фантастической скоростью и точностью вычислений! Однако большинство инженеров, скажем, к таким ЭВМ за помощью не обращается, предпочитая, как ни странно, «ручной» труд автоматизированному. Почему?! Дело в том, что общение с такими компьютерами напрямую пока затруднено — требуется знание машинного языка, умение программировать. Однако «переводчиков» с человеческого языка на машинный повсюду не хватает, их производственные планы определены на годы вперед. И никто оперативно не поможет инженеру составить программу решения задачи, возникшей перед ним сегодня.

Поможет ему комплекс АВК-4, созданный в МИФИ Владимиром Гаврилинным, Сергеем Гаврилюком, Владимиром Федоровым, Александром Денисовым и другими студентами. Работать на нем способен инженер любого профиля — для этого не нужно знать внутреннее устройство установки.

По своим возможностям АВК-4 не уступает распространенной аналоговой машине МН-7 (на которой, кстати сказать, приходится учиться вычислять довольно долго), но потребляет в 100 раз (!) меньше энергии, в пять раз дешевле и в 20 раз легче. И главное — АВК-4, имеющая размеры с небольшой чемоданчик, умещается на поло-

вине обычного письменного стола. Поистине настольная ЭВМ для всех! И совершенно заслуженно эта разработка получила золотую медаль ВДНХ, а сейчас выдвинута на соискание премии Ленинского комсомола.

Дышите спокойно!

Всем нам при медицинских обследованиях приходилось дуть в трубочку спирометра — устройства для измерения объема легких. Дуете, а цилиндр прибора поднимается, показывая количество выдыхаемого воздуха. Спирометр прост, дешев и имеется в каждой поликлинике или здравпункте.

Человеческие легкие — сложная механическая система, не менее сложная и важная, чем сердце. Но если о сердце пациента лечащий врач способен узнать многое хотя бы с помощью электрокардиографа, который есть почти везде, то легкие для него остаются пока «белым пятном». Послушать с помощью стетоскопа, нет ли хрипов, измерить объем — вот и все, что он может. Однако далеко не каждое заболевание удается распознать такими методами.

И вот почти десять лет назад за создание прибора для измерения параметров дыхания по заданию Института хирургии имени А. В. Вишневского АМН СССР взялись в СКИБ МИФИ (научный руководитель доктор технических наук, профессор Т. М. Агаханян). За прошедшие годы студентами под руководством инженера Николая Меликова было разработано несколько моделей электронного измерителя — первых отечественных приборов для таких целей. Они имеют небольшие размеры (чуть больше «дипломата»), достаточно дешевы. Однако позволяют узнавать до 7 параметров, которые необходимо знать для профилактики и лечения заболеваний легких. Прибор нетрудно принести прямо к постели больного, он нужен для контроля дыхания при проведении наркоза во время операций, при подключении пациента к аппарату искусственного дыхания, при массовых обследованиях населения. Ждут его и в спортивной и космической медицине, в частности, для определения предельных нагрузок на человеческий организм, в фабричных и заводских медпунктах.

Пользоваться устройством удобно и просто — пациент дышит в специальный датчик, а измеренные параметры высвечиваются цифрами на табло. Прибор просто связать с компьютером, который сразу же будет обрабатывать, сравнивать результаты этого и предыдущих обследований с эталонными, рекомендовать врачу способ лечения.

Прибор создан группой, в которой за все время работало около 20 студентов. Для Сергея Портнова, Дмитрия Николаева, Александра Грабовского, Виктора Бирюлина, Александра Пуяткина, Евгения Капли, Михаила Краснова и других отдельные узлы измерителя стали темами курсовых и дипломных проектов. Многие из них получили дипломы ВДНХ, а Евгений Зайцев — бронзовую медаль.

С. Минделевич

Модели одежды художника Л. Журовой. Оформление А. Басса и С. Панина

Практикум вкуса

И художник и швея...

Подруги ловили ее на переменках, передавали записки на уроках, не давали проходу на улице. Всегда обращались с одной просьбой: «Люд, нарисуй фасончик». Дома Люда Журова чаще самозабвенно и скрупулезно копировала из учебников и альбомов, с открыток хитоны, придававшие облику человека оттенок величавой простоты, искусно драпированные туники и средневековые костюмы, которые обилие ткани, лент, кружев превращало в непрерывную игру цветовых пятен, света и тени.

Отец научил дочь правильно держать карандаш и кисть, растирать краски, грунтовать холсты. Люда часами пропадала с этюдниками в парках и скверах Кишинева.

И все-таки в Московский текстильный институт не прошла по конкурсу — подвел экзамен по композиции. Вернулась в Кишинев и устроилась художником-оформителем в строительной организации. Часто бывала на занятиях в художественном училище. Преподаватели настолько привыкли видеть на своих лекциях коренастую веснушчатую девчонку, что нередко обращались к ней как к полнопровальной студентке.

Только через год она поступила в Львовский государственный институт прикладного и декоративного искусства. В 1978 году успешно закончила факультет моделирования одежды и получила распределение в Кишиневский Дом моделей.

Более 1000 новых моделей детской,

женской и мужской одежды различного ассортимента — таков ежегодный результат работы этого творческого коллектива. Дом моделей дважды демонстрировал свою коллекцию на Международной ярмарке в Пловдиве, его приглашали для участия в выставках в Лейпциге, Брно, Загребе, Дамаске, Мехико. На всесоюзных и зарубежных выставках модели Л. Журовой получали самые высокие оценки. «У нее есть особое чутье улавливать и предвидеть направления развития моды», — говорит главный инженер Дома моделей В. В. Дорошенко.

С Людой Журовой мы встретились после работы теплым майским вечером. Кишиневские улицы были многолюдны и оживленны. На клумбах пламенели тюльпаны.

— Порой сталкиваешься на первый взгляд с труднообъяснимыми явлениями, — рассказывает Люда. — Форма, скажем, пуговиц или застежек может превратить безнадежно устарелое изделие в модное. Так, погоны на рубашке неузнаваемо преобразуют ее, и она вдруг переходит в разряд остродефицитных товаров. Когда я приступила к работе художника-модельера, нужды в идеях не испытывала. Воплотить их на бумаге — тоже вроде труда не составляло. Но, когда дело доходило до массового производства, хогь караул кричи. Прорезной карман на костюме? Нет и нет, говорят технологи фабрики, только накладной.

Рассказывают, что один французский модельер, ознакомившись с работами советских коллег, восторженно воскликнул: «Из ваших двух идей я бы целую коллекцию создал!» Идея — славный котенок, которым все восторгаются. Но вот дело доходит до производства, и котенок неожиданно превращается в кот, который шипит и выпускает когти. Модельеры не узнают свое детище. Технологи понимающе разводят руками. Работникам торговли приходится принимать заведомо неходовой товар. Коты дрессировке не подлежат. А в лексиконе покупателя по-прежнему продолжают мелькать такие слова, как «достать», «выхлопотать», «изпод полы», «переплатить». Грешат в основном на работников легкой промышленности, ругают торговлю. Критика, как правило, попадает в цель. А художник, посоветовав на судьбу, принимается лепить нового котеночка, который... Стоп. В этой ситуации может быть и несколько иной поворот.

Художники-модельеры Кишиневского Дома моделей закреплены за определенными швейными предприятиями. Люда Журова поддерживает тесный контакт с Дубоссарской швейной фабрикой.

— Помню, как «пробивали» мы трикотажный воротник-стойку на болоньевой куртке, — вспоминает Люда. — Технологи стеной против. Отмахиваются от нашей «назойливости», мол, такие воротники никогда не разрабатывали. Мы у себя в модельно-конструкторском цехе разработали технологию и через некоторое время представили ее фабрике. Так я на собственном опыте усвоила: художнику-модельеру знать технологию про-

изводства, азы конструирования модели так же необходимо, как знать законы композиции. Кстати, в институте швейному производству уделяли мало внимания.

Дело художника — выдать модную модель, дело швейника — как можно быстрее запустить ее в массовое производство. Это крайняя позиция. Еще бы! Твори, выдумывай — и ее конечный результат часто не в пользу многочисленных посетителей магазинов готовой одежды.

Изучая спрос на свою продукцию, художники-модельеры раз в месяц дежурят в кишиневских магазинах готовой одежды «Ляна», «Марица». Реакция покупателей бывает самой неожиданной. Цех выпустил десять комплектов комбинезонов из блестящей плащевой ткани. Посетители магазина восторгались модными комбинезонами, но покупать не торопились. В чем дело? Оказалось, слишком высокая цена. Художникам и швейникам стало ясно, как нужно работать над усовершенствованием модели. Два раза в неделю в Доме моделей проводится демонстрация мод, здесь же желающие могут получить квалифицированную консультацию у модельеров, приобрести выкройки модных изделий, посоветоваться, как обновить старую одежду. Она приобретает современный вид, если применить различные надставки, отделочные полосы, бейки или заменить воротник. Модное вчера с помощью модельеров останется модным и сегодня. В салонах и приемных пунктах Кишиневской трикотажной фабрики принимаются заказы на обновление одежды.

— Люда, — спросил я у девушки, — где вы черпаете темы для создания своих моделей?

— Много езжу по Советскому Союзу. Рисую в музеях народного искусства. Русские сарафаны, украинские вышитые сорочки, узбекские халаты-чапаны, черкески горцев — какая функциональная простота и вместе с тем изящные формы, какие неожиданные, смелые решения орнаментальной отделки. А молдавская катринца — платье с верхней юбкой, состоящей из двух половинок! У меня и моих коллег немало моделей, где использованы элементы катринцы...

Опустели коридоры и залы Дома моделей. Затихают кишиневские улицы и скверы. Люда Журова приходит домой и раскладывает на столе прямоугольные фанерные заготовки. На их черной лакированной поверхности она начинает выкладывать из стружки, спичек, пробок портреты сказочных персонажей. Разные выражения лиц у ее героев. Грустное, задумчивое — у добрых фей-уритоарел, которые в полночь определяют судьбу людей, беззаботное — у волшебниц-иел, управляющих ветрами... Разглядывая портреты, она мысленно наряжает своих героев. Одних в белые длинные платья, других в легкие летящие одежды, третьих в растрепанные пятнистые халаты...

Владимир Нордов

Резонанс

«Успевают ли студенты думать на лекции?»

В № 11 за 1981 год было опубликовано письмо студента ЛИТМО С. Абдраурова, в котором затрагивались некоторые проблемы учебного процесса в вузе. В конце читателям предлагалось ответить на несколько вопросов анкеты. Для многих наших корреспондентов рамки анкеты оказались тесны — они прислали развернутые ответы, высказали свои мнения, которые далеко не всегда и не во всем совпадают. Предлагаем вам познакомиться с некоторыми из них.

«...Если не думать на лекции, можно считать это время потерянным.

Во время лекции я стараюсь максимально полно уловить смысл того, что говорится преподавателем. Это далеко не означает, что я стараюсь лихорадочно записать каждое слово, произнесенное преподавателем, — просто формулирую своими словами то, что слышу, вижу на иллюстрациях, одновременно стараюсь систематизировать материал, делаю некоторые пометки на полях. После такой проработки материала во время лекций нет необходимости тратить дополнительное время при подготовке к практическим занятиям и тем более к экзаменам. В голове остается схема, алгоритм темы, скелет — а этот фундамент позволяет логическим путем дойти даже до того, что не успел прочитать в учебниках. Это, конечно, возможно только при свободном владении предметом и методом изучаемой науки, нахрапом здесь не взять.

С этих же позиций представляется бессмысленным разномножение конспектов лекций среди студентов в целях сокращения учебных часов, отведенных на те или иные курсы. Во-первых, теряется ничем не заменяемое живое общение лектора с аудиторией. Во-вторых, в лекциях обычно излагаются новейшие достижения науки, не успевшие войти в учебники, — значит, издание готовых конспектов еще больше отдалит от студента эти сведения. В-третьих, несомненно отличие самостоятельно написанного конспекта от того, который подготовлен кем-то другим, тем более преподавателем. И последнее: написание конспекта лекции — это форма учебной работы, а значит, форма интеллектуального труда, а всякий интеллектуальный труд должен быть строго индивидуальным и самостоятельным. Так что лекции надо слушать, надо конспектировать. Это тоже своего рода искусство, которое приходит не сразу, дается не одним днем упорного труда. Только тот, у кого есть своя оптимальная система работы на лекции, в библиотеке, в лаборатории, станет настоящим специалистом. Надо воспитывать себя!

Студент Омского медицинского института П. Мальков».

«...Я тоже буквально после первого семестра задумался: «А правильно ли учусь? Так ли работаю на лекции?» В течение пяти прошедших лет приходилось сталкиваться с различными

преподавателями и соответственно с различными стилями чтения лекций.

Первый: лектор излагает материал с такой быстротой, что записать все сказанное просто невозможно, поскольку одновременно приходится воспринимать смысл сказанного, выбирать главное, делать записи основных мыслей. При этом часто получается так: еще не успел уловить рациональное зерно предыдущей мысли, а лектор уже ушел вперед и говорит о новом. Это вызывает нервозность, из-за чего многие студенты «сдаются» и предпочитают вообще не записывать, надеясь при подготовке воспользоваться либо чужими конспектами, либо учебниками, если таковые имеются.

Второй — это когда лектор задиктовывает материал. В этом случае конспекты получаются превосходного качества, но... изучение материала приходится на время вне лекций. Я сам часто ловил себя на том, что при конспектировании подобных лекций мозг как бы «сходит с рельсов», прокладываемых преподавателем, и забирется в «облака», в то время как рука машинально записывает слово в слово всю лекцию. Требуется постоянное напряжение воли для того, чтобы таких «крушений» было минимальное количество. То есть, как и в первом случае, студент находится в напряжении, только теперь уже не потому, что надо успеть записать, а чтобы понять и осмыслить сказанное...

Как же быть?

Ответ, на мой взгляд, напрашивается следующий: устранить время, затрачиваемое на механическое записывание лекции, обеспечив студента печатными конспектами. При этом конспект должен переходить в вечное пользование студента. На каждой странице нужно отвести место для пометок, которые вносятся по ходу лекции. Они необходимы потому, что во многих областях науки и техники происходят постоянные добавления и изменения. То есть это должен быть рабочий конспект, а не учебное пособие. В письме С. Абдраурова предполагается, что использование таких конспектов приведет к значительной экономии времени и сделает возможным проводить лишь вводные и консультационные лекции. Здесь я с ним не совсем согласен. По моему мнению, нельзя свести весь лекционный материал к нескольким вводным лекциям. Восприятие лекции играет столь же важную роль, как и сам конспект, и ничто не сможет заменить непосредственный контакт с лектором. По своему опыту знаю, что только хорошо усвоенный материал во время лекции в дальнейшем, при подготовке к экзамену, значительно сокращает затраты времени и сил. Именно внимательная и продуктивная работа на лекции позволила мне на протяжении многих семестров получать повышенную стипендию.

Студент Минского радиотехнического института Игорь Горюжанов».

Журнал открывает новую рубрику «Молодой хозяйке». Советы, которые мы здесь будем давать, помогут юным читательницам в приготовлении вкусных блюд из недорогих и доступных продуктов. Все мы знаем, что у хорошей хозяйки ничего не пропадает даром, все идет в ход. И этому надо учиться. Такое умение послужит не только вашей семье, но и всему государству, так как это уже будет бережливое отношение к продуктам питания и полное их применение в домашнем хозяйстве. Все ведь начинается с малого.

У меня тоже не все сразу получалось, и порой я выбрасывала недошедшие продукты, а оказывается, с помощью духовки они приобретают новые качества и их в полной мере можно использовать. Это и экономно и вкусно.

К сожалению, нередко мы готовим одни и те же уже недошедшие блюда, ленимся научиться чему-нибудь новому, объясняя тем, что не умеем, мол, много времени понадобится. Но как показывает опыт — это все отговорки, есть различные способы быстро и оригинального приготовления пищи. Было бы только желание этим заняться. Всем ведь приятно, когда на столе появляется что-то новое. Так давайте вместе учиться.

Причем я буду рекомендовать вам только то, что сама уже делала. Так как, наверное, вы тоже сталкивались с тем, что, взяв рецепт из какой-нибудь кулинарной книги и точно де-

лая все, как там написано, тем не менее ничего не получалось. Часто в книгах содержится только указания, в каких количествах и какие компоненты взять. Но как сделать, в какой последовательности, в каком порядке совершить каждую операцию и, главное, чего избежать, об этом книга не говорит. Ее может правильно прочесть человек подготовленный и умеющий определить, что опущено и как восполнить эти пробелы. Ясно, что технология приготовления не менее важна, чем сам рецепт. Мои комментарии к рецептам помогут вам избежать этих трудностей, получить желаемый ре-

зультат и сохранить при этом затраченные усилия и продукты. Даже если сразу не все получится удачно и так, как бы хотелось, не унывайте, ведь вы приобретаете опыт и в следующий раз учтете свои ошибки.

Вместе с тем хочу сказать и о том, что не следует замыкаться и действовать только точно по предлагаемому рецепту. Надо развивать чутье, вкус и воображение, только в этом случае получится что-то действительно своеобразное, присущее только вашей кухне. При добавках надо исходить из того, что может сочетаться с данными продуктами, что улучшит их вкус, придаст им пикантность. Больше фантазируйте, и вы испытаете огромное удовольствие. Увидите, ваши усилия не пропадут даром, их смогут по достоинству оценить близкие и друзья.

Помните: пища должна быть не только питательной и витаминной, но и разнообразной, при этом обязательно учитывайте состояние своего здоровья — не все и не всем можно есть.

Для начала хочу посоветовать вам рецепты тортов и пирогов к новогоднему столу. Быть может, лимонный торт покажется вам сложным в исполнении, но, думаю, стоит потрудиться и не пожалеть времени. Зато клюквенный пирог не потребует много возни, делается он просто. Могу сказать совершенно уверенно — моим коллегам и тот и другой очень понравились. Ели, хвалили и спрашивали рецепт. Приятно, не правда ли?

Лимонный торт

Тесто: 150 г пшеничной муки и 50 г блинной муки, щепотка соли, 100 г маргарина или масла, 1—2 ст. ложки воды.

Начинка: 4 яйца, сок 3 лимонов средних размеров, цедра 1—2 лимонов, 200 г сахара, 2 ст. ложки картофельной муки, 3 ст. ложки сахарной пудры.

Кухонные принадлежности: для теста — эмалированная миска или кастрюля, деревянная ложка, скалка, для выпечки можно использовать обычную сковороду или форму со съемным дном; для начинки — эмалированная кастрюля и эмалированная миска небольшого размера, но глубокое; пластмассовая соковыжималка для лимонов, мелкая терка, взбивалка любая, ступка для сахарной пудры или просто эмалированная кружка и деревянная толкушка.

Тесто. В предварительно размягченный маргарин добавляете соль, воду и размешиваете в миске деревянной ложкой. В эту массу всыпаете муку и быстро перемешиваете тесто рукой. Выставляете в холодное место на один час. (В это время можно приступить к приготовлению начинки.) Полученное песочное тесто раскатываете в тонкий пласт и выкладываете им форму или сковороду, приподняв края теста на три сантиметра. Выпекаете в предварительно разогретой духовке 20—25 минут до тех пор, пока лепешка не станет светло-коричневой. Вынимаете и даете немного остыть.

Начинка. Перед приготовлением начинки надо подготовить все необходимые компоненты. Разделить желтки и белки, отжать сок из лимонов, натереть цедру лимона, сделать сахарную пудру можно из 3 столовых ложек сахара, растерев его толкушкой или в кофемолке.

Затем желтки и сахар взбиваете на «паровой бане», добавляете сок лимонов, цедру, а также крахмал и продолжаете сильно взбивать до образования довольно густого крема.

«Паровую баню» можно сделать следующим образом: налить в кастрюлю воду и нагреть до 70—80° С, в нагретую воду поставить меньшего размера кастрюлю с желтками, так чтобы ручки легли на края нижней кастрюли. Во время подогрева непрерывно взбиваете массу.

Теперь нужно прервать дальнейшее приготовление начинки и заняться тестом, то есть раскатать, выложить его в форму и по-

ставить в духовку. За это время крем остывает.

После этого приступайте к приготовлению белков. Белки взбиваете, а затем после образования пены постепенно добавляете три столовые ложки сахарной пудры. Объем белков увеличивается примерно в два-три раза. Масса должна стать воздушной.

В готовую выпеченную форму, не вынимая ее из железной формы, выкладываете крем, а сверху можно или просто намазать белковую массу, или, используя кондитерский мешок, украсить, как вам подскажет воображение, поверхность лимонного торта. В том случае если вы не смогли красиво уложить белковую массу, то можно после выпечки торта украсить его сухофруктами, предварительно их размочив.

Торт ставите в разогретую, но не жаркую духовку на 8—10 минут, выпекаете на медленном огне и не хлопайте дверцей духовки — торт может осесть. Следите, чтобы не подгорела белковая масса. Сразу торт не вынимайте из формы, дайте ему остыть, только после этого выкладываете его на блюдо, а затем поставьте на некоторое время в холодное место.

Разрезать круглый торт лучше так — сначала вырезаете маленькую круглую серединку, затем делаете более широкий круглый разрез и уже потом режете на отдельные кусочки.

На все приготовление торта вы потратите не более двух часов. Денежные затраты тоже будут небольшие.

Клюквенный пирог

Компоненты: 200 г маргарина или масла, 1 яйцо, 100 г сметаны, мука — 2—3 стакана, стакан сахарного песка и полный, с горкой, стакан клюквы.

Размягченный маргарин растираете в миске деревянной ложкой, добавляете яйцо, сметану и тщательно все размешиваете. В полученную массу постепенно всыпаете муку. Я не пишу точного количества муки, так как в

данном случае все зависит от того, какая по консистенции будет основа. Поэтому вы должны определить на глаз готовность теста, которое не должно быть жидким, хорошо скатывается в колобок, но и не сухое, а маслянистое. Примерно потребуется 2—3 стакана муки. Для того, чтобы тесто было пышнее, добавляете в обычную муку блинную, там есть разрыхлитель, в пропорциях: $\frac{2}{3}$ обычной муки и $\frac{1}{3}$ блинной от общего количества.

Колобок разделите на две части: $\frac{2}{3}$ для коржа и $\frac{1}{3}$ для верхнего слоя. Тесто для коржа поставьте в холодильник на 15—20 минут. Тесто для верхнего слоя — в морозильник до затвердения.

Начинку сделать легко и быстро. Пропускаете клюкву через мясорубку. Сахар добавляете к клюкве в последний момент, то есть перед выкладыванием начинки на корж, чтобы масса не была слишком жидкой.

Охлажденное, но не твердое тесто раскатываете, стараясь сделать круг, выкладываете в форму или сковороду (смазывать не надо, так как тесто маслянистое) и приподнимаете края на 3—4 сантиметра. После этого выливаете готовую начинку и быстро закрываете приподнятыми краями, слегка прихлопывая края к начинке, иначе в духовке они могут слишком подняться.

Берете замороженный кусочек теста и натираете его на крупную терку прямо над пирогом, покрывая его сплошным слоем стружек. Старайтесь делать равномерный слой, без дырок.

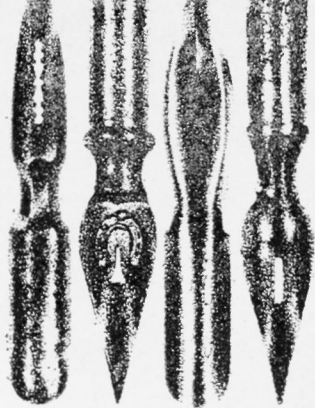
Пирог ставите в разогретую духовку и выпекаете в течение 30—40 минут. Тесто должно зарумяниться. Проверить готовность можно спичкой: проткните тесто, если спичка сухая, значит, пирог готов.

Начинку в таком пироге можно делать разную. Вам будет особенно приятно, если придумаете что-то свое.

Прежде чем приниматься за дело, внимательно прочтите рецепт от начала до конца.

Ирина Смирнова

От редакции. Сегодня дебютировала рубрика, необходимость ее была подсказана нашими молодыми читательницами. Надеемся, что такие публикации помогут вам стать хорошими хозяйками. В то же время мы с благодарностью примем ваши советы, пожелания, предложения, которые помогут нам сделать эту рубрику полезной и популярной.

Справочное бюро

«Уважаемая редакция! Мечтаю стать учителем и хочу поступить в Московский или Ленинградский университет, а живу я в городе Фрунзе. Ответьте, пожалуйста, возможно ли это? И какие документы необходимо иметь при поступлении?»
 О. Абдыкалыков, г. Фрунзе».

По существующим правилам приема в высшие учебные заведения нашей страны разрешается поступать на дневные отделения вузов всем гражданам СССР независимо от их места жительства.

Поступающие к заявлению на имя ректора высшего учебного заведения должны приложить: подлинник документа о среднем образовании, характеристику, выписку из трудовой книжки (для тех, кто работает), медицинскую справку (форма № 286), четыре фотокарточки (снимки без головного убора — 3×4 см).

«Ответьте, пожалуйста, имеют ли право студенты в свободное от учебы время работать на предприятиях?»
 М. Тянгова, Чувашская АССР».

Студенты дневных отделений высших учебных заведений имеют право в свободное от учебы время работать на предприятиях, в учреждениях и организациях с выплатой им заработной платы в соответствии с проработанным временем. Согласия вуза для устройства на работу не требуется.

«Разъясните, пожалуйста, обязаны ли студенты, проживающие в общежитии, делать своими силами и за свои средства ремонт в тех комнатах, где они живут. А также: может ли администрация вуза за отказ от этой работы выслать студента из общежития?»

И. Купалян, Армянская ССР».

В соответствии с Положением о студенческих общежитиях высших учебных заведений, утвержденным приказом министра высшего и среднего специального образования СССР от 25 декабря 1967 г. № 816 (параграф 14), ремонт инвентаря, оборудования, помещений и зданий общежития обязана проводить администрация вуза. Министерство, которому подчинено высшее учебное заведение, имеющее общежитие, обязано выделить средства на ремонт общежития. В параграфе 34 указанного выше положения приведен перечень работ, выполняемых студентами в горячке самообслуживания — работы по содержанию порядка и чистоты в своих комнатах, красных уголках, бытовых помещениях, уборка коридоров, вестибюлей и прилегающей территории. В зависимости от местных условий и необходимости на студентов вузов, проживающих в общежитии, может быть возложена подготовка топлива для кубовой, кухни и прачечной при общежитии, дежурство по этажам.

Поручать студентам производить ремонт комнат в общежитии, где они проживают, или взимать с них какие-либо деньги на ремонт администрация высшего учебного заведения не имеет права.

Из общежития студент может быть выселен в соответствии с параграфом 37 указанного выше положения только при отчислении его из высшего учебного заведения.

«Впервые обращаюсь к вам. В 1981 году я с отличием закончила Саратовский политехнический институт. Распределилась на Саратовский завод электронного машиностроения. Ответьте, пожалуйста, существует ли положение, по которому молодым специалистам, окончившим вуз с отличием, полагается надбавка к заработной плате?»
 О. Брянцева, г. Саратов».

Какого-либо нормативного документа, дающего право на увеличение размера заработной платы молодым специалистам, имеющим диплом с отличием, нет.

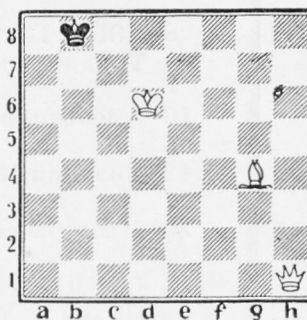
Квартет на шахматной доске

Ферзь и слон против короля

(Окончание)

Прошлый раз, рассматривая данное соотношение сил, мы занимались задачами-трехходовками. Однако известны и задачи с другим числом ходов.

Д. Шумер, 1906

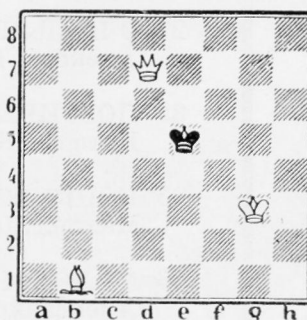

Мат в 2 хода

1. Сс8! Кр : с8 2. Фа8X;
 1... Кра7 2. Фб7X.

Оригинальный замысел, жертва слона — не частый гость в задачах с таким материалом. Обычно белые фигуры, как мы уже видели, тем или иным остроумным маневром свивают матовое кольцо вокруг черного короля. Особенно тонкие действия требуются от белых в задачах-четырёхходовках.

Ю. Антонов, 1973

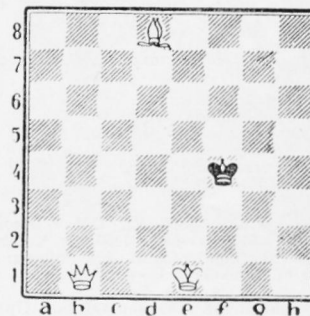
Мат в 4 хода

1. Са2! Кре4 2. Фd6
 Крf5 3. Сb1+Крг5 4. Фg6X;
 2... Кре3 3. Сс4! Кре4
 4. Фf4X; 1... Крf6 2. Крf4
 Крг6 3. Сg8!

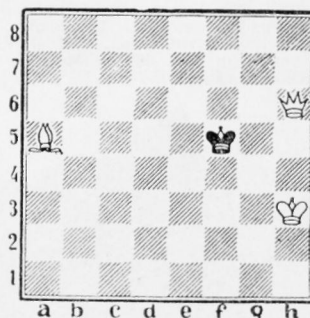
Крf6 4. Фf7X; 3... Крh6 4. Фh7X. Четыре похожих мата ферзем с четырех разных полей. Такие концовки композиторы называют эхо-матами.

Еще две задачи с тем же заданием включены в конкурс. Думаем, что вам придется поломать голову, чтобы справиться с ними. Хотя календарный год кончается, учебный еще только набирает силу, и поэтому наш конкурс продолжается.

Конкурсные задания

Мат в 4 хода

Мат в 4 хода

Шахматный раздел ведет мастер спорта Евгений Гук.

**Общественно-политический
и литературно-художественный
журнал ЦК ВЛКСМ
и Министерства высшего
и среднего специального
образования СССР**

Главный редактор
Владимир Попов

Редколлегия:

*Генрих Волков,
Феликс Волков,
Владимир Грошев,
Николай Егоров,
Алексей Елисеев,
Александр Жуганов,
Валентин Ильченко,
Егор Исаев,
Василий Казаринов,
Анатолий Карпов,
Виталий Крикуненко
(ответственный секретарь),
Эдуард Макаревич,
Юрий Ростовцев
(заместитель главного редактора),
Сергей Сягинов,
Игорь Цыбульский,
Вячеслав Шостаковский.*

*На первой странице обложки
бойцы ВСО в г. Гагарине. Фото В. Лупан-
дина.*

На стр. 5 фотоплакат А. Геринаса.

Главный художник
А. Сперанский
Художественный редактор
К. Кухтин
Технический редактор
Ю. Шабынина

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Наш адрес: 125015, Москва, Ново-
дмитровская ул., д. 5а, редакция журнала «Студенческий меридиан».

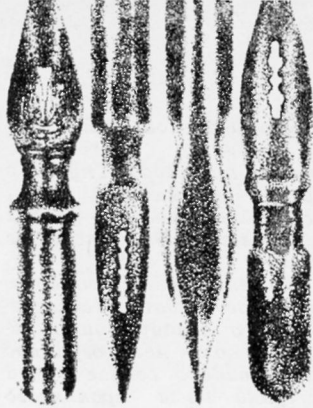
Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссылка на «Студенческий меридиан» обязательна. Телефон для справок: 285-80-71.

Сдано в набор 01.09.82. Подп. в печ. 08.12.82. А13350. Формат 60×90^{1/8}. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,5. Уч.-изд. л. 10,2. Тираж 560 000 экз. Цена 30 коп. Заказ 1482. Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сушеская ул., 21.

60 ЛЕТ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

- 6 Светлана Садыкова. Мы — советские люди
- 6 ПИСЬМА ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ ЛЮДЕЙ
- 8 ЯЗЫК НАШЕГО ЕДИНСТВА
Труд на благо Родины
- 10 Александр Гринкевич. День интернациональной стройки
- 12 Виталий Крикуненко. Лик зерна
- 33 Мы учимся в СССР
- 14 СТУДЕНТЫ 80-Х. ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ
Николай Морохин. Мой друг Довлет
- 16 ПОЭЗИЯ
Дружбы народов надежный оплот. Стихи поэтов братских республик
- 17 НАШ ВЕРНИСАЖ
Главная тема — Родина
- 18 МИР ПРОФЕССИИ
Игорь Цыбульский. Вечер в Оленьей долине
- 47 Василий Казаринов, Сергей Панин. Крутая лыжня
- 21 КЛУБ «ВСТРЕЧА»
Чабуа Амирэджиби. Чтобы книга состоялась...
- 22 ПРОЗА
Виктор Положий. Дикае гуси летят... Повесть
- 26 СТИХОТЕКА
Без знаний в поэзии нельзя
- 27 О ПОЛЬЗЕ ФИЛОСОФИИ
Алексей Лосев. Диалектика и здравый смысл
- 32 ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ
Наталья Бурова
- 35 КОНКУРС ВСО
Михаил Переплеснин. «Мужики»
- 36 МОЛОДОЙ СПЕЦИАЛИСТ: НАЧАЛО ПУТИ
Александр Невский. Город с комсомольским билетом
- 40 СТУДЕНТ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС
- 42 ПРАКТИКУМ ВКУСА
Владимир Нордов. И художник и швея...
- 44 МОЛОДОЙ ХОЗЯЙКЕ
- 45 СПРАВОЧНОЕ БЮРО

Крутая лыжня

«Прошлой зимой в разгар студенческих каникул я отдыхал в горах, на турбазе «Терскол». Лыжи — замечательный вид спорта, он развивает ловкость, координацию движений, быстроту реакции.

Тысячи любителей зимнего отдыха привлекают крутые склоны Чегета, здешние трассы по праву считаются одними из лучших в стране. Но и одними из самых сложных. Их безопасность обеспечивают работники контрольно-спасательной службы. Труд этих людей на первый взгляд незаметен, но очень важен. Хотелось бы прочесть о них в журнале.

Дм. Антонов, выпускник МФИ».

Справочное бюро

«Возможно ли одновременное обучение в двух высших учебных заведениях: в одном — на вечернем отделении, а в другом — заочно?»

О. Киреев, г. Уфа».

Одновременное обучение в двух учебных заведениях (на вечернем и на заочном отделениях) не допускается.

«Уважаемая редакция! После окончания школы я хотела бы поступить в Московское театральное училище имени М. С. Щепкина. Сообщите, пожалуйста, адрес этого училища, какие экзамены и в какие сроки сдают туда при поступлении?»

О. Краснова, г. Чебоксары».

В Московское театральное училище имени М. С. Щепкина принимают юношей и девушек, проявивших творческие дарования, активно участвующих в художественной самодеятельности и получивших рекомендации с места работы или учебы. Прием документов на дневное отделение — с 1 по 10 июля.

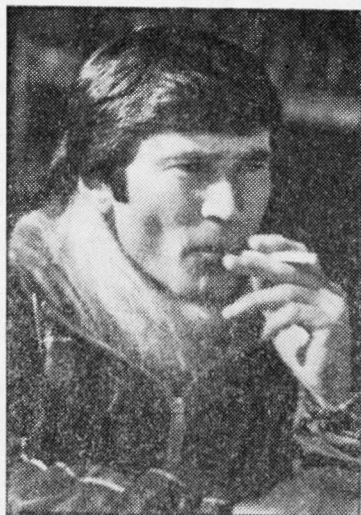
Вступительные экзамены принимаются с 11 по 25 июля по следующим дисциплинам: по специальности, русскому языку и литературе (письменно и устно), истории СССР.

Адрес училища: г. Москва, Пушкинская ул., д. 2/б.

«...где-то есть заочные курсы английского языка. Напишите, пожалуйста, об условиях приема на эти курсы.»

Светлана Ведрова».

В Москве имеются Центральные заочные курсы изучения иностранных языков. Они платные. Адрес: 121861, Москва, Большая Дорогомиловская ул., 27.

Исхак Гулиев

мы. «Хотите случай из жизни? — неожиданно спросил Исхак. — Шел я скоростной спуск на первенстве Союза. Хотел перепрыгнуть с ходу пару бугров, не рассчитал, воткнулся лыжей в сугроб. Единственное, что помню, когда очнулся, — очень больно. И еще: рядом стоит лыжник, бледный как снег, и не может двинуться с места, чтобы хоть как-то помочь мне. Потом, уже в больнице, понял: у него было что-то вроде нервного шока — он видел, как я кувыркался». — «И к чему вы это рассказали?» — не поняли мы. «К тому, что в нашем деле много черновой и малоприятной работы. А что касается слов — «мужественный», «смелый» и других, — то мы их употребляем крайне редко, да и вам того советую».

«Хочу стать каскадером» — так назывался материал, опубликованный в одном из прошлогодних номеров журнала. Речь в нем, кроме всего прочего, шла и о том, что в последнее время стали популярны так называемые экзотические профессии. Ничего, конечно, плохого нет в том, что человек тянется к делу, связанному с острыми ощущениями, риском. Но вот опытный каскадер Владимир Жариков как-то в одной из бесед в редакции признался, что к нему постоянно приходят ребята попробовать свои силы. Приходят десятки. Почти никто не остается. И причина тут не столько в страхе перед трюком, сколько в неподготовленности к каждодневной изнурительной работе, постоянной тренировке. Эффектный трюк — мгновение. Но за ним недели, а то и месяцы труда. Вся беда в том, что люди видят лишь внешнюю, привлекательную сторону профессии...

Когда мы рассказали об этом начальнику контрольно-спасательной службы Чегета Исхаку Тилову, он кивнул: «О горных спасателях представление примерно такое же. Профессия романтическая. В Терсколе редкого пацана найдете, который бы не мечтал со временем надеть красную повязку спасателя, потому что им кажется, что это...» Он задумался, подыскивая нужное слово. «Работа для сильных и мужественных людей», — подсказали

Исхак Гулиев и Саша Хасаев стояли на небольшом «пятачке» у подъемника и смотрели, как пустые кресла неторопливо тянутся вверх. Солнце уже ушло, они поживались, вымокший насквозь свитер мгновенно остыл и казался ледяным. Саша потрогал перебинтованную левую руку. Сломанный пару дней назад палец ныл. Здоровой рукой он пошарил в кармане куртки и вытащил давно отравившиеся от битых-перебитых ботинок «Альпина» застежки, приладил их и щелкнул замками.

— Пошли, что ли? — сказал Исхак.

В тот час, когда весь туристский Терскол отдыхал от приятной и захватывающей «работы» на склоне, они плыли над опустевшими склонами, проклятая поднявшийся ветерок, и поглядывали вниз: не застрял ли кто на трассах.

Такая у них работа — спасатели. А Шамшутдин Курданов уже успел спуститься на канатке вниз — лыжи он в последнее время надевал не часто. Походил на своем веку по склонам этой горы, тринадцать лет в спасателях был, все, хватит, теперь пусть молодежь несетесь сломя голову на чей-то крик: «Человек на склоне!», а у него уже годы не те.

Он сух и подтянут, как большинство людей, многие годы регулярно занимавшихся спортом. Крепкий человек, здоровый, вот только по загорелому

лицу пробежали глубокие морщины — должно быть, на его долю пришлось в достатке и ледяного ветра, и раскаленного солнца.

Он из первого поколения спасательской братии, и в ту пору, когда снежная «Скорая помощь» только становилась на ноги, народ у них был крепкий, проверенный: Али Каримов, сейчас он инструктор турбазы «Эльбрус», старший брат Шахобан... «Веселое» было времечко, техники никакой, о современных железных «аки» — специальных спасательных санках — и не мечтали. Рубили березу, мастерили волокуши, так и работали. Сейчас проще. Люди научились кататься, оборудование прекрасное...

Да, еще лет десять назад это была проблема. На смену деревянным лыжам стали приходиться металлические, и обладатели новинки чувствовали себя счастливыми. Как-то к нему пришел лыжник, посидел, помялся, а потом выложил свою просьбу: упустил на склоне новенькую лыжу, нельзя ли достать? «Достанем», — сказал Шамшутдин.

Правда, если бы речь шла только о лыже, он вряд ли стал бы рисковать. Просто нужно было лишний раз «прощупать» снег на южном склоне.

Они нашли то место. Снег был свежий, глубокий. Он обвязался веревкой, бросил конец своим помощникам и не спеша поехал вдоль склона. Снежная «доска», нависшая над ними, дрогнула, но все же устояла: просто он каким-то шестым чувством выбрал именно то направление движения, по которому проходила грань безопасности. Поедь он метром ниже или выше — и напряженная от обилия снега многотонная «доска» обрушилась бы вниз.

Лыжу он нашел и отдал туристу, который готов был прыгать от радости. — Снег надо знать. Чувствовать его.

Объяснить или описать это чувство снега трудно. Эту науку не преподают. Ее медленно и трудно постигают на практике люди, всю жизнь имеющие со снегом дело.

Спасателю она необходима.

...То утро он хорошо запомнил, хотя многое стерлось в памяти за годы бесконечной гонки по трассам Чегета. Снежные поля северного склона лежали чистые и нетронутые, не прорезанные кривым шрамом лыжни.

Они стояли с Нурисом Урумбаевым, ныне сотрудником противолавинной службы Приэльбрусья, у входа в северный снежный котел, и им нужно было принять решение. Внизу, у подъемника, толпились туристы, которым не терпелось наверх, к этому ослепительно пушистому снегу. Возможно, кто-то рискнет поехать на север.

И тогда случится беда.

Первым поехал Шамшутдин. Он ржал склон наискосок и скорее почувствовал, нежели увидел, как огромные массы снега, потревоженные вмешательством человека, двинулись вниз.

Это зрелище способно смутить даже человека с очень крепкими нервами.

Нурис видел, что произошло. Он не думал, как им удастся выкрутиться из

этого положения — просто поехал наперерез Шамшутдину.

Траектория движения спасателей была настолько четко выверена, что постороннему наблюдателю могло показаться, что произошло чудо: оба они благополучно ушли от лавины. Белая пыль еще долго висела в утреннем воздухе, но снег остановился именно там, где ему положено было остановиться и где он уже не был опасен для лыжников.

Чуда никакого не было. На профессиональном языке это называется «растянуть лавину».

— Шамшутдин, сколько человек вам пришлось за время работы свозить с горы?

— Столько лет... Не помню.

— И все-таки сколько?

— Сколько, сколько... Не помню. — Вопрос его злил. — В этом, что ли, дело? Я тринадцать лет делал эту тяжелую работу, не из-за денег, нет, платят нам мало, я нажил хронический радикулит — и ни о чем не жалею, понимаю?

Чистая вершина Донгуз-Оруна, ни облачка над Эльбрусом, день был хорош — чистое небо, горячее, обжигающее солнце и мягкий снег.

А еще каких-то пару недель назад все было совсем не так. Задул резкий порывистый ветер, поднялась метель.

Часов в одиннадцать кто-то из лыжников принес неприятное известие: «Чуть ниже третьего Чегета на склоне лежит человек».

Омар Апусуаев и его напарник Алеша Байдаев прыгнули в кресла канатки — в такую скверную погоду нельзя терять ни минуты.

Они нашли пострадавшего быстро и тут же отметили про себя, что неудачней места для падения трудно было придумать: на «аки» свезти его вниз не было возможности. Оставалось одно: тащить на себе наверх, к конечной станции канатной дороги.

Такую картину в горах можно видеть достаточно редко. Случись, скажем, на середине склона поломка в оборудовании, не позволяющая ехать дальше, никто не станет карабкаться наверх, все пойдут вниз, пусть даже этот путь будет в десять раз длиннее.

У них выбора не было: только наверх.

Лыжник постанывал от боли, но в общем держался хорошо. В мимолетном разговоре они выяснили, что он военный летчик. Профессия для настоящего мужчины, и вел он себя подobaющим образом.

Хорошо, что им удалось быстро снять его со склона. Значит, можно ограничиться медицинской помощью. А вообще-то в большинстве случаев ее бывает недостаточно.

Им приходится лечить не только физическую, но и моральную травму.

Вот с Сашкой на днях приключилась почти анекдотическая история. Молоденькая девушка кантом лыжи порезала руку чуть ниже локтя. Видимо, был болевой шок, она на минуту потеряла сознание. И первые слова, которые она произнесла, очнувшись, были:

— Что же теперь скажет моя мама!

Ведь это был совсем новенький костюмчик.

Саша ругнулся про себя. «Глупая, о чем думаешь?» — подумал он.

— Лежи спокойно, милая, — сказал он, — еще сто лет в этом костюме прокатаешься...

Реакцию человека, попавшего в такую ситуацию, предугадать невозможно, порой какая-то мелочь, сущая чепуха приобретает для него огромное значение. Саша видел: сейчас с ней случится истерика из-за проклятого костюма — она уже ни боли не чувствует и думать ни о чем не может — и кто его знает, как повернулось бы дело, если бы он, усталый и нервный, наорал на нее вместо того, чтобы, пересилив внезапно накопившую злость, сказать эти простые слова: «Лежи спокойно, милая...»

Это жестокая истина, но, видимо, до конца понять состояние человека, попавшего в беду, найти безошибочно верный тон разговора и характер поведения может лишь тот, кто сам бывал в таком положении. И Саше, и Омару, и Исхаку, и Алеше приходилось не раз падать за те годы, что они стояли на лыжах. Каждый из них на себе испытал, что это такое.

Алеша и Омар медленно несли летчика наверх, и каждый метр этого пути отливало страшной усталостью во всем теле. Они доставили его в целости и сохранности на станцию канатки и опять поехали вниз — в такую бедовую погоду всякое может случиться.

В тот день они до самого вечера торчали на горе. И когда спустились вниз, не чувствовали ни рук, ни ног.

Старенький чайник тяжело и густо задыхался паром, Исхак сбегал на улицу, принес пару кусков снега и бултыхнул их в кипяток. Воду тут, посреди горы, добывают исключительно таким способом.

Рабочий день заканчивался, и хорошо, что он не принес особых хлопот. В углу хижины, нехитрое убранство которой составляли широкие нары, узкий стол, заставленный стаканами с остатками чая и парой электрических плиток, стояла лыжа, по которой специалист наверняка смог бы определить характер человека, катавшегося на ней. Он сказал бы, что владелец лыжи привык ездить не разбирая дороги, в том числе по камням, — изуродованная скользящая поверхность, сантиметров десять стального канта выдраны, что называется, с мясом... И верно, потрепанному «Элану» достались на склоне такие жестокие нагрузки, которых никогда не узнает туристская лыжа.

Это обычная лыжа спасателя, принадлежит она Саше, и могла бы, наверное, о многом рассказать. Например, о том, что многочисленные шрамы на ее поверхности вовсе не следствие варварского отношения к оборудованию. «Аки» везут вдвоем, придерживая за массивные железные ручки. Передний спасатель выбирает направление движения, задний должен безошибочно чувствовать, когда товарищ начнет очередной поворот. Опоздай он на долю секунды — и тяжелые спасательные сани будут просто не удерживать. Тут уж не до бережного отношения к лыжам...

Они не имеют права на ошибку, мимолетный сбой и тем более падение. В «аки» — крепко привязанный к железным бортам беспомощный человек.

— Стало быть, умение хорошо ходить на лыжах, спортивная подготовка, постоянная тренировка — и ты спасатель?

Шипит и булькает чайник, куда Саша вывалил полпачки грузинского чая, скрипит истертыми псеками дряхлый магнитофончик на столе, а за окном медленно догорает этот славный денек.

— Может, и что-то еще...

Когда-то эта хижина принадлежала спасателю Серванте. Должно быть, тогда все было так же, как сейчас. Так же шипел на плитке чайник, так же сидели на нарах люди, говорили о своих делах, когда в дверь постучался человек и сказал, что ему нужно добраться до перевала. Серванте взялся его довести.

От него никто ничего не требовал, ему никто ничего не сулил.

Когда они были почти у цели, спасатель указал попутчику безопасную дорогу. Но человек запаниковал, пошел не там, где надо, и упал. Серванте вернулся и понял, что его спутник не сможет идти. Тогда он его понес.

Уже опустилась ночь, сковала горы ледяным холодом. Задул ветер.

Серванте снял с себя теплые вещи и закутал ими человека. Потом присел на ледяную глыбу и закурил.

Когда к этому месту пришли люди, жизнь уже оставила их уставшие тела. На снегу лежал закутанный в свитеры человек. И рядом — Серванте в рубашке. С сигаретой, зажатой между окоченевшими пальцами.

Мы больше не говорили о делах, обжигая губы, пили грузинский чай, но нам показалось, что все-таки нашелся

тот маленький штрих, смысл которого ребята вложили в неопределенное: «Может, и что-то еще...»

Василий Казаринов, Сергей Панин

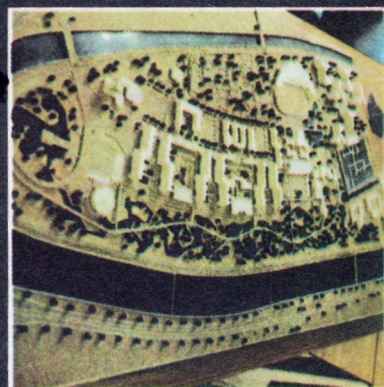
8/1-82
**alma
mater**

Таджикский университет был образован после войны — 21 марта 1947 года. Сегодня это крупнейший вуз республики, один из главных центров культуры и образования. Он располагает десятью учебными корпусами, восемью общежитиями, библиотеками с книжным фондом свыше 1 миллиона 10 тысяч экземпляров, ботаническим садом. Активно ведется научная и исследовательская работа. В вузе 76 кафедр, 4 проблемные лаборатории — физики протонности полимеров; радиохимии редких и рассеянных элементов; акклиматизации, интродукции и селекции растений; программированного обучения.

На 12 факультетах Таджикского университета обучается 12 600 студентов. Из 836 преподавателей 420 имеют степень кандидата наук, 24 профессора.

За годы существования из стен вуза вышло более 30 тысяч квалифицированных специалистов.

Фото А. Черных

Цена 30 коп. Индекс 70932.

